

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press

2016

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета

2016

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Л. Ремнёва, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *главный редактор*

О. А. Смирницкая, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

Е. В. Клобуков, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка – *отв. секретарь по лингвистике*

Н. А. Соловьёва, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы – *отв. секретарь по литературоведению*

Е. Г. Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

Члены редколлегии:

Т. Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М. В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И. М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т. А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С. И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М. М. Филипповой*

Верстка *А. А. Варламова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет.

Подписано в печать 24.02.2016. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,25.
Тираж 300 экз. (1-й завод). Изд. № 10586.

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

© Издательство Московского университета, 2016

© «Вестник Московского университета», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная врезка

Филологический факультет приветствует своего декана 9

К юбилею профессора М. Л. Ремневой

Т. В. Пентковская

Перевод аргументов к Книге Иова 1671 г. на фоне
московских библейских переводов с польского языка 10

Е. А. Кузьминова

«Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII века 40

Н. В. Николенкова

К характеристике грамматической нормы
церковнославянского перевода «Атласа Блау» 51

Е. И. Кислова

Из истории лингвистической компетенции духовенства XVIII в.:
учителя европейских языков в русских семинариях 63

В. С. Савельев

Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания:
сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести
временных лет») 79

О. Н. Киянова

Русский язык как *государственный* язык Российской Федерации
в современных условиях 106

Статьи

А. Е. Маньков

Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии
неизученного языка. Имя существительное (тип м. 3) 117

Ли Вэньгэ, Сюй Хун (Китай)

Оценочное значение и перевод 137

О. А. Мальцева

Перипетии плотского и духовного в цикле Б. Пастернака «весна»:
интертекстуальный аспект 144

Материалы и сообщения

М. С. Центнер

Русизмы в немецком языке: Состав, история, периодизация 152

Критика и библиография

Л. Э. Найдич

Береговская Э. М. Стилистика однофразового текста:
На материале русского, французского, английского и немецкого
языков. М.: ЛЕНАНД, 2015. 334 с. 159

CONTENTS

Towards Professor M.L. Remnyova's jubilee	9
<i>Pentkovskaya T.V.</i> The Translation of the Arguments to the Book of Job, 1671, against the Background of Moscow Biblical Translations from Polish	10
<i>Kuz'minova E.A.</i> “The Dictionary of Difficulties” of the 17th Century Church Slavonic Language	40
<i>Nikolenkova N.V.</i> Towards Characterizing the Grammatical Norm of the Church Slavonic Translation of Atlas Blaeu	51
<i>Kislova E.I.</i> From the History of Linguistic Competences of the 18th Century Clergy: Teachers of Foreign Languages in Russian Seminaries	63
<i>Saveliev V.S.</i> Old Russian Utterances with Illocutionary Multifunctionality: Communications about the Past, Present and Future (on the basis of “The Tale of Bygone Years”)	79
<i>Kiyanova O.N.</i> Russian as the State Language of the Russian Federation in Contemporary Conditions	106

Articles

<i>Man'kov A.E.</i> The Dialect of the Village of Staroshvedskoye: An Experiment at Describing the Morphology of an Unstudied Language. The Noun (type m.3)	117
<i>Li Venghe, Suy Hunn</i> Evaluative Meanings and Translation	137
<i>Mal'tseva O.A.</i> Vicissitudes of the Sensuous and the Spiritual in B. Pasternak's Cycle ‘Spring’: The Intertextual Aspect	144

Communications and Materials

<i>Tsentner M.S.</i> Russisms in German: Their Constitution, History, and Division into Periods	152
---	-----

Critique and Bibliography

<i>Naidich L.E.</i> Beregovskaya E.M. Stylistics of One-Phrase Text. On the Basis of Russian, French, English, and German Language Materials. M., LENAND, 2015	159
---	-----

К ЮБИЛЕЮ ДЕКАНА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ПРОФЕССОРА
МАРИНЫ ЛЕОНТЬЕВНЫ
РЕМНЕВОЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОЕГО ДЕКАНА

Дорогая, глубокоуважаемая Марина Леонтьевна!

Более полувека мы учимся и работаем вместе, более четверти века Вы возглавляете наше общее дело, наш общий труд – воспитание новых поколений российской интеллигенции на благо Отечества. Тысячи филологов стали Вашими воспитанниками и учениками. Мы все обязаны Вам тем сознанием долга и чести, любви к науке и культуре России, которое объединяет нас и открывает смысл и перспективу нашей работы.

День Вашего прекрасного юбилея обращен и в прошлое, и в будущее.

В прошлое – как пройденный путь, на каждом из этапов которого и в каждой из своих ипостасей, от школьного учителя до руководителя крупнейшего в России университетского центра филологического образования, Вы сохраняли верность раз и навсегда избранной стезе; как накопленный и обобщенный опыт научного осмысления истории русского языка и культуры, организации филологической науки и образования; как достойный пример служения высоким целям и задачам нашего дела.

В будущее – как перспектива развития нашей науки и нашего содружества. Мы обязаны быть оптимистами, мы обязаны смотреть в будущее с надеждой и разумной уверенностью, мы обязаны видеть и утверждать смысл филологического знания – фундамента культуры. И Вы для нас были и остаетесь неиссякаемым источником этого всепобеждающего оптимизма.

Будущее любого ученого – в созданной им школе, в его последователях и учениках. Вот почему юбилейный номер нашего факультетского журнала открывается именно такой подборкой статей. Примите его, дорогая Марина Леонтьевна, как символ нашего единства, как выражение дружеских чувств и уверенности в том, что у нас был, есть и будет декан, которого мы любим и которым дорожим, что впереди много дел, много задач, много радости общения и совместной работы.

*С любовью,
Ваш факультет*

Т. В. Пентковская

ПЕРЕВОД АРГУМЕНТОВ К КНИГЕ ИОВА 1671 г. НА ФОНЕ МОСКОВСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ С ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается церковнославянский язык аргументов к книге Иова, полный перевод которой был выполнен с польского в Москве Моисеем Чудовским в 1671 г. Устанавливается, что источником аргументов является кальвинистская Брестская Библия 1563 г. Перевод аргументов рассматривается в кругу других церковнославянских переводов с польского того же времени, относящихся к сфере конфессиональной литературы, – аргументов к Апостолу и Апокалипсису Нового Завета в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского и Псалтыри Авраамия Фирсова.

Ключевые слова: библейские переводы, польский язык, поздний церковнославянский, лексико-грамматические особенности.

The paper deals with the characteristic features of the Church Slavonic language of the Summa, i.e. summary of the Chapters of the Book of Job. This translation was made from Polish in Moscow by Moses, a monk of Chudov monastery, in 1671. It is established that the Summa was translated from the Calvinist Brest Bible of 1563. The translation of the Summa is examined in the circle of other confessional translations from Polish of the second half of the 17th cent., such as Summa to the Acts, Epistles and Apocalypse of the New Testament translation made by the group of scholars under the leadership of Epiphanius Slavinetzky and Euthymius Chudovsky and the book of Psalms in the translation of Avraamiy Firsov.

Keywords: Bible translations, Polish language, late Church Slavonic, lexical and grammatical features.

Книга Иова известна в славянской традиции с древнейшего периода существования книжности у славян. Так, фрагменты из книги Иова находятся в составе Паремийника и восходят к кирилло-мефодиевскому времени. Этот перевод включен и в хорватские бревиарии [Христова-Шомова, 2007: 11, 55]. Полный славянский перевод относят к корпусу переводов, сделанных св. Мефодием и его учениками. Он сопровождался толкованиями Олимпиодора, причем в языковом отношении между ними и основным текстом не выявляются различия, что позволяет предполагать первоначальность толкований [Алексеев, 1999: 159; Христова-Шомова, 2007: 11]. Именно к мефодиевскому переводу восходит текст книги Иова

в составе Геннадиевской Библии [Ромодановская 2005: 584], а также (с некоторыми исправлениями) в Острожской Библии [Розинская, Скобелев, Ткаченко, Турилов, 2011]. Еще два перевода с толкованиями, старшие списки которых относятся к XV в., появились у южных славян. Первый перевод был выполнен в Хиландарском монастыре на Афоне иноком Гавриилом и сопровождается толкованиями позднеантичных и византийских авторов [Христова-Шомова, 2007: 12; Христова-Шомова, 2009: 39–42]. Второй перевод сохранился в двух списках, происходящих из болгарского Рыльского монастыря, и был подробно исследован и издан И. Христовой-Шомовой [Христова-Шомова, 2007]. Все перечисленные церковнославянские версии восходят к греческому тексту [Розинская, Скобелев, Ткаченко, Турилов, 2011]¹. Существовала и традиция славянских переводов книги Иова с Вульгаты: помимо польских переводов в составе разных изданий Библий, имеются еще хорватский перевод, представленный в некоторых глаголических бревиариях XIV–XVI вв., и чешский, опубликованный в 1488 г. (переизданный в 1489 и 1506 гг.) [Христова-Шомова, 2009: 42]. На нескольких источниках основан перевод книги Иова в Библии Ф. Скорины: основой для него, по всей вероятности, послужила византийско-церковнославянская традиция, однако чтения сверялись и с Вульгатой, а в некоторых случаях привлекался чешский текст. Этот перевод снабжен аргументами (кратким изложением содержания) перед главами [Христова-Шомова, 2009: 37–72].

В 1671 г. иеродиакон московского Чудова монастыря Моисей выполнил новый перевод книги Иова с польского языка. Этот церковнославянский перевод, сохранившийся в единственной рукописи из архива Санкт-Петербургского института истории РАН², был введен в научный оборот Т. А. Исаченко, которая рассматривала его как своего рода подготовительный этап библейской справки, санкционированной Постановлением Архирейского Собора 1673 г. [Исаченко, 2002: 67–75; Исаченко, 2009: 47–57]. Моисей Чудовский упоминается в числе книжников, принимавших участие в переводе Нового Завета под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого и инок московского Чудова монастыря Евфимия [Исаченко, 2002: 68].

В переводе Моисея книга Иова делится на 42 главы, что соответствует современному делению и латинской традиции и отличается от традиции Септуагинты, к которой восходят церковнославянские переводы (в них текст

¹ Об особенностях греческой версии книги Иова по сравнению с оригинальным еврейским текстом см. [Рижский, 1991: 201–210].

² СПбИИ РАН, ф. 238 (коллекция Н. П. Лихачева), оп. 1, № 384.

насчитывает 33 главы). Разделение текста на 42 главы представлено также в Библии Скорины [Христова-Шомова, 2009: 42].

Обращение к польскому языку диктовалось, по всей вероятности, несколькими соображениями, ключевым из которых была понятность переведенного текста. В Предисловии к новому переводу читателю предлагается сначала прочитать хотя бы одну главу церковнославянского текста, а потом сравнить ее с новым переводом, чтобы признать его пользу³. Кроме того, польские издания Библии, которые использовались в переводе, содержали разработанный научно-критический аппарат, включавший в себя систему маргиналий и дополнительных текстов (комментариев к главам и аргументов к ним). Но он, видимо, в силу своей инновационности в условиях Московской Руси был перенесен в перевод лишь частично. Полностью были переведены аргументы к главам (краткое содержание), «Аргумент Вуйковъ» в конце текста (л. 120 об.), но комментарии после глав подведены лишь к первым трем главам. Источником комментариев и заключительного аргумента является Библия Якоба Вуйка 1599 г.⁴ (указания на нее содержатся в самом переводе), а аргументы перед главами были переведены с Брестской Библии 1653 г.⁵, так как Библия Вуйка в издании 1599 г. не содержала аргументов. Таким образом, книга Иова принадлежит к числу переводов, выполненных с нескольких источников, польских (протестантская Брестская Библия и католическая Библия Я. Вуйка) и церковнославянских.

Наличие дополнительных текстов, переведенных с польского, в частности, аргументов, объединяет перевод книги Иова с переводом Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого (далее – НЗЕ) и позволяет проводить сопоставление данных текстов, принадлежащих одной книжной среде. Лингвистическое исследование аргументов к Апостолу и Апокалипсису НЗЕ, источником которых послужил Новый Завет Якоба Вуйка 1593 г., было проведено в работе [Пентковская, 2016 (в печати)], и его данные привлекаются в настоящей статье для сопоставления с данными аргументов книги Иова.

В 1683 г. появился перевод еще одной библейской книги – Псалтыри, сделанный Авраамием Фирсовым на «простой обыклой словенской язык», что интерпретируется исследователями как упрощенная (гибридная) разновидность церковнославянского языка [Целунова, 2006: 7; Успенский,

³ О неясностях древнего славянского перевода см. [Розинская, Скобелев, Ткаченко, Турилов, 2011].

⁴ Об этом переводе см., например [Kossowska, 1968: 347–360].

⁵ О Брестской Библии см., например [Kossowska, 1968: 225–253].

2002: 490–491]. Источниками этого перевода также стали Брестская Библия 1563 г. и Библия Я. Вуйка 1599 г. (наряду с Гданьской Библией 1632 г.), причем из Брестской Библии были заимствованы Предисловие, аргументы к псалмам⁶ и значительное число глосс [Исаченко, 2009: 67–71; Целунова, 2006: 8, 144, 387; Успенский, 2002: 491]. Характер использования данных источников представляет собой еще один пункт сближения между рассматриваемыми текстами.

Оба перевода сближает наличие Предисловий, обращенных к читателю⁷, аналогом которых служат Предисловия к читателю польских библейских изданий. Приведем Предисловие к книге Иова по рассматриваемой рукописи: *Сѣа кнѣги сѣаго и праведнаго и многострадалнаго Іова, преведени сѣть во овители, Архистратига михаила чюда егво, созданиѣ" ѿ великагво іерарха алеѣа митрополита всеа роѣсин чюдотворца, еклнсіархомъ моѣсіимъ, с полскихъ нѣкїихъ Библїи, и ншѣа славенскїа, пачеже Іеронима сѣагво. ради оудобнїшаго к прочитанїю разѣмнїа. Пред ними же два положени сѣть Аргѣмента, сирѣчь изъавленїа или описанїа изъавляющаа, сокращенн всю сїхъ кнѣгъ сїаѣ, подобнѣ же и пред всякою главїзною надписанїа ш чесмъ каа бесѣда естѣ, и на стїхї разчиненннн. сѣт же и на краехъ толкованїа сокращеннаа ради оудобнѣйшагво ѣразѣмнїа, каа сѣть недоборазѣмна во славенстѣмъ преводѣ также оѣзриши гаснн во главѣ а.й. вї и во прочїихъ. Но молю любезный читателю сїхъ кнѣгъ, да прочтешї первѣе разѣмнѣ славенскаго древнаго превода єдинѣ главїзнѣ. таже сегво новопреводнагво незавїстнн и несопрѣтелнн, и такво оѣразѣмѣешї сегво превода ползѣ. Аще же блгоѣмїю, твоємѣ возмнїтсѣ чтолико во правописанїи погрѣшїтелнн, молю да исправиши таа бѣзасрѣннн, хѣдости же моєн да дарѣешї прощенїе :- Преведесѣ и преписасѣ сїа кнѣга лѣта гднѣа дѣхоа^г (л. 1 об.–2).*

Переводчики обеих библейских книг руководствуются идеей понятности своего текста для читателей, декларируемой в Предисловиях. Конкретные параметры воплощения этой идеи в языке данных двух переводов требуют подробного сопоставительного анализа всего текста книги Иова, что является делом будущих исследований. На начальном этапе нами подроб-

⁶ Аргументы Псалтыри А. Фирсова изданы Е. А. Целуновой в Приложении № 1 к изданию основного текста [Целунова, 2006: 387–419].

⁷ Предисловие к Псалтыри А. Фирсова издано в составе полного критического издания данного перевода [Целунова, 2006: 183–187].

но рассматривается язык аргументов книги Иова⁸ в переводе Моисея, текст которых публикуется ниже с параллельным текстом из Брестской Библии⁹.

Глѡва, 1

І Свѡтость, имѣніѡ, и попеченіе, іовле ѡ дѣтѣхъ 5 Приношаше ѡ нихъ жертвы 10 Діаволь ѡпросилъ во искѣшеніе 13 По попѣщенію Бжїю ѡсловляетъ егѡ, ѡемла чада и имѣніѡ 20 Вѣра и терпѣніе егѡ (л. 3) – 1 Świętość / majątność / u stárání Jobowe o dzieci *fwowie*¹⁰ / *gdy* zá nie spráwuie ofiáry. 10. Czárt uprośił áby go mógł kuśić. 13. Z dopuśczenia Bożego trafi go odiąwby *tu* dzieci y majątność. 20. Wiárá y cierpliwość jego (л. 274).

Глѡва, 2

І Діаволь поѣсти бѣтъ ѡзловлати іова на тѣлесн¹¹. 9 Жена егѡ подѣщаетъ ѡставити бѣга. 11 тріе дрѣзи іовли прїидоша ѡтѣшити егѡ (л. 8 об.) – 1 Szátánowi dopuścza Bog trafić Jobá ná čiele. 9. Zoná

⁸ Существует и другой перевод аргументов книги Иова, находящийся в составе рукописи Син. 812 (по водяным знакам датируется 1671 г.). Син. 812 содержит аргументы к книгам Ветхого Завета с инципитами глав и на лл. 1–29 имеет скрепу следующего содержания: **Сїѡ книга на вивелїю выклады еже естъ напїсанїе всякой глѡвѣ списано с польской с картинной выкладѡвъ города Дмитрова Борисоглѣвского мїтра Архїмандрїта Адриана келейная попїсана его власною рѣкою 7191 А ѡ рождества Бга Глѡва 16 (83 – недописано)** [Протасьева, 1970, I: 14]. Дмитровский Борисоглебский монастырь в 1652 г. был пожалован царем Алексеем Михайловичем Никону, бывшему тогда новгородским митрополитом, и приписан к новгородскому Софійскому дому. В 1664 г. монастырю была возвращена самостоятельность. В 1682 г., при царе Феодоре Алексеевиче, был подготовлен указ о приписке обители к Заиконоспасскому московскому монастырю для материальной поддержки Славяно-греко-латинской академии, однако этот указ остался неподписанным и не вступил в силу [Маштафаров и др., 2007: 445]. Начало: **Начинае кнїга Иовѣ. Глѡва а. Како бѣтъ даль Силѣ Сатанѣ на невѣлимъ имѣнїемъ и како четыре слѣги иже едн прѣвѣгмъ въ вѣщахъ іовѣ разоренїе его имѣніи и чд и онъ ѡво терпѣнїе дѣжаше. Начало бѣ члѡвкъ той истиннїи і непороченъ** (л. 70 об. –71). А. И. Соболевский предполагает, что эти статьи связаны с латинской и немецкой Библией и что их перевод был сделан Дмитрием Герасимовым или Власом Игнатовым при подготовке Геннадиевской Библии [Соболевский, 1903: 184–185]. Напротив, С. И. Николаев связывает этот перевод с выборкой библейских чтений, составленной П. Скаргой [Николаев, 2015:133].

⁹ <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=2752&from=&dirids=1>. Дата обращения 12.01.2016. Польский текст передается с соблюдением основных орфографических особенностей этого старопечатного источника. Различные орфографические варианты написания одной и той же словоформы польского оригинала не унифицируются.

¹⁰ Выделенное здесь и далее отсутствует в церковнославянском переводе.

¹¹ ѣ исправлено из є.

go náwawia áby opuścił Bogá. 11 Trzey przyiáciele Jobowi przybli ciebyć go (л. 274 об.).

Глѡва, 3

І Ішвѣ ѡкарметъ день рожденїа своѣ^Ѡ 11 Желаетъ ѡмрети, в чемъ ѡказѣтъ такъ смѣрть всакой бѣдѣ есть конѣ^Ѡ (л. 12) – 1. Job złorzeczy dzieñ národzenia swego. 11. Prágne umrzeć w czym ukázuie iż śmierć ieŝt koniec wbytkiey nędze (л. 274 об.).

Глѡва, 4

І Ішва оукарметъ елифазъ за нетерпѣнїе егѡ. 7 Показѣтъ емѡ такъ онѡе ѡслобленїе терпитъ за грѣхи свои. 17 Зане члѡвкъ неправеденъ есть прѣ гдѣмъ бѡгомъ. 18 и сами дѡглан. (л. 17 об.) – 2. Job á strofuie Elifáz z niecierpliwoŝci. 7. Ukázuiác mu iż to trapienie cierpi dla grzechow swoich. 17. Gdyż człowiek ieŝt nieŝpráwiedliwy przećiw Pánu Bogu. 18. Y ŝami Anyołowie (л. 275).

Глѡва, 5

І Елифазъ паки ѡкрѣплетса, во своѣй повѣсти, показѣтъ такъ празднѡ естъ глѡпопалчїе (!) члѡвкъ нечестивыхъ. 9 Прославлетъ к семѡ дѣла бѡжїа дивнаа и разѡм^Ѡ непостижнаа (л. 19 об.–20) – 1. Elifáz przedŝię stoi przy swey powieŝci / okázuiác iáko ieŝt niczemne ŝceŝćie ludzi niepobożnych. 9. Wysławia przytym ŝpráwy Boże dziwne á rozumem nieogarnione (л. 275 об.).

Глѡва, 6

2 Ішвѣ тавити хошетъ ѡслобленїе своѡе тажше паче грѣха своегѡ. 9 Желаетъ ѡмрети. 13 показѣтъ невѣрство² дрѡзѣй свои^х и непостоянство¹² (л. 22 об.) – 2. Job pokázac chce trapienie swje być ciężŝe niŝli grzech swoy. 9. Prágne ŝmierći. 13. Okázuiie niewiernofć y nie uŝtáwicznoŝć przyiáciš swoich (л. 275 об.).

Глѡва, 7

І Ішвѣ показѣтъ такъ житїе челоѡѣческое ничтоже ино естъ, точию трѡдѣ и скорѡе всегдашнаа (л. 25) – 1. Job ukázuiie iż żywot ludzki nic nie ieŝt inego iedno praca y nędzá uŝtáwiczna (л. 276).

Глѡва, 8

Валдадѣ ѡкарметъ ішва да познаетса такъ праведнымъ сѡдомъ бѡжїимъ за грѣхи казнитса. 13 надежда и конецъ члѡвкѡвѣ лѡкавыхъ

¹² В соответствии с правкой (см. цифры над словами, обозначающие порядок слов) предлагается читать: «невѣрство и непостоянство друзей своих», как в польском.

(27 об.) – 1. Báldad upomina Jobá áby Jię przyznał że ieſt ſkaran dla grzechow / á to ſpráwiedliwym ſádem Bozym. 13. Nádzieia y koniec ludzipokrytych (л. 276).

Глѡва, 9

2 Iwbъ показѡетъ ѡакw никтoже имать быти истиненъ прѣ бгѡмъ, исповѣдѡетса быти грѣшнымъ и ничтожественнымъ (л. 29 об.) – 2. Job ukázuie iż nie máb żadnego coby miał być uspráwiedliwion przed Bogiem 2. Wyznawa Jię być grzebnym y niczemnym (л. 277).

Глѡва, 10

I Iwbъ оукараетса пред бгѡмъ тяжестей своихъ. 9 сравняетъ первыа добродѣтели с настоящимъ шлобленіемъ, показѡетъ веліе немардїе бжїе. 18 желяетъ сегw дабы никoгдаже бы. 20 молитъ w времени поканїа. 21 описанїе смерти (л. 32 об.–33) – 1. Job Jię uſkarza przed Bogiem ciębkoſci ſwoich. 9. Rownáiaç pierwſze dobrodziejstwá z teráznieybym utrapieniem okázuie wielkâ strogoſç Bozâ. 18. Prágnie tego iżby był nigdy nie był. 20. Profi o czas ku pokuçie. 21. Opifánie ſmierci (л. 277).

Глѡва, 11

2 софаръ iwba неправеднw порокѡе. 7 показѡетъ, ѡакw бгѡмъ ѡнюдъ не естъ постижный. 13 Кающемъ сѡ естъ мардный wписѡетъ бгѡполоучїе члѡвка добродѣтелнаго (л. 35) – 2. Sofâr Jobá nieſpráwiedliwie winuie. 7. Okázuie iż Bog ieſt żadnâ rzeczâ nieogárniony. 13. Y pokutuiaçemu miłojfierny. 10. Wypifuiie bçzęſcie człowiekâ dobrego (л. 277 об.).

Глѡва, (!) 12

2 iwбъ показѡетъ терпѣнїе свое и смиренїе. 7 к семѡ показѡетъ силѡ творца каж познана бываетъ в дѡлахъ и творенїи егw. 17 показѡетъ паки ѡакw той единъ премѡнаетъ совѣты мѡдрыхъ, и чины црѣй, и кнѡзей (л. 37) – 2. Job okázuie ciерpliwoſç ſwâ y pokore. 7. Przytym ukázuie moc ſtworzycielá ktora poznána bywa w ſpráwach y w ſtworzeniu iego. 17. Okázuie teſz iż on ſam odmienia rády ludzi mádrych / y ſtany Krolewſkie y Kſiáżęce (л. 278).

Глѡва, 13

I iwбъ šкаратъ дрѡги свои, ѡ нѡже самыхъ словестъ. 15 спасенїе wбѣщаннwе немимоходитъ кающихса, или погивель члѡвкѡ лѡкавыхъ. 20 молитъ гдѡ, да не казнитъ егw такw жестоцѣ (л. 39 об.) – 1. Job ſtrofiuie przyiaçioły ſwe z ichſze włafnych ſłow. 15. Zbáwienie obiecáne nie minie pokutuiaçych / á záfїę potępienie ludzipokrytych. 20. Profi Páná áby go ták przykro nie karał (л. 278 об.).

Глава, 14

І Выписѹетъ ѡ каанство и краткость житїа члѣвча. 7 и 14. пророчествѹетъ в востанїи из мертвых, и в мѣкахъ вѣчны^х. 18 вса видимаа сѣть измѣненна (л. 42) – 1. Wyрiѣуie nędzę y krotkoſc̄ żywotā człowieczego. 7. y. 14. Prorokuie o zmartwychwſtaniu y o mękachъ wiecznych. 18. Wſytki rzeczy widome ſą odmienne (л. 278 об.).

Глава, 15

2 Елифазъ оукараетъ ішва ѿ егв велеречїа, зане творитса мѣрымъ и правымъ. 16 вписѹетъ прадность, гордость, и неблгополѹчїе нечестивыхъ, еже все вное неправеднѣ приписѹетъ, ішвови (л. 44 об.) – 2. Elifáz bтrofuie Jobá z iego chłuby / iz ſię czyni mądrym y niewinnym. 16. Opіfuie proznoſc̄ / pychę / y niebzc̄ęſcię niepobożnych / co też wſythko nieprawdziwie przyрiѣуie Jobowi (л. 279).

Глава, 16

І ішвъ возбѹжденъ лютоſтїю дрѹговъ своихъ, повѣдаетъ такв безъ вины скорбь страждетъ, в нейже бг̄ъ ѹдержѹетъ егв. 18 взываетъ егв на свидѣтелство невинности своеа (л. 47 об. – 48) – 1. Job ruſony ſtrogoſcią przyяcioł ſwoich opowiada iz bez winnoſcī cierpi uciſk w ktorым go Bog dzierży. 18. Wzywa go ná ſwiádecтво niewinnoſcī ſwoiey (л. 279 об.).

Глава, 17

І извѣщаетъ скѹдость емѹже бг̄ъ непомогаетъ, 10 всакаго приводитъ к̄ покаанїю и к̄ разсѹжденїю смерти (л. 50) – 1. Opowiada niedoſtátki człowieka onego ktorego Bog nie wſpomoże. 10. Káżdego przywodzi ku pokucie / y ku rozmyſłaniu ſmierci (л. 280).

Глава, 18

2 Валдадъ порицаетъ ішва иже не хошетъ вѣрити блгосовѣтны^м. 5 возвѣщаетъ неблгополѹчїе, и конечнѹю напасть члѣк̄к̄ нечестивы^х. (л. 51 об.) – 2. Báldád winuie Jobá iz nie chce wierzyć tym ktorzy mu dobrze rádzá. 5. Opowiada niebzc̄ęſcię y oſtáteczny upadek ludzi niepobożnych (л. 280).

Глава, 19

І ішвъ пакн захищаетса невинноſтїю своею, изъавлаа нѹждѹ и ѡсловленїе свое. 14 оскорблетса такв ѡставленъ ест̄ ѿ дрѹговъ своихъ 25 надѣетса пакн, такв дастъ емѹ бг̄ъ совершнное избавленїе (л. 53 об. – 54) – 1. Job przedſię брони niewinnoſcī ſwoiey / ukázuiác nędzę ſwoię y utrapienie. 14. Y uſkarża ſię iz ięſth opuѣczon od przyяcioł ſwoich. 25. Nádziewa ſię ięſcze iz mu Bog da zupełne wybáwienie (л. 280 об.).

Глѡва, 20

5 Софаръ показѹетъ, ѡкѡ хвала члѡвкъ нечестивыхъ кратка пребываетъ. 7 кончина же ихъ бываетъ сѣла вѣдна. 12 Аще и мнѡтса быти на время блгополѹчными (л. 57) – 5. Sofár okázuie iz chwałá ludzi niepobożnych krotko trwa. 7. Y iz dokończenie ich bywa bárzo nędzne. 12. Choćiaz się zdádzá być do czáfu bczęfliwemi (л. 281).

Глѡва, 21

7 Ивѡъ показѹетъ, ѡкѡ нечестивѡи любодѣйствѹютъ в счастѡи 14 такѡ ѡкѡ хлѡмѡтъ бѣга. 16 возвѣщаетъ скорое паденѡе ихъ 23 паче же показѹетъ, ѡкѡ ннеди наказанный не имѡтъ познанъ быти слочестивымъ, ниже Той емѡже счаститса имѡтъ познатиса побожнымъ (л. 67 об. – 68) – 7. Job okázuie / iz złošnicy wbetecznieiá w bczęfciu. 14. Jak iz bluźniá Bogá. 16. Opowiada teź blijki ich upadek. 23. Nád to ukázuie iz żaden Źkarány nie ma być rozumian złoŹciwem / áni ten komu się bczęfci ma być rozumian pobożnym (л. 281).

Глѡва, 22

Елифазъ извѣстѹетъ, ѡкѡ ивѡъ казненъ есть за словѡ свою. 6 Егѡже винитъ ѡкѡ немлѡтивъ бѣ. 13 и ѡкѡ ѡвержеса помощи бѣи. 14 Производитъ на позорище повѣсти члѡвкъ нечестивыхъ тоѡ вещи. 15 В конецъ приводитъ егѡ к поканѡю (л. 63) – 2. Elifáz dowodzi iz Job Źkarán ieŹt zá Źwe złoŹci. 6. Ktorego winuie iz był niemilosierny. 13. Y iz się záprzał opátrznofci Bożey. 14. Przythaczáiac ná plác powieŹci ludzi niepobożnych o tey rzeczy. 21. Y nákoniec go nápomina ku pokućie (л. 281 об.).

Глѡва, 23

11 ивѡъ исповѣдѹетса ѡкѡ прѡмъ пребываетъ в повелѣнѡи гдѡни. 13 ивѡъ показѹетъ ѡкѡ бѣгъ созданиѡ [на поле: ѡе] свое милѹетъ ѡкѡ воли. Обаче же все творитъ праведнѡ 11 ивѡъ исповѣдѹетса ѡкѡ прѡмъ пребываетъ в повелѣнѡи гдѡни (л. 66) – 2.13. Job okázuie iz się Bog obchodzi z Źwoim Źtworzenim iáko Źię mu zda. 10. Y wBákoź wŹytocko czyni Źpráwiedliwie. 11. Przy ktorego woli opowiada Źię Job iz zawždy Źtał (л. 282).

Глѡва, 24

2 Ивѡъ глѡлетъ ѡкѡ цвѣтѹтъ нечестивѡи, и блгополѹчне властвѹютъ немилосердѡи, и сѡе все творитса по смотренѡю бѣио. Конечнаѡ казнъ, и бѣда члѡвкъ [на поле: ѡвѡ] нечестивыхъ (л. 67 об.) – 2. Job wypŹiŹuie iáko złošnicy kwitná / á fortunnie pánuiaŹ okrutnicy / Y iz Źię wŹytocko dzieie z opátrznofci Bożey. 17. OŹtátheczne karánie y upadek ludzi niepobożnych (л. 282).

Глава, 25

1 **Валдадъ** **вблнчаеѣтъ** **такъ** **никтоже** **чистъ** **есть** **предъ** **вѣгомъ** (л. 70 об.) – 1. Báládád wywodzi iż żaden nie ieŝt czyŝtym przed Bogiem (л. 282 об.).

Глава, 26

2 **Иувъ** **вблнчаеѣтъ** **валдада**, **и** **изъавлаеѣтъ** **величество** **всемогущаго** **нензреченное**. **7** **и** **оказъеѣтъ** **извѣстныя** **оказы** **смотренїа** **вжегъ** (л. 71) – 2. Job przywodzi Báládádá ku obaczeniu ŝpraw Bożych. 7. Y okázuie pewne dowody opátrznoc̆i Bożey (л. 282 об.).

Глава, 27

1 **Иувъ** **сканчаеѣтъ** **разсѣжденїе** **свое**, **изъавлаеѣтъ** **какъ** **есть** **сѣтна** **надежда** **члвкъ** **нечестивы**^x. **13** **вбдаанїе** **мѣчителей** **и** **слодѣевъ**, **19** **шпованїе** **же** **сѣтно** **есть** **богаты**^x (л. 72 об.) – 1. Job kończy roŝpráwę ŝwoię. 8. Y okázuie iáko ieŝt proźna nádzieia ludźipokrytych 13. Záplátá okrutnikow y złoŝnikow. 19. Y proźne ufánie Bogaczow (л. 283).

Глава, 28

1 **Ѡ** **прозрѣнїа** **вещей** **сотворенны**^x **и** **дѣла** **израдинѣйшихъ** **вжїихъ**, **производитъ** **Иувъ** **всемоцство** **и** **величество** **творца** **20** **в** **томъ** **единомъ** **есть** **совершенна** **мрость**^d (л. 75) – 1. Z przypáthrowánia rzeczy ŝtworzonych / y z zacnych ŝpraw Bożych wywodzi Job wŝechnocnoŝc y zacnoŝc ŝtworzycielá. 20. W ktorym ŝámyim ieŝt doŝkonała mądroŝc (л. 283 об.).

Глава, 29

1 **Иувъ** **вспоминаеѣтъ** **дни** **своа** **и** **вса** **честнаа** **и** **побожнаа** **дѣла**. **12** **правдъ** **и** **блгочестїе**, **сїе** **все** **приписъеѣтъ** **блгости** **вжїи**. **21** **Добротъ** **свою** (л. 77 об.) – 1. Job przypomina wczęŝcie ŝwe y życie / y wŝytki ŝwe poczciwe y poboźne ŝpráwy. 7. y. 21 Zacnoŝc ŝwá. 12 Spráwiedliwoŝc y poboźnoŝc / Co wŝytko przyczyta dobrotliwoŝci Boŝkiey (л. 283 об.).

Глава, 30

1 **Иувъ** **вскорблеѣтса** **зане** **прерѣн**³ **есть** **Ѡ** **члвкъ** **последнихъ**. **12–21** **и** **такъ** **такъ** **вслобленъ** **Ѡ** **бга**. **23** **исповѣдаеѣтъ** **пакн** **такъ** **смерть** **всакомъ** **домъ** **есть** (л. 80) – 1. Job цлкарза ŝїе že ieŝt wzgárdzon y od ludźi napodleyŝych. 12.21. Y iż tak utrapion ieŝt od Bogá. 23. Opowieda theź iż ŝmierc ieŝt domem káźdego (л. 284).

Глава, 31

исчислаеѣтъ **невинность** **свою** **и** **правдъ** **во** **всѣхъ** **дѣлѣхъ** **своихъ**. **идѣже** **впредѣлено** **есть** **житїе** **члвка** **блгочестива** (л. 82 об. – 83) – Wylicza

niewinność swoię y s̄práwiedliwos̄ć swą we w̄bytkich s̄práwách swoich / kedy oto ięst wypis̄jány żywot człowieka pobożnego (л. 284 об.).

Гл̄ва, 32

2 Сл̄д̄с̄ь показ̄дет̄ь іакв др̄з̄и егв ничтоже раз̄с̄м̄б̄ют̄ь. 6 Укаре̄т̄ь ішва іакв сам̄ь оправда̄ет̄ьса, и все̄м̄ь выш̄с̄ьса. 8 показ̄дет̄ь іакв не л̄ѣта, но б̄г̄ь да̄ет̄ь м̄р̄с̄ть (л. 87) – 2. Elihu okázuie iż przyiaciele iego nic nie umieją. 6. Sztrofuie Jobá iż się sam us̄práwiedliwiał. 8. Okázuie że nie látá ále Bog dáie mądrość (л. 284 об.).

Гл̄ва, 33

1 Порок̄дет̄ь ішва ѿ егв нев̄ѣжд̄ества 14 Показ̄дет̄ь іакв б̄г̄ь раз̄личн̄ѣ наказ̄дет̄ь ч̄л̄в̄ка, пр̄ивод̄а к позн̄ан̄ію гр̄ѣхов̄ь 19 29 озлоб̄лет̄ь ч̄л̄в̄ка, и паки егв ав̄іе ѿт̄ѣд̄ѣ из̄зем̄лет̄ь. 26 из̄бавлен̄ный вскор̄ѣ бл̄годарит̄ь б̄га (л. 89 об.) – 1. Winuie Jobá z iego nieumiejętności. 14. Okázuiąc iż Bog rozmáicie karze człowieka / przywodząc go ku uznaniu grzechow. 19.29. Trapi człowieka / y zásię go wnet z tego wyimuie. 26. Ktory iako Јkoro bywa wybáwion dziękuie Bogu (л. 285 об.).

Гл̄ва, 34

5 Второе ішва Укаре̄т̄ь, іакв творит̄ьса правед̄ны^М. 12 показ̄дет̄ь іакв б̄г̄ь єдин̄ь єсть праведен̄ь в с̄д̄ѣх̄ь своих̄ь. 24 и пр̄ем̄ѣнен̄іа цр̄т̄в̄ь ѿ него с̄ѣть (л. 92 об.) – 5. Powtore Jobá fuka że się czyni s̄práwiedliwym. 12. Okázuie iż Bog ięst s̄práwiedliwym w sąd̄zech swoich. 24. Y iż odmiany Krolestw są od niego (л. 286).

Гл̄ва, 35

2 Полза правды, или неправды на єдинаго точ̄ію ч̄л̄в̄ка пр̄иход̄и, а не на б̄га. 10 Нечестив̄іи, аще и к б̄г̄ь взываю^Т обаче услышани не бываю^Т (л. 96) – 2. Pożytki s̄práwiedliwos̄ci ábo nies̄práwiedliwos̄ci ná Јámego thylko człowieka przychodzą / á nie ná Bogá. 10. Złos̄nicy ácz ku Bogu wołaią á przed̄się nie bywaią wys̄łucháni (л. 286 об.).

Гл̄ва, 36

Єл̄д̄с̄ь сканчава̄ет̄ь р̄ѣчи свои. 5 показ̄дет̄ь правд̄ѣ в̄ж̄ію, чр̄ѣ егв дивные д̄ѣла. 6/23 паче же чр̄ез̄ь казн̄ь юже поп̄с̄ка̄ет̄ь на люди кающӣьса, ко спасен̄ію их̄ь 13 и ко гажден̄ію лице м̄ѣров̄ь (!) (л. 97 об. – 98) – 1. Elihu przed̄się ко̄нчы rzecz swoie. 5. Ukázuie s̄práwiedliwos̄ć Bożą przez iego dziwne s̄práwy. 6.23. A nawięcey przez karánie ktore dopuścza ná ludzi pokutuiące ku zbáwieniu ich. 13. Y ku pohán̄bieniu ludz̄ipokrytych (л. 286).

Глава, 37

2 Елиѡсъ еше извѣщаетъ, какъ мудрость бѣжа неувѣлата есть. изъавленна же во израднѣйшихъ дѣлахъ егѡ (л. 101) – 2. Elihu iebzece dowodzi tego iż mądrość Boża nieogárniona iеjst obiáwioná w zacnych spráwách iego (л. 287).

Глава, 38¹³

Гдѣ глѣтъ иѡвѡ покажетъ емѡ ѡсердїе члѣвче, в призрѣнїи творенїа егѡ, ѡ негѡже израдство, крѣпость, правда, и смотренїе, творца бываетъ познавана (л. 103 об.) – Pan mowi do Jobá okázuiąc mu krewkość człowieczą w przyrátrowánїu stworzenia iego / z kthorego zacność / moc / spráwiedliwość / y opátrznocъ stworzycielá bywa poznawaná (л. 287 об.).

Глава, 39

1 Блгость и призрѣнїе бѣже простираетса на скоты и звѣри полстїи, даже до вранъ, ѡвнѡдѡже дае члѣвкѡ велїю винѡ во еже ѡповати бгѡ. 5 вса правителствѣтъ крѣпость егѡ, держава, сила (л. 107) – 1. Dobrocъ y opátrznocъ Boża ściága się ná bydletá y ná zwierzętá polne áz do kruzęt / skąd się okázuiе człowiekow i wielka przyczyná ufáć w pánu Bogu. 5. Wbytko spráwuie moc iego (л. 288).

Глава, 40

2 Какъ сѣлаѡ немощна крѣпость члѣвка, кто ю ѡравнати восхоце^Т в дѣлѣ бѡжомъ 10 Егѡже крѣпость показѣтса в сотворенїи звѣрей великихъ (л. 110 об.) – 2. Jáko iеjsthá bárho mdlá moc człowiecza kto iá zrownáć chce z spráwámї Božemi. 10. Kthorego moc okázuiе się w stворенїu zwierzęt wielkich (л. 288).

Глава, 41

1 Выписовай (!) велїорыба, гавлетъ гдѣ всемошество свое, емѡже ничтоже сопротивитса (л. 113) – 1. W wypisowánїu Wielorybá okázuiе Pan wbechmocność swoię / thákowá ktorey się nic sprzeciwić nie może (л. 288 об.).

Глава, 42

2 Иѡвѡ исповѣдетъ крѣвкоscy свою и грѣхъ свой. 7 Дрѣзней егѡ наказѣтъ бгѡ. 9 Молитса иѡвѡ в дрѣззехъ свой^х. 12 Блгослови бгѡ иѡвѡ и возврати емѡ сѡгѡво. 13 снѡве егѡ лѣта и смерть (л. 113 об.) – 2. Job wyznawa krewkość y grzech sѡwoy. 7. Przyziácioly iego fuka Bog. 9. Modli

¹³ Отсутствие нумерации стиха в этой главе отвечает польскому оригиналу. Словоформы из него далее цитируются с индексом 38.0.

fię Job za przyjaćioły fwemi. 12. Bog mu błogosławi / y wraca mu tyle dwa kroć *co był utrącił*. 13. Synowie iego / láta / y śmierć (л. 289).

В языке перевода аргументов книги Иова можно выделить несколько характерных лексико-словообразовательных особенностей, одни из которых демонстрируют ориентацию переводчика на маркированно церковнославянский узус, а другие вызваны польским влиянием. Так, здесь неоднократно встречаются композиты, свойственные церковнославянскому языку, среди которых отмечается активность сложений с первым элементом **благ-**: **бл̑годаритъ** (33.26) – dziękuje; **бл̑гопол̑чїе** (!) (5.1) – bczęście; **бл̑гопол̑чїе** (11.10) – bczęście; **бл̑гопол̑чнє** (24.2) – fortunnie; **бл̑гопол̑чными** (20.12) – bczęśliwemi; **небл̑гопол̑чїе** (15.16 и 18.2) – niebczęścić; **бл̑гослови** (42.12) – błogosławi; **бл̑госов̑тны**^М (18.2) – ср. tym którzy mu dobrze rządzą; **бл̑гости** (29.12) – dobrotliwofci; **бл̑гочестива** (31.0) – pobożnego; **бл̑гочестїе** (29.12) – pobożnośc. При этом в подавляющем большинстве случаев (исключение составляет только 42.12) данному корню в польском соответствуют другие образования. Отметим, что и в переводе Псалтыри А. Фирсова сложения с **благ-** занимают заметное место в составе словника, что в данном случае демонстрирует ориентацию обоих переводов на устоявшиеся церковнославянские модели.

Характерные церковнославянские сложения и в других случаях могут употребляться не в соответствии со сложением в польском: **Ѡ велеречїа** (15.2) – z chłuby; **доброд̑тєлнаго** (11.10) – ср. dobrego; **любод̑йстви̑ють** (21.7) – wbetecznieią; **немимоходн̑**^Т (13.5) – nie minie. В меньшинстве случаев в польском находим также композиты: **доброд̑тєлни** (10.9) – dobrodziejftwá; **злочестивымъ** (21.23) – złoścíwem.

Наличие сложных слов, чаще всего в соответствии с польскими словосочетаниями, отвечающих словоупотреблению основного текста и являющихся в большинстве случаев принадлежностью общего церковнославянского лексического фонда, характерно и для НЗЕ, например Деян. 6:13 **ажєсвид̑тєли** (л. 155 об.) – fałszywe świádkі (л. 418) [Пентковская, 2016 (в печати)].

Наблюдающаяся в переводе синонимическая вариативность показывает, что переводчик не стремился к буквальности, которая обычно выражается в однозначном закреплении строго определенного синонимического варианта за одним переводимым словом, зачастую без учета контекста (эта тенденция действует, в частности, в переводах богослужебных текстов с греческого XIV в. и в НЗЕ) [Пентковская, 2009: 12]. С одной стороны, один и тот же корень может переводиться по-разному с учетом контекста и стремления к разнообразию, например, **бл̑гопол̑чїе** (11.10) – bczęście,

ср., однако, в **счастїи** (21.7) – w szczęściu; **счаститсѧ** (21.23) – się szczęści; **засноѣ** – **величество** (28.1), **добротѣ** (29.21), **израдство** (38.0); upadek – **бѣда** (24.17), **напастѣ** (18.2), **паденїе** (21.16); **нѣдза** – **бѣда** (3.2), **скорвь** (7.1), **укалнство** (14.1); opowieda – **повѣдаеть** (16.1), **извѣщаеть** (17.1), **возвѣщаеть** (18.2, 21.16), **исповѣдаеть** (30.23); **winuie** – **порокъѣ**^T (11.2, 33.1), **порицаеть** (18.2); **ludzi pokrytych** – **лице мѣровъ** (!) (36.13), **члѣвкъ лѣкавыхъ** (13.15), **члѣвкъ нечестивы** (27.1).

С другой стороны, разные польские лексемы могут переводиться одним и тем же словом: **бѣдѣ** – **нѣдзе** (3.2), **бѣда** – upadek (24.17); **взываетъ** – **wy-
wa** (16.18); **взываютъ**^T – **wołaia** (35.10); **извѣщаеть** – opowieda (17.1), dowodzi (37.2); **исповѣдаеть** – opowieda (30.23), также **исповѣдѣеть** – **wyznawa** (42.2); **исповѣдѣетсѧ** – **wyznawa się** (9.2), opowieda się (23.11); **нечестивыхъ** – **niepobożnych** (5.1, 15.16, 18.2, 20.5, 22.14, 24.17), **нечестивїи** – **złódnicy** (24.2, 35.10), **члѣвкъ нечестивы** – **ludzi pokrytych** (27.1); **познана** – **poznána** (12.7); **познанъ** – **rozumian** (21.23); **скорвь** – **нѣдза** (7.1), **уцїк** (16.1); **ѣкареть** – **złorzeczy** (3.1), **ѣтрофуе** (4.1, 13.1, 15.2, 32.6), **упомина** (8.1), **fuka** (34.5), **оукаретсѧ** – **się ukarża** (10.1); **явлаетъ** – **wyriфуе** (24.2), **оказуе** (41.1).

Тенденция к буквализации в переводах богослужебных книг XIV в. и в НЗЕ выражается и в поморфемном переводе, жестко соотносящем приставки языка оригинала и переводящего языка [Пентковская, 2009: 12–24]. В аргументах книги Иова в данном случае наблюдается та же вариативность, что и при переводе корней. Так, в переводе одна и та же приставка может соответствовать разным приставкам в однокоренных польских словах: **изъавлла** – **ukázuiąc** (19.1), **изъавлаеть** – **okázuie** (27.1); **вблнчаеть** – **wywodzi** (25.1), **przywodzi** (26.2); **вписѣеть** – **wyriфуе** (11.10), **opifuie** (15.16); **показѣеть** – **ukázuie**, **ukázuiąc** (4.7, 5.1, 7.1, 9.2, 12.7, 21.23, 36.5), **показѣеть** – **okázuie**, **okázuiąc** (6.13, 10.9, 11.7, 12.2, 20.5, 21.7, 23.2/13, 32.2, 32.8, 33.14, 34.12, 38.0), также **показѣетсѧ** – **okázuie się** (40.10); **в призрѣнїи** – **w przypátrowaniu** (38.0), **призрѣнїе** – **opátzność** (39.1); **ѣказѣеть** – **ukázuie** (3.2), **okázuie** (26.7).

Вместе с тем, перевод не свободен от лексических полонизмов. Очевидно, окказиональным полонизмом является **счаститсѧ** (21.23) – **się szczęści** [Исаченко, 2002: 71]. Некоторые из таких лексических калек варьируются с их нейтральными эквивалентами. Так, полонизм **кревкосць**, употребленный в 42.2, может рассматриваться как окказионализм: **їувъ исповѣдѣеть кревкосць свою и грѣхъ свой** (л. 113 об.) – **Job wyznawa krewkość y grzech swoy** (л. 289). Его употребление в сфере выражения человеческих эмоций (ср. совр. польск. **krewkość** ‘эмоциональность, вспыльчивость, импуль-

сивность', старопольск. 'слабость'¹⁴), по всей вероятности, связано с затруднениями в выборе подходящего церковнославянского эквивалента. В другом контексте, однако, переводчик нашел нужный ему вариант: **ГДЬ ГЛѢТЬ ІШВЪ ПОКАЗѸЕТЪ ЕМУ ѸСЕРДІЕ ЧЛѢЧЕ, В ПРИЗРѢНІИ ТВОРЕНІА ЕГО** (л. 103 об.) – Pan mówi do Jobá okazując mu krewkość człowieczą w przyrátowaniu stworzenia iego (л. 287 об.).

Дважды в переводе аргументов употребляется прил. **побожный**: **побожнымъ** (21.23) – robożnym, **побожнаа** (29.1) – robożne. Значение данного слова (польск. robożny 'благочестивый') было хорошо известно переводчику, который в других местах подобрал для него и однокоренных слов церковнославянский эквивалент: **бл̑гочестива** (31.0) – robożnego, **бл̑гочестіе** (29.12) – robożnośc, **нечестивыхъ** (5.1, 15.16, 18.2, 20.5, 22.14, 24.17) – nierobożnych. Этот полонизм ко времени перевода мог быть в определенной степени известен в Москве, ср. **непобожность** 'нечестие' (польск. nierobożność) в Послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: И такой непобожности ни в бесерменских государствах не слыхано, чтоб рать билася, а послы посольствовали [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 11: 213]. Не исключено, впрочем, что лексема **побожный** является полонизмом опосредованным: ср. укр. *побожний* 'благочестивый'.

В переводе аргументов употреблен полонизм **велиорыбъ** (польск. wieloryb 'кит'): 41.1 **Ввыписовай (!) веліорыба, гавлаетъ гдь всемоцество свое** (л. 113) – 1. W wypisowaniu Wielorybá okázuie Pan wŃechnocnośc swoię (л. 288 об.). Эта же лексема встречается и в основном тексте: 7:12 **еда азъ есмь море или веліорыбъ, пакъ вбѣлаа еси ма темницею** (л. 26 об.) – Библия Вуйка 1599 г. Y zażem ia ieft morze / ábo wieloryb / żeś mię obtoczył ciemnicą (л. 525). Ср. Библия 1663 г. **море ли есмь, или змиі, пакъ оучинилъ еси на ма храненіе** (л. 219 об.) – πότερον θάλασσά ειμι ἢ δράκων, ὅτι κατέταξας ἐπ' ἐμὲ φυλακήν;

Кроме того, она же представлена в переводе комментариев к главе 3:8, взятых из Библии Я. Вуйка 1599 г.: **оуготовляють възвѣдити на са Левіаѡанъ сирѣч веле рыба (!) егуже пища вѣдѣтъ** (л. 17) – gotują ję wzrubuć przeciw sobie Lewiatan / to ieft wieloryba / ktorégo Ńtrawą będą (л. 523). Грецизм **китъ**¹⁵ в переводе не употребляется, и это согласуется с его

¹⁴ <http://www.staropolska.pl/slownik/?nr=150&litera=K&id=837> Дата обращения 21.01.2016.

¹⁵ О расхождении латинской и греческой традиций (Leviathan – μέγα κῆτος 'великий кит') и о чтении δράκων – змиі см. [Христова-Шомова, 2007: 154–157]. Отметим, что в аргументах к книге Иова Син. 812 этот грецизм встречается дважды (один раз в составе внутритекстовой глоссы): **Гл̑ва м̑. Како б̑тъ ішва обанч̑а того ради**

основной тенденцией не использовать греческие заимствования (ср. также перевод слова **лицемѣръ** при отсутствии хорошо освоенного церковнославянской библейской традицией грецизма **ипокритъ**, употребляемого, в частности, в НЗЕ)¹⁶. С церковнославянской традицией, следующей здесь за греческим текстом (**σμίη** – δράκων), переводчик также расходится.

Наличие данного полонизма объединяет перевод аргументов книги Иова с переводом Псалтыри Фирсова, в которой лексема **велерывъ** употреблена трижды (73:13; 103:26; 148:7) [Целунова, 2006: 129, 438].

Польским влиянием обусловлено и употребление выражения **ѡ востаніи из мертвых** (14.7 и 14) – o zmartwychwstaniu. Лексема **востаніе** заменяет здесь **воскресеніе** (< греч. ἀνάστασις). Этот полонизм был хорошо известен в сочинениях Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, ср., в частности, в аргументах НЗЕ: Деян. 2:27 **воставъ и мертвы**^х (л. 149) – НЗВ 1593 г. Powstawy od umarłych (л. 399); 2 Тим. 2:8 **и мертвы**^х **востаніе** (л. 389 об.) – zmartwychwstanie (л. 736) [Пентковская, 2016 (в печати)]. Систематическая замена **воскреснѣти** на **востати** (под влиянием польского *wstać, powstać*) свойственна переводу А. Фирсова: **востати** употребляется в этом памятнике 41 раз, тогда как **воскреснѣти** всего 4 раза [Целунова, 2006: 114].

Вероятно также, следованием польскому оригиналу объясняется форма страд. причастия пр. вр. с суф. **-ва-** **познавана** (38.0) – poznawana, ср. **познана** (12.7) – poznana; **познанъ** (21.23) – rozumian.

В то же время следует отметить, что лексема **тос** переводится как **силѣ** (12.7) и **крѣпость** (38.0, 39.5, 40.2, 40.10), калькированный вариант **моць** в аргументах книги Иова отсутствует. В свою очередь в аргументах НЗЕ варьируются варианты **моць** и **сила**, которые в пределах одного контекста могут использоваться вместе во избежание повтора: 2 Кор. 13:1 **Претитъ согрѣшившымъ. вѣждѣа ѡ к покаянію: да не пришедъ к нимъ нещаднѡ накаже ѡ, силою данною емѣ ѡ крѣга ѡ: егоже моць да познаютъ в себѣ**

яже ѡ вѣми оправдашея и како бѣ во ѡподовлени вегемота сирѣчь **Елефанта** и левигафтона сирѣчь кита **показѣ** яже дияволъ нещодѣваемъ бѣ ѡ члвкъ (л. 76 об.); Глѡа ѡа. **Како бѣ новѣ показѣ** во **вбразѣ** кита яже дияволъ страшень и грозень **всѣмъ людемъ** ѡ емѣ никто **никакимъ** **ѡрѣжемъ** **противитися** **можетъ** (л. 77).

¹⁶ В переводе аргументов отмечены только тривиальные грецизмы **дѣволъ** (1.10) – szárt; **дѣволѣ** (2.1) – szátanowi; **агган** (4.18) – anyołowie. В аргументах Псалтыри Фирсова набор грецизмов более разнообразен, в частности там находим лексемы **іерейство** (109:4) – káplánstŭo, **іерей** (131: 8 и 16) – káplani, **кіѡтъ** (131: 8) – jkrzyniá, которые употребительны и в основном тексте перевода [Целунова, 2006: 493, 495]. Многочисленны устойчивые грецизмы и в аргументах НЗЕ: **акровствѣа**, **анафема**, **архїерей**, **догматы**, **іерей**, **іерейство**, **маргариты** и др. [Пентковская, 2016 (в печати)].

(л. 347 об.) – НЗВ 1593 г. 1 Grozi tym ktorzy zgrzebyli / áby ich pobudził do pokuty: żeby do nich przybedły nie mußiał ich Jurowie kárác / mocą iemu dáną od Chrjstufá. 4 Ktorego moc mieliby słuŝnie znać w sobie (л. 647) [Пентковская, 2016 (в печати)].

Дважды встречается сущ. **всемоц(е)ство** (28.1, 41.1) – wŝechnoŝc̣, которое отмечено также в переводе Толковой Псалтыри Брунона 1535 г. (по списку XVII в.) и в Арифметике Магницкого 1703 г. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 3: 126], но при этом есть и прил. **всемогѹщаго** (26.2) с неясным польским соответствием.

Одним примером засвидетельствована в аргументах книги Иова отрицательная частица **ниже** (21.23) – áni, которая является стандартной для церковнославянского языка. Этот факт значим при сопоставлении с переводом Псалтыри Фирсова, в которой калька áни ‘ни’ (с перенесенным из польского знаком краткости) встречается 10 раз, причем число ее употреблений полностью равно количеству появлений частицы **ниже** [Целунова, 2006: 130].

Проявлением полонизации в словообразовательной сфере является активное использование лексем с суффиксами **-ств-** и **-ость-** [Исаченко, 2002: 71]¹⁷. Часть таких слов соответствует польским лексемам с тем же суффиксом (четыре из них имеет древние фиксации, а два отмечаются лишь в позднее время): **бл̑гость** (39.1) – dobroć; **краткость** (14.1)¹⁸ – krotkoŝc̣; **люгостѣю** (16.1) – srogoŝc̣iá; **мр̑сть** (28.1, 32.8, 37.2) – mądroŝc̣; **невинность** (31.0)¹⁹ – niewinnoŝc̣; **невинности** (16.18) – niewinnoŝci; **невинностѣю** (19.1) – niewinnoŝci, **пр̑дностѣ** (15.16) – proŝnoŝc̣. Однако полное соответствие по суффиксу наблюдается не всегда и, очевидно, не входило в намерения переводчика: **правда** (29.12, 31.0, 35.2, 36.5, 38.0) – spráwiedliwoŝc̣; **неправды** (35.2) – niespráwiedliwoŝci; **терпѣнїе** (1.20, 12.2) – cierpliwoŝc̣; **за нетерпѣнїе** (4.1) – z niecierpliwoŝci; **призр̑нїе** (39.1) – opátrnoŝc̣; **израдство** (38.0) – zasnoŝc̣; **т̑жестей** (10.1) – ŝc̣ębkoŝci; **правителствѣтъ** (39.5) – s̝práwuiе и др.

Наличие значительного числа таких образований может быть отнесено к признакам позднего московского варианта церковнославянского языка, где суффикс **-ость** развил продуктивность под влиянием западнорусского литературного языка, в котором этот процесс проходил в XIV–XVI вв.

¹⁷ Формант **-oŝ** широко используется в сочинениях XVI–XVII вв., позднее вытесняясь другими суффиксами, в частности **-stw-** [Ананьева, 2009: 277–278].

¹⁸ Отмечается в источниках с XVII в. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 8: 26], в том числе в Псалтыри Фирсова [Целунова, 2006: 499].

¹⁹ Исторические словари фиксируют эту лексему с XVII в. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 11: 46], в число источников входит и Псалтырь Фирсова [Целунова, 2006: 124, 518].

Характерен в этом отношении язык Псалтыри Фирсова, в которой засвидетельствовано 55 отвлеченных существительных с суффиксом **-ость** (всего 343 употребления), причем только 17 из них отмечены в традиционном церковнославянском тексте Псалтыри [Целунова, 2006: 123].

Важными для определения типа языка перевода Моисея являются определенные грамматические параметры, которые, кроме того, значимы и для группировки рассматриваемых переводов.

1. Основной глагольной формой в аргументах является настоящее историческое, которое в абсолютном большинстве случаев переводится настоящим временем (115 словоформ). Лишь в трех случаях настоящее время переводится аористом: **бл̑гослови** (42.12) – błogosławi; **возврати** (42.12) – wraca; **попѣсти** (2.1) – dopuścza. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все эти три формы (две первые находятся в составе одного предложения в близком контакте) имеют омонимы, так как образованы от глаголов с основой на суффиксальный **-i-**, причем первому из них соответствует польская форма настоящего времени, внешне напоминающая церковнославянский аорист с этим суффиксом. Один раз настоящее время переводится имперфектом 1.1 **Приношаше ѿ нихъ жертвы** (л. 3) – za nie srgawuie ofiagy (л. 274). Этот случай приходится на начало текста, как и форма аориста **попѣсти** (2.1), и может свидетельствовать о некотором колебании в выборе стратегии перевода форм настоящего времени. Традиционно настоящее историческое (греческого оригинала) переводилось в церковнославянских библейских текстах формами прошедших времен. Перевод соответствующими формами настоящего исторического характерен только для Чудовской редакции Нового Завета XIV в. (ЧРНЗ) и основного текста НЗЕ, который активно использовал ЧРНЗ как источник [Пентковская, 2009: 112–135].

В аргументах НЗЕ форма настоящего исторического передается вариативно либо формами прошедших времен: аориста (см., например, Деян. 3:6, Деян. 7:59, Деян. 19:1, Деян. 24:22, Апок. 20:3), имперфекта (см., например, Деян. 5:15, Деян. 7:59, Деян. 19:11, Деян. 24:26), либо формами наст. исторического (см., например, Деян. 5:16, Деян. 5:20, Деян. 5:22, Деян. 5:29, Деян. 5:40, Деян. 5:42, Деян. 7:2, Деян. 19:16, Деян. 24:24). Выбор формы аориста или имперфекта зависит, по всей вероятности, от вида глагола и от характера основы [Пентковская, 2016 (в печати)]. Большая вариативность в выборе форм настоящего времени или претеритов отличает ситуацию в аргументах НЗЕ от ситуации в аргументах книги Иова, ср., например, Деян. 24:10 **Ѡвѣща** – odpowiada, но Иов 16.1 **повѣдаеть** – orowieda.

В аргументах Псалтыри Фирсова, которые, как и аргументы книги Иова, переведены с Брестской Библии, как правило, формы настоящего времени

передаются также настоящим, например: 2. **Взываетъ бѣга противъ клятвы авесаломовы.** 3. **Поноситъ непріятелен своихъ.** 5. **Научаетъ ихъ к познанію** [Целунова, 2006: 388] – 2. Wzywa Bogá przeciwko sprzyśięzeniu AbŃalomowemu. 3. Hąnbi nieprzyaicioły swoie. Nąmawia ię ku uznaniu (л. 290 об.). Однако такое соотношение выдерживается не всегда, и возможна передача настоящего прошедшим временем (л-формой), например Пс. 3: 4. **А егда ѡповалъ на бѣга.** 5. **Взывалъ его.** 7. **И смѣло постѣпилъ на повѣдъ его** [Целунова, 2006: 388] – 4. A wždy on przedŃię dufa w Pánu. 5. Wzywa go. 7. A śmiele Ńię Ńpuwczą ná zwycięstwo iego (л. 290 об.).

2. Польский перфект (в аргументах зафиксированы формы 3 л.) трижды переводится формами аориста: 2.11 **трѣе дрѣзи ѡвни прїдоша ѡтѣшити егѡ** (л. 8 об.) – Trzey przyjaciele Jobowi przybli ciebyć go (л. 274 об.); 22.6 **Егѡже винитъ такъ немативъ бѣ.** 13 и **такъ ѡвержеса помощи бѣи** (л. 63) – 6. Ktorego winiue iż był niemiłofierny. 13. Y iż Ńię záprzał opátrznofci Bozey (л. 281 об.). Один раз в этой позиции встречается л-форма: 1.10 **Дїаволь ѡпросилъ во искѡшенїе** (л. 3) – Czárt uproŃił áby go mogł kuŃić (л. 274). Единственный случай использования л-формы на месте л-формы без связи в 3 л. ед.ч. отмечен и в аргументах НЗЕ: Гал. 6:12 **Еще ѡвѣщаваетъ, стрещися лстецѡвъ, прѣлагающї законъ, иже сами егѡ не исполнили** (л. 355) – 12 JeŃcze nápomina áby Ńię Ńtrzegli zwodzcow / ktorzy zálecaiac zakon Ńami go nie pełnili (л. 664) [Пентковская, 2016 (в печати)].

Еще в одном случае на месте перфекта находим форму наст. времени, однако в этом стихе перевод довольно свободный, и говорить о точном соответствии форм затруднительно: 23.11 **ѡвъ исповѣдѡется такъ прѣѡвъ превываетъ в повелѣнїи гдѣни** (л. 66) – Przy ktorego woli opowieda Ńię Job iż zawždy Ńtał (л. 282).

Наличие форм аориста и имперфекта и их преобладание над л-формой (единичной в обоих текстах) свидетельствует об ориентации языка аргументов книги Иова, как и аргументов НЗЕ, на стандартный церковнославянский. Более сложная ситуация представлена в переводе Псалтыри Фирсова, в языке которой преобладают л-формы (71,5%), на долю аориста приходится 13,1%, а имперфект используется незначительно (0,3%). При этом формы аориста и имперфекта, отражающие сложное взаимодействие с церковнославянским текстом Псалтыри, релевантны для А. Фирсова именно как признаки книжности, делающие его язык церковнославянским, хотя и весьма упрощенным [Целунова, 2006: 67–72].

3. По образцу польского отрицательная частица **не** отделяется от формы глагола **быти** в 3 л. ед. ч. наст. времени: гл. 11:7 **покажетъ, такъ бѣтъ ѡнѡдъ не естъ постижнїи** (л. 35) – Okázuie iż Bog ięft żadną rzeczą nieogárniony

(л. 277 об.). Та же особенность характеризует и аргументы в НЗЕ, однако здесь сочетание **НЕ ЕСТЬ** регулярно встречается и в основном тексте, где оно соотносится с греческим οὐκ ἔστί. Для НЗЕ, как и для других переводов Епифания и Евфимия, в принципе не характерна слитная форма **нѣсть** [Пентковская, 2016 (в печати)]. Она, однако, употребительна в языке Псалтыри Фирсова [Целунова, 2006: 85].

4. Конструкция, внешне сходная со сложным будущим I (**имамь** + инф.), как правило, употребляется на месте сочетания глагола **mieć** с инфинитивом в значении долженствования: **ИМАТЬ БЫТИ** (9.2) – miał być; **ИМАТЬ ПОЗНАТИСЯ** (21.23) – ma być rozumian; **НЕ ИМАТЬ ПОЗНАТЬ БЫТИ** (21.23) – nie ma rozumian być. Такие же конструкции, одновременно коррелирующие с польским и церковнославянским, характерны для аргументов в НЗЕ [Пентковская, 2016 (в печати)] и Псалтыри Фирсова [Целунова, 2006: 65–66].

5. Распределение двух способов выражения пассивных конструкций – пассивного причастия с глаголом-связкой и формы с **сѧ** – в значительной степени зависит от польского текста, хотя имеется и исключение: с одной стороны, **ОСКОРБЛЯЕТСѧ** (19.14) – u[karża się, **УСКОРБЛЯЕТСѧ** (30. 1) – u[kárza się, **ЎВЕРЖЕСѧ** (22.13) – się ząprzał, **ОПРАВДАЕТСѧ** (32.6) – się u[sprawniwił, **ТВОРИТСѧ** (15.2, 34.5) – się czyni, **ТВОРИТСѧ** (24. 2) – się dzieie, **ПРОСТИРАЕТСѧ** (39.1) – ściaga się; с другой стороны, **УСЛЫШАНИ НЕ БЫВАЮТЬ** (35.10) – nie bywają wysłuchani, **БЫВАЕТЬ ПОЗНАВАНА** (38.0) – bywa poznawana, **УСТАВЛЕНЬ ЕСТЬ** (19.14) – jest opu[szczon, **КАЗНЕНЬ ЕСТЬ** (22.2) – [karan jest, но **КАЗНИТСѧ** (8.1) – jest [karan.

Отметим, что встретившаяся в аргументах НЗЕ польская пассивная конструкция переводится синтетической формой: 1 Тим. 1:8 **ЗАКОНЪ ДАДЕСѧ РАДИ НЕПРАВЕДНЫ**^x (л. 382 об.) – Zakon dla niesprawniwyich jest dany (л. 720) [Пентковская, 2016 (в печати)].

6. Наличие или отсутствие связки в настоящем времени чаще всего совпадает с таковым в польском оригинале: 4:17 **ЗАНЕ ЧЛѠВКЪ НЕПРАВЕДЕНЪ ЕСТЬ ПРЕДЪ ГДМЪ БГОМЪ** (л. 17 об.) – Gdyż człowiek jest niesprawniwy przeciw Pánu Bogu (л. 275), но 11:7 **ПОКАЖЕТЕТЬ, ТАКЪ БГЪ ѠНЮДЪ НЕ ЕСТЬ ПОСТИЖИМЫЙ**. 13 **КАЮЩЕМЪ Сѧ ЕСТЬ МРДНЫЙ** (л. 35) – 7. Okázuie iż Bog jest żadną rzeczą nieogámiony. 13. Y pokutuiaćemu miłófierny (л. 277 об.); 34:12 **ПОКАЖЕТЕТЬ ТАКЪ БГЪ ЕДИНЪ ЕСТЬ ПРАВЕДЕНЪ ВЪ СЪДБѠХЪ СВОИХЪ** (л. 92 об.) – Okázuie iż Bog jest sprawniwyim w sądzach swoich (л. 286). В Псалтыри Фирсова также отмечается тенденция к употреблению связки там, где она есть в польском тексте [Целунова, 2006: 86].

7. Польским оригиналом обусловлена частотность конструкции с предлогом **къ** + отглагольное сущ. в дат.п. со значением обстоятельства цели:

к разсужденію (17.1) – ku rozmyślaniu, **к познанію** (33.14) – ku uznaniu, **ко спасенію** (36. 6/23) – ku zbawieniu, **ко гажденію** (36.13) – ku pohánbieniu, **к поканію** (17.1, 22.21) – ku pokucie, но **поканіа** (10.20) – ku pokucie. В одном случае конструкции перевода и польского текста (в котором находим сущ. с предлогом ku) различаются настолько сильно, что возможно предполагать здесь либо дополнительный источник²⁰, либо самостоятельный текст переводчика: Иов 26:2 **Іувъ вблнчаецъ валдада, н изъавлаецъ велнчество всемогъцаго неизреченное** (л. 71) – 2. Job przywodzi Báládádá **ku obaczeniu spraw Bożych** (л. 282 об.). Регулярны такие конструкции в переводе аргументов Псалтыри Фирсова, например Пс. 4:5 **Навчаецъ ихъ к познанію** [Целунова, 2006: 388] – *Námawia ię ku uznaniu* (л. 290 об.). Считается, что такие свернутые конструкции в польских библейских переводах распространяются под влиянием чешских текстов и являются кальками с латыни [Rospond, 1973: 347].

8. Употребление сущ. с предлогом **чрезъ** в значении средства или посредника действия находит поддержку в польском оригинале: 36.5 **показъетъ правдъ вѣію, чре³ егво дивные дѣла. 6/23 паче же чрезъ казнъ юже поплъскаецъ на люди кающнаса, ко спасенію ихъ** (л. 97 об. – 98) – 5. *Ukázanie sprawiedliwość Bożą przez iego dziwne sprawy. 6.23. A nawięcey przez karanie ktore dopuŹcza ná ludzi pokutuiące ku zbawieniu ich* (л. 286).

В аргументах НЗЕ конструкция с предлогом *przez* представлена большим, чем в аргументах книги Иова, числом случаев. Перевод ее обнаруживает вариативность – аналогичная конструкция с предлогом **чрезъ**, тв.п. беспредложный, иной предложный вариант, причем преобладает первый вариант, соотносящийся с польским. Конструкция эта, однако, в НЗЕ имеет двойную обусловленность, так как в основном тексте Нового Завета наличие конструкции с **чрезъ**, как правило, отвечает греческому оригиналу (конструкции с предлогом διὰ), что относит ее одновременно к числу лексико-синтаксических грецизмов [Пентковская, 2016 (в печати)]. Польским оригиналом поддерживается и употребление сущ. с предлогом **чрезъ** в переводе А. Фирсова (всего 18 случаев) [Целунова, 2006: 93].

9. Польским оригиналом диктуется употребление сущ. с предлогом **отъ** в род.п., обозначающей субъект в пассивной конструкции: 19:14 **оскорблаетса пакв вставленъ естъ ѿ дрѣговъ своихъ** (л. 53 об. – 54) – *A uŹkarża Źię iż iefth opuŹczon od przyiacioł swoich* (л. 280 об.). Такие же конструкции находятся в аргументах НЗЕ: 2 Тим. 4:14, **17 ѿ александра**

²⁰ Сопоставление с аргументами Гданьской Библии 1632 г. (напомним, что она использовалась А. Фирсовым в переводе Псалтыри) показывает абсолютную разность их текста с переводом аргументов у Моисея, см. <http://www.bibliagdanska.pl/biblia.php?d=Stary%20Testament&k=Joba&g=26>. Дата обращения 15.01.2016

ωζλοβε^Н ζῆ: Но ѿ Гда ѿтвержденъ (л. 391 об.) – 14 Y od Alexándrá utrapionu. 17 Ale od Páná potwierdzony (л. 740). Следует отметить, что, как и в случае с предлогом **чрезъ**, их употребление в НЗЕ поддерживается наличием в греческом оригинале конструкций с ὑπὸ (ἄλλο), которые также переводятся конструкциями с **отъ** и входят в набор церковнославянских синтаксических средств, то есть для переводчиков НЗЕ актуальным является двойное соотнесение с польским и греческим [Пентковская, 2016 (в печати)]. Поддержка со стороны церковнославянского синтаксиса могла осуществляться и в случае книги Иова. В свою очередь, употребление таких конструкций в польских библейских переводах представляет собой кальку с латинских и греческих пассивных конструкций [Rospond, 1973: 347]. Такие же конструкции регулярно встречаются и в аргументах Псалтыри Фирсова, в частности: Пс. 3:2 **Великое ѿтвѣсненіе двѣдъ, егда ѡблеженъ былъ ѡтвсюдъ ѿ непріятелен своихъ** [Целунова, 2006: 388] – Wielki ucisk Dawidow gdy był obłożon od nieprzyjaciół swoich (л. 290 – 290 об.).

10. Характерной церковнославянской чертой является субстантивация местоимения и причастия в ср. р. мн. ч.: 14.18 **вса видимаа сътъ измѣненна** (л. 42) – ср. Wbytki rzeczy widome są odmienne (л. 278 об.).

11. Прилагательные в составе сказуемого употребляются чаще в краткой форме, что нормативно для церковнославянского, чем в полной: 4:17 **Зане члѣвкъ неправеденъ есть прѣ гдмъ бгомъ** (л. 17 об.) – Gdyż człowiek iest nieśprawniwy przeciw Pánu Bogu (л. 275); 22:6 **Егже винитъ акв немативъ въ** (л. 63) – Ktorego winiue iż był niemiłofierny (л. 281 об.); 25:1 **никтоже чистъ есть пред бгомъ** (л. 70 об.) – żaden nie iest czystym przed Bogiem (л. 282 об.); 9:2 **никтоже иматъ быти истиненъ прѣ бгм** (л. 29 об.) – nie máł żadnego coby miał być usprawniwlion przed Bogiem (л. 277). Краткая форма в последнем случае поддерживается польским текстом. Но ср. 11:7 **показѣтъ, акв бгъ ѡнюдъ не есть постижный**. 13 **Кающемъ са есть мрдный** (л. 35) – 7. Okázuie iż Bog iest żadną rzeczą nieogárniony. 13. Y pokutiúacemu miłofierny (л. 277 об.). Ср. тж. тв.п. предикативный: 15:2 **творитса мдрымъ и правымъ** (л. 44 об.) – się czyni mądrym y niewinnym (л. 279); 34:5 **Второе иова ѡкажетъ, акв творитса праведны** (л. 92 об.) – 5. Powtore Jobá fuka że się czyni śprawniwlwym (л. 286). Такое же состояние характерно и для Псалтыри Фирсова [Целунова, 2006: 84], и для аргументов в НЗЕ.

Тв.п. предикативный с полной формой прилагательного употребляется и при инфинитиве: 9:2 **исповѣдѣтса быти грѣшнымъ и ничтожественнымъ** (л. 29 об.) – Wyznawa się być grzešnym y niczemnym (л. 277); 20:12 **Аще и мнатса быти на время блгополчными** (л. 57) – Choćiaż się zdádzą być do czáfu bczęśliwemi (л. 281); 21:23 **ниеди наказанный не иматъ познанъ быти**

слочестивымъ, ниже Той емѣже счастлитсѧ имать познати сѧ побожнымъ (л. 67 об. – 68) – żaden Źkarány nie ma być rozumian złoŹciwym / ani ten komu Źię wcześniej ma być rozumian pobożnym (л. 281). Во всех случаях польский оригинал оказывает поддержку в выборе тв. падежа. Отметим, что в Псалтыри Фирсова тв.п. предикативный при глаголе **быти** встречается 21 раз, однако не в составе приинфинитивной конструкции [Целунова, 2006: 85–86].

Возможно, гиперкоррекцией (переводчика или переписчика) объясняется наличие дат. падежа сущ. и согласованного с ним мест. в соответствии с польским тв.п. предикативным в 30:23 **исповѣдаеть пакн такв смерть всакомѣ домѣ есть** (л. 80) – Opowieda theż iż śmierć ieŹt domem káżdego (л. 284).

12. Нормативным для перевода аргументов книги Иова является оди-
нарное отрицание, характерное для грецизированного варианта церковно-
славянского языка: 9:2 **никтоже имать быти истиненъ прѣ бѣгѣм** (л. 29 об.) – nie máb żadnego coby miał być uspráwiedliwion przed Bogiem (л. 277); 10:18 **желаеть сегв дабы никогдаже бы** (л. 32 об.) – Prágnie tego iżby był nigdy nie był (л. 277); 25:1 **никтоже чистъ есть пред бѣгомъ** (л. 70 об.) – żaden nie ieŹt czystym przed Bogiem (л. 282 об.); 32:2 **Елиѣсъ показѣть пакв дрѣзи егв ничтоже разѣмѣють** (л. 87) – Elihu okázuie iż przyjaciele iego nic nie umieią (л. 284 об.); 41:1 **павлаеть гдѣ всемошество свое, емѣже ничтоже сопротивитсѧ** (л. 113) – okázuie Pan wŹbechmocnoŹć Źwoię / thákowá ktorey Źię nie Źprzećiwić nie może (л. 288 об.).

13. В порядке слов переводчик там, где это возможно, следует своему оригиналу, но в отдельных случаях этот принцип не выдерживается, например: 3.11 **Желаеть ѡмрети, в чемъ ѡказѣть такв смерть всакой вѣдѣ есть конѣ** (л. 12) – Prágnie umrzeć w czym ukázuie iż śmierć ieŹt koniec wŹytkiey nѣdze (л. 274 об.). В 35.10 изменение порядка слов по сравнению с польским приводит к появлению глагольной рифмы (случайной или намеренной): **Полѣ правды, или неправды на единого точѣю чѣлка приходѣ, а не на бѣга. 10 Нечестивѣи, аще и к бѣгѣ взываюѣ обаче ѡслышани не бывають** (л. 96) – ZłoŹnicy ácz ku Bogu wołáią á przedŹię nie bywaią wysłucháni (л. 286 об.).

14. В переводе аргументов книги Иова представлено несколько типов придаточных предложений, материал которых, несмотря на не всегда большую статистику, может быть сопоставлен с данными других привлекающихся к анализу переводов.

14.1. В определительных придаточных основным средством связи являются склоняемые формы относительного местоимения **иже**. В польском тексте им соответствуют разные союзные средства: 1) формы местоимения

który: 16.1 **повѣдаеть такъ безъ вины скорбь страждеть, в нейже бгъ ѡдерждетъ егѡ** (47 об.) – opowiada iż bez winności cierpi ucіjki w ktorym go Bog dzierży (л. 279 об.); 22.6 **Еліфазъ извѣстуетъ, такъ іѡвѣ казненъ есть за словѣ свою. 6 Егѡже винитъ такъ немлтивъ бѣ** (л. 63) – Elifáz dowodzi iż Job sкарán iest zá sѡwe zлoсci. 6. Ktorego winuie iż był niemiłoсierny (л. 281 об.); 6/23 **паче же чрезъ казнъ юже поспѣкаетъ на люди кающинасѧ** (л. 97 об.) – 6.23. A nawięcey przez карánie ktore dopuсca ná ludzi pokutuиce (л. 286); **Гдѣ глеть іѡвѣ показуетъ емѣ ѡсердїе члѣвче, в призрѣнїи творенїа егѡ, ѡ негѡже израдство, крѣпость, правда, и смотренїе, творца вываеть познавана** (л. 103 об.) – Pan mowi do Jobá okázuiac mu krewkoсcь człowieczá w przypátrowánїu створенїа iego / z ktorego zacnoсcь / moc / sпрáwiedliwoсcь / y opátrnoсcь створзчиелá byѡа poznawaná (л. 287 об.); **кто ю ѡравнати восхоетъ в дѣлѣ бжѡмъ 10 Егѡже крѣпость показуетсѧ в сотворенїи звѣрей великихъ** (л. 110 об.) – kto iá zrownác chce z sпрáwámi Božemi. 10. Ktorego moc okázuiе sїę w створенїи жwierzát wielkich (л. 288). Формы относительного местоимения **иже** используются в переводе и тогда, когда в польском тексте в главном предложении находятся указательные местоимения, а придаточное присоединяется формой местоимения **który**: 17.1 **извѣщаетъ скѡдость емѣже бгъ непомогаетъ** (л. 50) – Opowiada niedoсtátki człowieka onego ktorego Bog nie wсpomoże (л. 280); 41.1 **явлаетъ гдѣ всемошество свое, емѣже ничтоже сопротивитсѧ** (л. 113) – 1. W wypisówánїu Wielorybá okázuiе Pan wсbechmoсnoсcь sѡwoię / thákowá ktorey sїę nic sпрzeсiwiсь nie može (л. 288 об.). К этому типу близок тип определительной конструкции с субстантивированным указательным местоимением в главном предложении: 21.23 **Той емѣже счаститсѧ имать познатисѧ побожнымъ** (л. 68) – ten komu sїę bczęsci ma byсь rozumian pobožnym (л. 281).

Стремление избежать формальной передачи польского **który** вопросительно-относительным местоимением **который** диктует и замену придаточного определительного предложения формой причастия: 33.26 **избавленный вскорѣ блгодаритъ бга** (л. 89 об.) – Ktory iako s̀koro byѡа wybáwion dziękuie Bogu (л. 285 об.). Еще один способ – передача местоимения **który** указательным местоимением **тъ**, изменяющим подчинительную конструкцию оригинала: 28.20 **производитъ іѡвѣ всемошество и величество творца 20 в томъ единомъ есть совершенна мрость** (л. 75) – wywodzi Job wсbechmoсnoсcь y zacnoсcь створзчиелá. 20. W ktorym samym iest doсkonáла mądroсcь (л. 283 об.).

Форма относительного местоимения ср.р. замещает в переводе и вопросительно-относительное местоимение **со**: 15.16 **вписуетъ прáдность, гордость, и неблгополчїе нечестивыхъ, еже все шное неправеднѣ приписуетъ,**

ишвоѡи (л. 44 об.) – Opisuje prożność / pychę / у niebżeźcie niepobożnych / co też wbythko nieprawdziwie przypisuje Jobowi (л. 279).

Относительное наречие **идѣже** передает вопросительно-относительное *kedy*: 31.0 **исчислаетъ невинность свою и правду во всѣхъ дѣлахъ своихъ. идѣже впередѣлено есть житіе члвка бл҃гочестива** (л. 82 об. – 83) – Wylicza niewinność swojej у справедliwość swą we wbytkich sprawách swoich / kedy oto ieŝt wypisany żywot człowieka pobożnego (л. 284 об.).

Только один раз местоимению *któru* в переводе соответствует вопросительно-относительное местоимение **кои**: 12.7 **к семѣ показуеѣтъ силѣ творца каа познана бываеѣтъ в дѣлахъ и твореніи егѡ** (л. 37) – Przytym ukázuie moc ŝtworzycielá ktora poznána bywa w sprawách у w ŝtworzeniu iego (л. 278).

Таким образом, в переводе определительных конструкций аргументов книги Иова проявляется стремление использовать маркированно церковнославянское средство связи и избегать использования вопросительных местоимений и наречий, характерных для деловой письменности. Та же ситуация наблюдается и в аргументах НЗЕ, где в соответствии с формами местоимения *któru* также используются формы местоимения **иже**, например, Колос. 1:16 и 20 **przez ktorego** (л. 694) – **чре³ егоже** (л. 370). Это отличает два рассмотренных текста от перевода Псалтыри А. Фирсова, в котором преобладают, хотя и не резко, придаточные с вопросительными местоимениями **который** (более 200 случаев) и **кой** (20 случаев), а конструкции с относительным местоимением **иже** отмечаются 152 раза [Целунова, 2006: 96–97].

14.2. Вариативность наблюдается при переводе польских придаточных предложений с союзом *aby* на базе сослагательного наклонения при глаголах с побудительным значением: 1.10 **Діаволь зпросилъ во искѣшеніе** (л. 3) – **Czárt uprosił áby go mógł kusić** (л. 274); 2.9 **Жена егѡ подѣщаеѣтъ вставити б҃га** (л. 8 об.) – **Zoná go namawia áby opuŝcił Bogá** (л. 274 об.); 8.1 **Валдадъ ѡкараетъ ишва да познаетса пакѡ праведнымъ сѣдомъ вѣимъ за грѣхи казнитса** (27 об.) – **Báldad upomina Jobá áby ŝię przyznał że ieŝt ŝkaran dla grzechow / á to sprawiedliwym ŝadem Bożym** (л. 276); 13.20 **молитъ гдѡ, да не казнитъ егѡ такѡ жестоцѣ** (л. 39 об.) – **Proŝi Páná áby go ták przykro nie karał** (л. 278 об.). Примечательно, что все способы (отглагольное сущ. с предлогом, инфинитив, да + наст. время) характерны именно для церковнославянского синтаксиса, а вариант с союзом **дабы** + л-форма не засвидетельствован.

В аргументах НЗЕ также находим разнообразие способов перевода: 1) конструкцией **да** + наст. время; 2) **дабы** + л-форма; 3) одиночным инфинитивом; Dat. cum infinitivo; 4) субстантивированным инфинитивом (конструкцией **еже** + inf) при преобладании первого из перечисленных

способов. Преобладание стандартного церковнославянского варианта **да** + наст. вр. над сослагательным наклонением и в особенности использование субстантивированного инфинитива свидетельствует об ориентации перевода с польского не просто на стандартный церковнославянский, но на грецизированный синтаксис, свойственный Епифанию, Евфимию и их окружению [Пентковская, 2016 (в печати)].

По данному параметру язык Псалтыри Фирсова существенно отличается от двух рассмотренных переводов тем, что здесь польские косвенно-побудительные придаточные систематически переводятся союзом **давы** в сочетании с л-формой (91 случай) [Целунова, 2006: 99–100].

14.3. Ярчайшей приметой грецизированного синтаксиса в аргументах книги Иова является конструкция с субстантивированным инфинитивом, которому в польском тексте соответствует обычный инфинитив: 39.1 **І Бл҃гость и прирѣніе бж҃ее простираетсѧ на скоты и звѣри полстїи, даже до вранѣ, Ѡвнѣдѣже даѣ чл҃вкѣ велїю винѣ во еже ѡповати б҃гѣ** (л. 107) – 1. Dobroć u opátznośc Boża ściąga się ná bydłétá u ná zwierzétá polne áz do kruczát / Jkąd się okázuje człowiekowi i wielka przyczyná ufác w pánu Bogu (л. 288). Подобные конструкции отмечаются и в переводе аргументов НЗЕ, а именно **еже** + inf: **еже ѡлагати мл҃тню хр҃тїаномѣ** – aby składáli iáłmużnę Chrześcїjanom (1 Кор. 16:1) и **за еже** + inf: **за еже изыбгги Ѡ Іудей злагв помнѣнїя** – żeby ušelł u Żydow złego domniemánia (Деян. 21:21) [Пентковская, 2016 (в печати)]. При этом конструкция **еже** + inf зафиксирована и в переводе аргументов Псалтыри Фирсова: Пс. 4:7 **нѣсть того л҃чши еже ѡповати на добродѣнїе бж҃їе** [Целунова, 2006: 388] – niemáß nic lepszego / iedno ufác w dobrotliwości Bożey (л. 290 об.)²¹.

14.4. Основным средством связи в придаточных изъяснительных является союз **яко**, которому в большинстве случаев (24) соответствует союз **із**: 3.2; 4.7; 7.1; 9.2; 11.7; 16.1; 19.14; 19.25; 20.5; 21.7; 21.23; 22.2; 22.6; 22.13; 23.11; 23.2/13; 25.1; 30.23; 30.12/21; 32.2; 32.6; 33.14; 34.12; 37.2. Еще в трех случаях ему соответствует союз **же**: 8.1; 32.8; 34.5. В трех оставшихся примерах его употребление поддерживается польским союзом **jako**: 5.1; 23.2/13; 24.2. Один раз засвидетельствовано **же** в соответствии с **із** (20.7), и один раз – союз **иже** (18.2), также в соответствии с **із**. При глаголе с побудительным значением единожды отмечен союз **давы**: 10.18 **желаетъ сегв давы никогда бы.** (л. 33) – Prągnie tego iżby był nigdy nie był (л. 277). Этот союз – второй по частоте употребления в косвенно-побудительных придаточных в Псалтыри Фирсова, он отмечается в тексте этого перевода

²¹ <http://polona.pl/item/11638206/611/> Дата обращения 15.01.2016.

91 раз, причем преимущественно в аргументах в соответствии с польским *aby* [Целунова, 2006: 99].

Таким образом, союз **яко** является наиболее употребительным средством связи в данных придаточных. То же характерно и для аргументов в НЗЕ, где **яко** соответствует союзам *iż, że, żeby, jako* в изъяснительном значении. Эта ситуация кардинально отличается от того, что наблюдается в переводе А. Фирсова, где изъяснительный союз **яко** отмечен всего 7 раз, а основным средством связи служит союз **иже** (113 раз), которому соответствует польское *iż* и *że* [Целунова, 2006: 98–99].

14.5. В придаточных предложениях причины (3 случая) употребляется союз **зане**: (4.17) – *gdyż*; (15.2) – *iż*; (30. 1) – *że*. В двух последних случаях в польском изъяснительные союзы. Статистика здесь невелика, однако отметим, что в переводе А. Фирсова основным средством связи в придаточных со значением причины является союз **понеже** (382 раза), а союз **зане** заметно уступает ему в частотности (29 раз) [Целунова, 2006: 106]. Отметим, что, в отличие от аргументов книги Иова, в аргументах НЗЕ союз **понеже** встречается неоднократно в соответствии с *ponieważ, gdyż, iż*: Евр 4:3 **а: Понеже** **Иудеи** **ради** **невѣрїа** **не** **внидоша** **ѣ** **воспокой** **вѣщанный**. **г: Вѣрїи** **же** **внидоуть** **в** **онь** (л. 339 об.) – 1 *Ponieważ Żydzi dla niedowiarstwa nie weszli do pokoju obiecanego*. 3 *A wierni do niego wniść mają* (л. 757); Евр. 6:4 **Понеже** **неможно** **паки** **крѣтитиса** (л. 401 об.) – *Gdyż nie mogą być znowu krzczeni* (л. 761).

14.6. В уступительных предложениях используется книжный союз **аще**: 20.12 **Аще** **и** **мнѣса** **быти** **на** **время** **блгополѣчными** (л. 57) – *Choćiaż Ję zdądzą być do czasu szczęśliwemi* (л. 281); 35.10 **Нечестивїи**, **аще** **и** **к** **бгѣ** **зываютъ** **обаче** **услышани** **не** **бываютъ** (л. 96) – *Złotnicy ácz ku Bogu wołáią á przedJę nie bywaią wysłucháni* (л. 286 об.). В Псалтыри А. Фирсова **аще** является основным средством орфомления данных придаточных (20 раз), однако 5 раз засвидетельствован не книжный союз **хотя** [Целунова, 2006: 105].

Итак, в рассмотренных типах придаточных в переводе книги Иова используются стандартные церковнославянские средства связи, причем их выбор и степень употребительности существенно отличается от того, что представлено в другом церковнославянском переводе с польского данного периода – Псалтыри Фирсова, и не всегда совпадает с материалом аргументов НЗЕ, хотя стоит ближе к нему²².

²² Обширный сопоставительный материал для рассмотренных церковнославянских переводов предоставляет анализ грамматических особенностей оригинальных литературных произведений и памятников деловой и бытовой письменности XVI–XVII вв., представленный в монографии [Ремнева, 2003: 167–303].

Значительное сходство в переводе аргументов книги Иова и НЗЕ проявляется в нормативном использовании простых претеритов, употреблении формы **не естъ**, местоимения **иже** в соответствии с *któgu*, преобладании конструкции **да** + наст. время для перевода придаточных с союзом *aby*, нормативности союза **яко** в изъяснительных придаточных. По типу церковнославянского языка (и это вполне ожидаемо) перевод аргументов книги Иова близок к переводу аргументов НЗЕ.

Тем не менее при преимущественном сходстве этих двух текстов существует нечно общее между тремя переводами рассмотренными переводами – это наличие лексических полонизмов, экспансия определенных словообразовательных моделей, употребление конструкции **имѣти** + инфинитив со значением долженствования, сущ. с предлогом **чрезъ** в орудийном значении, сущ. с предлогом **отъ** в пассивной конструкции, употреблении грецизированной конструкции субстантивированного инфинитива. Можно заметить, что часть этих черт имеет двойную мотивацию – со стороны усвоенных церковнославянским языком грецизмов (конструкции с предлогом **чрезъ** мотивированы одновременно греческим *διὰ* и польским *przez*, конструкции с предлогом **отъ** объясняются и через греческие конструкции с предлогом *ὅτι*, и через польские с предлогом *od*, конструкция **еже** + инфинитив может восходить к калькам с греческого *τοῦ* или *τῷ* + инфинитив, а может объясняться корреляцией **иже/еже** и польского *że*). Кроме того, некоторые черты присутствуют и в церковнославянском, и в польском (словообразовательные модели с суффиксами **-ость** и **-ств-**, конструкции **имѣти** + инфинитив). Таким образом, усвоение полонизмов, являющихся в условиях московской лингвистической ситуации частью так называемых «признаков книжности»²³, облегчается наличием сходных явлений в церковнославянском как родственном языке.

Объединяет три рассмотренных перевода и одновременное обращение к нескольким источникам. Подбор источников для перевода Псалтыри А. Фирсовым позволил высказать предположение о его связи с книжным кругом С. Медведева, в библиотеке которого находились польские издания Библий, отождествляемые с Брестской Библией и Библией Я. Вуйка 1599 г., которая была хорошо известна в московской среде [Целунова, 2006: 145]. Какой библиотекой мог пользоваться Моисей для своих трудов, точно неизвестно. Принадлежность его к Чудовской книжной школе позволяет предположить, что это могли быть книги Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Так, Евфимию принадлежал экземпляр Библии Я. Вуйка 1599 г.,

²³ О признаках книжности см. [Живов, 1996: 32–33].

в котором он делал пометы, а также некий польский Новый Завет [Викторов, 1863: 51, 52]. В составленном Евфимием между 1678 и 1693 гг. трактате «На оглаголюющих Священную Библию»²⁴ есть выписки из Библии Вуйка, а также из протестантских изданий С. Будного и М. Чеховича. Обличается в этом трактате и Брестская Библия [Исаченко, 2015: 79, 82, 92]. Известно, однако, что в 1689 г. Моисей назначен справщиком Заиконоспасского монастыря, что интерпретируется как его «переход в лагерь оппозиции» [Исаченко, 2002: 69; Исаченко, 2009], однако этот предполагаемый переход произошел намного позже выполнения перевода книги Иова.

Но гораздо более значимым для объединения трех переводов, чем принадлежность их авторов к определенной группировке, является другое обстоятельство. Важно, что переводы конфессиональных текстов с нового литературного языка (а не с новозаветного греческого!) делаются именно на язык классический, каковым является в данную эпоху церковнославянский. И только следующие столетия, причем далеко не сразу, изменят эту ситуацию. Приспособление книжного языка к переводу конфессиональных текстов с иного, по сравнению с традиционным, «неклассического» языка – сигнал изменения культурно-лингвистической ситуации в целом. Конкретные параметры церковнославянского языка этих переводов могут варьироваться, но его книжная природа несомненна.

Список литературы

- Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 2009.
- Викторов А. Е.* Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1863 г. Т. V. Отд. III. С. 50–56.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Исаченко Т. А.* Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 67–75.
- Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009.
- Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015.
- Маштафаров А. В., Яганов А. В., Масиель Санчес Л. К.* Дмитровский во имя святых Бориса и Глеба мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XV. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 445–449.
- Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII – начале XVIII века // Русская литература. 2015, №2. С. 132–138.

²⁴ Трактат опубликован Т. А. Исаченко по рукописи ГИМ. Син. 373 посл. четв. XVII в. в упрощенной орфографии [Исаченко, 2015: 237–320].

- Пентковская Т. В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс, 2009.
- Пентковская Т. В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении, 2016, № 1 (в печати).
- Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Часть I. М., 1970.
- Ремнева М. Л.* Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Рижский М. И.* Книга Иова. Из истории библейского текста. Новосибирск: Наука, 1991.
- Розинская М. М., Скобелев М. А., Ткаченко А. А., Турилов А. А.* Иова книга // Православная энциклопедия. Т. 25. М. 2011. С. 322–344. <http://www.pravenc.ru/text/578206.html>
- Родановская В. А.* Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. 10. М.: Православная энциклопедия. 2005. С. 584–588 <http://www.pravenc.ru/text/162049.html>
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30–. М., 1975–2015–.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI–XVII века. М., 2002.
- Христова-Шомова И.* Книга Йов с тълкувания в славянски превод. София, 2007.
- Христова-Шомова И.* Книга Иова в переводе Франциска Скорины // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Т. 4. Kraków, 2009. S. 37–72.
- Целунова Е. А.* Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование. М., 2006.
- Kossowska M.* Biblia w języku polskim. Т. I–II. Warszawa, 1968–1969.
- Rospond S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1973.

Сведения об авторе: *Пентковская Татьяна Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: pentkovskaia@gmail.com

Е. А. Кузьмина

«СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ» ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА

Статья посвящена рукописному трактату нач. XVII в. «Книга глаголемая буквы грамотичнаго учения» (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23–57 об.), который был призван служить своеобразным «словарем трудностей» церковнославянского языка, справочником для построения и употребления маркированно книжных элементов. Значение этого трактата для истории славянской грамматической мысли определяется тем, что он демонстрирует переходный этап от текстологического подхода к грамматическому.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, история русского литературного языка, церковнославянский язык, грамматическая норма, текстологический подход, грамматический подход.

The article is devoted to an early 17th century hand-written treatise “The Book Telling about Grammatical Learning” (Russian State Library, f.299, № 336, pp. 23-57 rev.) which was intended to serve as a kind of “the dictionary of difficulties” of the Church Slavonic language, a reference book for constructing and using marked bookish elements. The significance of this treatise for the history of the Slavic grammatical thinking is determined by the fact that it demonstrates a transitional stage from a textological approach to the grammatical one.

Keywords: Slavic grammatical tradition, history of the Russian literary language, Church Slavonic language, grammatical norm (standard), textological approach, grammatical approach.

В 1983 г. была опубликована статья Марины Леонтьевы Ремнёвой «О степени императивности норм “Грамматики” М. Смотрицкого 1648 года» [Ремнёва, 1983], в которой впервые была поставлена ключевая для истории славянской грамматической традиции проблема влияния грамматического описания на реальную книжно-языковую практику. Решение этой проблемы как в данной работе, так и в последующих обобщающих трудах [Ремнёва, 1988; Ремнёва, 2003] позволило М. Л. Ремнёвой доказать, что в культурно-языковом пространстве России XVII в. грамматика была лишена императивной функции, а сам факт появления грамматических описаний не был тождественен утверждению грамматического подхода к книжному языку, поскольку основным ориентиром по-прежнему служила книжная традиция. И сама поставка данной проблемы, и ее решение создают перспективу, а следовательно, и стимул для дальнейших исследований, заставляя задуматься над процессами и механизмами переходного периода от текстологического подхода к грамматическому.

Возможность проследить, как в языковом создании, сформированном в рамках традиционного подхода и еще не оторвавшемся от образцовых текстов, развивается аналитическое осмысление языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора, предоставляет рукописный грамматический трактат «Книга глѣматъ вѣквы гра^ммотичнаго оученїа» (далее **КБ**), дошедший до нас в сборнике 1622 г. из собрания Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23–57 об.), см.: [Кузьминова, 2002]. Значение этого сочинения определяется еще и тем, что **КБ** позволяет с достаточной ясностью увидеть, какие проблемы находились в центре внимания наших далеких предшественников, как несовершенный грамматический аппарат, известный русскому книжнику XVI – начала XVII в., использовался им в его деятельности, как абстрактная грамматическая схема, заимствованная «Ѡ ѡсмотчѣстныа книзѣ» (л. 24 об.), т. е. из «грамматического канона» православия – трактата «Ѡ ѡсмнхъ чѣстѣхъ слова», находила свое практическое применение, прилагаясь к конкретному языковому материалу.

КБ содержит расположенные в алфавитном порядке списки словоформ из канонических текстов с пояснениями грамматического, орфографического и лексикографического характера. Алфавитный принцип организации материала признается автором наиболее приемлемым и удобным для читателя [«Да вса^к бл҃гочѣивы: хотѣ Ѡ таковы^х лѣчшеє навѣкноу^т, в сїа^х вѣквы^х прини^к, оудѡ^е в нѣх^х ѣскомоє ѣмъ по алѣавитѣ^х дѣрѣцѣ^х прѣсто^у ѣ неоу^хщренно» (л. 24 об.)] и в наибольшей степени соответствующим замыслу этого сочинения как словаря правильных книжных форм.

Цель своего труда автор видит в том, чтобы предупредить типичные ошибки, зафиксированные им в библейских и богослужебных текстах: «Сїа^х вѣквы^х составлены вїны ради сѣа, дабы ѣ простѣйши^а вѣдомо было, рѣдноє Ѡ прѣваго. ѣ винѣвнаго ѣ дѣйстви^а; ѣ творитѣнаго; ѣ да познѣтсѣ мѣжеска рѣчь Ѡ жѣскїа, ѣ чѣ рѣньствѣта дрѣго^а дрѣзѣй. ѣ да разѣмна вѣдѣтѣ двѣйственыа рѣчи Ѡ мно^хствены^х <...> Видѣ^х вѣ многи^х Ѡ простоты мѣжскѣю рѣчь жѣ^{скою} пишѣщи^х, ѣ жѣ^{скѣю} рѣ мѣжскою; <...> ѣ пѣки в^{мѣсто} мно^хственыа рѣчѣ глїо^у едн^{ствен}скѣю рѣ^и во многи^х мѣстѣ^х. <...> Сїа^х ѣ ѣна таковаа видѣ^е ѣ слыша^е ѣ^а грѣбый, сѣжалисѣ сѣлѣ. ѣ помѣци всемогѣца бѣа надѣѣасѣ, потѣца^хсѣ сїа^х вѣквы^х составити» (л. 23 об. – 24). Таким образом, лингвистическая рефлексия обусловлена здесь борьбой с повреждением канонического текста, задающего эталон языковой правильности. **КБ** была призвана служить своего рода «словарем трудностей» церковнославянского языка, справочником, к которому обращаются, чтобы проверить написание или употребление отдельных слов и форм.

Основной критерий отбора словарного материала задан автором в предисловии: объектом нормализации являются языковые единицы, «**пó два же разъма ѿмѣща**», «**пó два разъма в себѣ содержатъ**», т. е. те, которые могут отождествляться в языковом сознании и употребляться безразлично: «**ѿже мнóзѣ мнѣтсѧ ед'но быти, ѡ не могѹци ра'сѹдити, ѿко тыя вѣлѣ ра'тожнѣе межѹ собóю ѿмѣт**» (л. 24). Анализ номенклатуры **КБ** свидетельствует о том, что к «мнимо единым» единицам, требующим обязательного разграничения, отнесены, с одной стороны, омонимы, а с другой – такие неомонимичные формы книжного языка, которые подвергались смешению под влиянием живого субстрата.

Преодоление омонимии – ключевая проблема славянской лингвистической рефлексии и книжно-языковой практики начиная с XV в., когда впервые в трактате Константина Костенечского «**Сказаніе ѿзывлѣнно ѿ писмене**…» (ок. 1424–1426 гг.) получает обоснование принцип антистиха, т. е. принцип графико-орфографической дифференциации омонимов, положенный впоследствии в основу кодификации церковнославянского языка [Кузьминова, 2001; Кузьминова, 2011].

Уникальность **КБ** определяется во многом тем, что здесь предложен иной, альтернативный способ реализации этого принципа, отличный от традиционного, введенного Константином Костенечским и принятого в авторитетных орфографических руководствах XVI–XVII вв. («**ѿ мнóжествѣ ѿ ѿ единствѣ**», «**Сила соѹществѹ книжнаго писма**», «**Сказаніе ѿ книжной премрости**» и др.) и грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Отказываясь от стандартного (с теми или иными вариациями) набора орфографических оппозиций, наделенных смысловоразличительными функциями: **о – ѡ**, **ѡ – ѡу**, **ѡ – ѡе**, **ѡ – ѡл**, **и/ї – ѡ**, **ѡ – ѡз**, автор **КБ** предлагает реформировать славянскую орфографию по модели греческого алфавита, где строчные и прописные буквы пишутся по-разному (ср. **А – α**, **Н – η**), и ввести «двообразное» начертание всех гласных букв: **ѡ – ѡα**, **ѡ – ѡе**, **и – И**, **ї –]**, **ѡ – ѡѡ**, **ѡ – ѡу**, **ѡ – ѡз**, **ѡ – ѡИ**, **ѡ – ѡл**, **ѡ – ѡД**. Первый вариант написания кодифицируется в позиции абсолютного конца слова в формах единственного числа, второй – в формах двойственного и множественного:

ѡ – ѡα: Р ед.ч./И=В мн.ч. **ѡѡнства – ѡѡнства** (л. 50), Р ед.ч. м.р./И=В дв.ч. м.р. **ѡѡдѡца – ѡѡдѡца** (л. 55);

и – И: Р ед.ч./И=В мн.ч. **ѡѡни – ѡѡни** (л. 30), **ѡѡги – ѡѡги** (л. 41 об.);

ѡ – ѡу: Д ед.ч./Р=М дв.ч. **ѡѡтлѡ – ѡѡтлѡу** (л. 44 об.), В ед.ч. // Р=М дв.ч. **ѡѡкѡ – ѡѡкѡу** (л. 47 об.);

ъ – Ъ: И ед.ч./Р мн.ч. **врагъ – врагЪ** (л. 32), Т ед.ч. м. и с.р./Д мн.ч. **ймъ – ймЪ** (л. 38), И ед.ч. м.р. прич. // 1 л. мн. ч. наст.вр. «**Зримъ ктѡ ѿ инѣхЪ. зримЪ мЪИ**» (л. 36 об.);

ь – Ь: И ед.ч./Р мн.ч. **гонитель – гонительЬ** (л. 32 об.), **ловитель – ловительЬ** (л. 39 об.);

ы – Ы: Р ед.ч./И=В мн.ч. **воинъ – воинЪИ** (л. 31 об.), **звѣды – звѣдыИ** (л. 36 об.);

ѡ – Ѡ: Р ед.ч./И=В мн.ч. **любѡца – любѡцаѠ** (л. 56 об.), И ед.ч. ж.р./В мн.ч. м., ж.р. **любѡцаѡ – любѡцаѠѠ** (л. 40).

В словаре также предпринимается попытка экстраполировать данный принцип на лексические омонимы и омоформы: «**Дѡлгъ, займованіе; І пакн ДѡлгЪ мѣрюю**» (л. 34); «**Ѡкрылъ сокровище. і пакн глетса, Ѡкрылъ птичійхЪ**» (л. 53 об.); «**Шнлъ сапоги. Шнлъ пошивалныѣ, инъ тачалныѣ кѡзнѣцъ**» (л. 55 об.).

При всей своей универсальности способ различения омонимичных форм посредством «двообразных» графем не получает дальнейшего развития и распространения в книжности. Причина, по-видимому, кроется в том, что в качестве второго «образа» гласных букв в ряде случаев были кодифицированы их скорописные начертания. Два «образа» графем, представленные в **КБ**, аналогичны двум типам славянских букв, которые приводит в своем букваре чешский иезуит Георгий Давид «*Exemplar characteris Moscovito – Ruthenici Duplicis Biblici et usualis. Cum eicentia Superiorum*» (Nissae, typus Christophori Lertz, civitatis Typographi, 1690). При этом первый «образ» соответствует «библейским» буквам («*Character Biblicus*») букваря, т. е. уставным/полууставным, второй же – «обычным» («*Character usualis, profanus et communis*»), т. е. скорописным. А поскольку сама скоропись была семантизирована, отчетливо соотносясь со сферой некнижного языка, внедрение ее элементов в практику книжного письма могло восприниматься негативно.

Наряду с орфографическим способом снятия омонимии, основанном на дистрибуции графических элементов, автор **КБ** прибегал в качестве дополнительного к грамматическому способу, предполагавшему дистрибуцию неомонимичных формантов. Так, путем распределения именных и адъективных флексий в **КБ** проводится дифференциация совпадающих форм прилагательных и причастий **Р // В ед.ч. м. и с.р. и Т ед.ч. // Д мн.ч. м. и с.р.** За формой В ед.ч. м. и с.р. закрепляется именная флексия **-а**, за формой Р ед.ч. м. и с.р. – адъективная **-аго**: **бл҃га ч҃лка – бл҃гаго ч҃лка** (л. 27 об.), **всесн҃на слова – всесн҃на** (л. 31), **г҃люца ч҃лка – г҃люцаго** (л. 32 об.), **любѡца – любѡцаго** (л. 40), **филосѡфаца – филосѡфацаго** (л. 52 об.),

целѣдѣца – целѣдѣцаго (л. 53 об.), чѣста – чѣстаго (54 об.). Аналогичным образом в Т ед.ч. м. и с.р. зафиксирована флексия -о/ѣмъ, в Д мн.ч. – -ы/имъ: вѣдренѣ оумѣ – вѣдрены людемъ (л. 27 об.), вѣчно дѣхомъ – вѣчны дѣхомъ (л. 30 об.), готѣво – готѣвы (л. 32 об.), животворѣцемъ – животворѣци (л. 35 об.), лѣво – лѣвы (л. 39 об.), надѣжномъ – надѣжны (л. 41 об.), творѣце – творѣци (л. 51).

Преодоление омонимии форм **И ед.ч. м.р.** // **И мн.ч. м.р.** полных действительных причастий достигается посредством оппозиции адъективной флексии -ѣи и собственно причастной флексии -ен, которая выступает в **КБ** в качестве единственно нормативной в позиции **И мн.ч.**: глѣциѣ члѣкъ – глѣцен члѣцѣ (л. 32 об.), зрѣциѣ – зрѣцен (л. 36 об.), млѣциѣ – млѣцен (л. 40 об.), ѡправдѣшиѣ – ѡправдѣшен (л. 43 об.), рѣждѣшиѣ – рѣждѣшен (л. 47 об.), сотворѣшиѣ – сотворѣшен (л. 48 об.), хотѣциѣ – хотѣцен (л. 53), ѣвѣшиѣ – ѣвѣшен (л. 56 об.). В то же время нормализация флексии -ен в полном соответствии с общей концепции словаря приводит к устранению и межпарадигматической омонимии **И мн.ч. м.р. прил.** = **И мн.ч. м.р. прич.** ⇒ **И мн.ч. м.р. прил.** // **И мн.ч. м.р. прич.**: бѣгочѣвиѣ – воѣценсѣ (л. 27 об., 28), всемлѣвиѣ – всемлѣценсѣ (л. 30 об., 31), красѣниѣ – криѣцен (л. 39), слѣвиѣ – слышавѣша (л. 48 об.).

На дифференциацию форм направлено в **КБ** и искусственное грамматическое моделирование. В частности, формы простых претеритов, лишенные в церковнославянском языке категориального значения рода, включаются в систему родовых оппозиций: в 3 л. ед.ч. проведено «разлѣчѣ рѣчѣи мѣжскѣи ѡ женскѣи» бѣ – бѣлѣше (л. 28). Основанием для подобного конструирования послужило отсутствие у первой формы и наличие у второй форманта -ш-, который соотносился с причастными формантами -ш- и -ци-, что и позволило автору **КБ** интерпретировать пару бѣ – бѣлѣше по аналогии с краткими причастиями м. и ж.р., противопоставленными в позиции **И ед.ч.**: ср. пѣвѣ – пѣвѣши (л. 44 об.), бѣгодарѣ – бѣгодарѣци (л. 28). По-видимому, нестандартность такой нормализации автором осознавалась: аргументации своего решения он посвящает специальный комментарий, при том что в **КБ** как в словарном пособии объем метатекста сведен к минимуму: «разлѣчѣи, ѣко во всѣхъ рѣчѣи мѣжскѣи, ша ѣ ца не прѣемлютсѣ в женскѣи, ѣ ша, ѣ ца, ѣво прѣемлютсѣ» (л. 28 об.).

Искусственному расподоблению подвергаются в **КБ** формы **И** и **В мн.ч.** существительных ѣко и оухо. В обоих случаях суффиксальные образования, т. е. стандартные книжные формы множественного числа, совпадающие в **И=В**, кодифицируются как формы **И мн.ч.**, а исконные формы **И=В** двойственного числа – как формы **В мн.ч.**: ѡчеса – ѡчи (л. 28), оушеса – оуши

(л. 32 об.). Нельзя исключать, что такая грамматическая переинтерпретация могла быть опосредованно обусловлена влиянием оппозиции И // В мн.ч. существительных мужского рода, которой в **КБ** уделено особое внимание (см. подробнее ниже). В самом общем случае, если оставить в стороне вопросы о характере основы, об оформлении категории одушевленности-неодушевленности и т. п., в книжном языке форма В мн.ч. (**собѣры, злѣки**) соответствует унифицированной в живом языке форме И=В мн.ч. м.р., в то время как стандартные книжные формы И мн.ч. (**собѣри, злѣци**) таких соответствий не имеют. Возможно, по этой же модели церковнославянские формы **сѣса** и **оушеса** трактуются как формы И мн.ч., а формы **бчи** и **оуши**, используемые в живом языке в позиции И=В мн.ч., – как формы В мн.ч.

Помимо омонимичных форм объектом систематизации языкового материала в **КБ** являются специфически книжные элементы, которые под влиянием живого языка могли восприниматься как тождественные, взаимозаменяемые варианты, что и обуславливало их смешение в текстах. Ошибочное употребление, в свою очередь, стимулировало лингвистическую рефлексию, требуя четкой семантизации и разграничения отождествлявшихся в языковом сознании форм. Предотвращая типичные ошибки, создатель **КБ** нормирует два ряда форм: **И // В мн.ч. м.р.** существительных, прилагательных, страдательных причастий («**да ѿѣвѣитсѧ всѣмъ, ѣже коѣ рѣзньство ѣтъ ѣже рещи ѡггѧ, ѡнѣ ѡггѣлы, ѡнѣ, ѡпѣлы, ѡ апѣли. ѡ пакѣ дѣла гнѣ, ѡ дѣла гни**» л. 23 об.–24) и **И ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.** кратких действительных причастий («**вмѣсто слышаши, пишѣт слышаѣ, ѡ вмѣсто соеѣннѣши, пишѣт ѡ глѣотъ соеѣннѣѡ <...> вмѣсто бѡ видѣвшѣ свѣт вечернѣи, поют, видѣѣ свѣт вечернѣи**» л. 24).

В обоих рядах оппозиционных форм **КБ** фиксирует стандартные книжные показатели: **И // В мн.ч. м.р.** сущ. -н (-ы после ц) // -ы (-н после к, г, х) / -ѧ (после мягких согласных): **апѣли хѣн – апѣлы хѣы** (л. 26), **ѣвгѣисти – ѣвгѣисты** (л. 34 об.), **книжници – книжники** (л. 39), **филосоѣн – философѣы** (л. 52 об.); **гни – гнѣ** (л. 32), **рачитѣли – рачитѣлѣ** (л. 47 об.), **родитѣли – родитѣлѣ** (л. 47 об.); **И // В мн.ч. м.р.** прил. и страдат. прич. -ѣн // -ѣм (-ѣл после к, г, х) / -ѣм (после мягких согласных): **всемѣтѣн – всемѣтѣмѣ** (л. 30 об.), **дѣлѣн – дѣлѣмѣ** (л. 33 об.), **младѣнчѣстѣн – младѣнчѣскѣмѣ** (л. 41), **сѣзданѣн – сѣзданѣмѣ** (л. 48), **чтѣнѣн – чтѣнѣмѣ** (л. 54), **дрѣвѣнѣн – дрѣвѣнѣмѣ** (л. 33 об.); **И ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.** кратких причастий: **жадѣм, жадѣюци, жадѣюще** (л. 35 об.), **поѣм, поюци, поюще** (л. 44 об.), **сѣединѣнѣѡ, сѣединѣвши, сѣединѣвшѣ** (л. 48 об.), **цѣдрнѣѡ, цѣдрнѣши, цѣдрнѣвшѣ** (л. 55 об.), **юрѣствѣм, юрѣствѣюци, юрѣствѣюще** (л. 56).

Если мы определяем общую стратегию **КБ** как стратегию дифференциации, то становятся понятными принципы организации приводимых наборов словоизменительных форм, которые ранее оценивались как «более чем странные» [Worth, 1983: 56]. Создатель **КБ** не ставил перед собой задачу представить полный инвентарь единообразных парадигм, которые, видимо, и ожидал увидеть Д.С.Ворт. Словарное формообразовательное гнездо («парадигма») **КБ** включает только контрастирующие единицы, «разньство» которых требуется продемонстрировать. В типичном, базовом случае это пара (для кратких причастий тройка) оппозиционных форм (примеры см. выше). У существительных основная двухчленная структура распространяется, как правило, за счет введения еще одной пары. В результате словарное гнездо состоит либо из двух пар грамматических омонимов, разграниченных на орфографическом уровне: [1] гѣвѣтѣль мой, [2] гѣвѣтѣль мой, [3] гѣвѣтѣль, [4] гѣвѣтѣль (л. 32 об.) – 1 – 2 И ед.ч. // Р мн.ч., 3 – 4 Р ед.ч. // В мн.ч., либо из пар грамматических омонимов и форм, неомонимичных в книжном языке, но совпавших в живом: [1] прѣтъли, [2] прѣтълы. [3] прѣтъль, [4] прѣтълю (л. 44 об.) – 1 – 2 И мн.ч. // В мн.ч., 3 – 4 Д ед.ч. // Р-М дв.ч.; [1] проповѣдники, [2] проповѣдницы. [3] проповѣдникомъ, [4] проповѣдникомъ (л. 44 об.) – 1 – 2 В мн.ч. // И мн.ч., 3 – 4 Т ед.ч. // Д мн.ч.

Адъективное склонение позволяет использовать более сложную тактику расширения словарного гнезда: вторая пара оппозиций образуется благодаря одной дополнительной форме, которая омонимична элементу базовой пары, и их омонимия разрешается с помощью орфографических показателей. Так, гнездо, состоящее из трех элементов [1] члѣстѣи, [2] члѣтъ, [3] члѣтъ (л. 54), задает два противопоставления: 1 – 2 И мн.ч. // В мн.ч. м.р. и 2 – 3 В мн.ч. м.р. // Р ед.ч. ж.р.

Этот способ распространения основной структуры часто выступает в соединении с предшествующим, ср. ряд из пяти форм [1] крѣтъкомъ, [2] крѣтъкимъ, [3] крѣтъцын, [4] крѣтъкъ, [5] крѣтъкъ (л. 39), демонстрирующий три оппозиции: 1 – 2 Т ед.ч. // Д мн.ч. м., с.р. (омонимы, противопоставленные грамматическим способом), 3 – 4 И мн.ч. // В мн.ч. м.р. (формы, дифференцированные в книжном языке, но подвергшиеся унификации в живом языке), 4 – 5 В мн.ч. м.р. // Р ед.ч. ж.р. (омонимы, противопоставленные орфографическим способом).

Наиболее разветвленными в **КБ** являются формообразовательные гнезда действительных причастий, что вполне объяснимо. Причастные формы и конструкции в глазах славянских книжников принадлежали к числу тех специфически книжных образований, которые определяли дистанцию между книжным и разговорным языком и в силу это особенно нуждались

в нормализации. Рассмотрим два восьмичленных набора, подчиненных общему принципу организации словарного гнезда, но при этом отличающихся по составу приводимых форм. Ряд [1] носáщѣ, [2] носáщимъ, [3] носáщїи. [4] носáщен. [5] носáща члѣка. [6] носáщаѣ. [7] носáщаго. [8] носáщаа жена (л. 41 об.) включает четыре пары оппозиций, первые из которых расположены контактно 1 – 2 Т ед.ч. // Д мн.ч. м., с.р. и 3 – 4 И ед.ч. // И мн.ч. м.р., а две последние дистантно 5 – 7 В ед.ч. // Р ед.ч. м., с.р. и 6 – 8 В мн.ч. м., ж. р. // И ед.ч. ж.р. В трех парах дифференциация омонимов достигается грамматическим способом 1 – 2 носáщѣ – носáщимъ, 3 – 4 носáщїи – носáщен, 5 – 7 носáща – носáщаго, в одной – орфографическим 6 – 8 носáщаѣ – носáщаа. Ряд [1] ѡзвѣвшїи, [2] ѡзвѣвшєи, [3] ѡзвѣвша члѣка, [4] ѡзвѣвшаѣ члѣки, [5] ѡзвѣвшаго. [6] ѡзвѣвшаа жена, [7] ѡзвѣвшїа жены, [8] ѡзвѣвшїа женъ (л. 37 об.–38) также образован двумя контактными парами 1 – 2 И ед.ч. // И мн.ч. м.р., 7 – 8 Р ед.ч. // И мн.ч. ж.р. и двумя дистантными 3 – 5 В ед.ч. // Р ед.ч. м., с.р., 4 – 6 В мн.ч. м., ж. р. // И ед.ч. ж.р., омонимия в которых снимается грамматическими (1 – 2 и 3 – 5) и орфографическими средствами (4 – 6 и 7 – 8).

Стратегия дифференциации словоформ, наделенных разными грамматическими значениями, требовала однозначного определения этих значений. Создатель КБ прибегает к двум способам описания грамматической семантики.

В одном случае это собственно грамматическая дефиниция после словоформы («Естествомъ, мно́жствѣ дательнѣ; Естествомъ, єдинѣмъ дѣйствию» л. 34 об.) или, что встречается значительно чаще, грамматическая помета, надписанная над словом киноарью («чєрвлєныи писмо на рєчьми» л. 25), «давѣи і простѣйшии вѣдомо было» (л. 23 об.). Так, например, над формой во́щяаа (л. 28) указаны три параметра: прáво ж є , т. е. правый (именительный) падеж, женский род, единственное число. Однако зачастую автор ограчивается лишь одним актуальным параметром, задающим противопоставление: моа (є) рѣка – моа (м) дѣла (ед.ч. // мн.ч.) (л. 41), вѣродично (дѣи) – вѣродичны (дат) (действенный, т. е. творительный падеж // дательный падеж) (л. 27 об.), даа (мѣж) – даюци (ж) (м.р. // ж.р.) (л. 33 об.). Термины, которые использует автор КБ, отражают заявленную им ориентацию на «ѡсмочáстное ѡчєнїє» (л. 57 об.). Наиболее показательны в этом отношении названия падежей: прáво (л. 28), рѡдно (л. 33), винѡвно, дательнѣ (л. 25), которые впервые в славянской грамматической традиции были введены именно в трактате «ѡ ѡсмнїхъ чáстѣхъ слова»: ср. «И пáки кождѣ ѡмá дѣлáтсá на падєнїи пáть, єже соўтѣ сѣа прáва, рѡдна, винѡвна, дательна, звательна» [цит. по Ягич 1885–1895: 335].

Особого внимания заслуживает второй, иллюстративный (или контекстуальный) способ семантизации, при котором грамматическое значение и характер оппозиции отдельных форм определяется отсылкой к библейским или литургическим текстам, где эти формы встречаются: «**на по́лехъ во̀вбражѐно ѣ в ко́ей кни́зѣ ка́а рѣчь ѡ̀бръѣта́ется**» (л. 24). При этом пример употребления нормативного элемента дается из таких канонических текстов, который любой человек, овладевший грамотой, а отнюдь не только просвещенный книжник, знал наизусть – Псалтырь, Часослов, Евангелие, Апостол. Так, противопоставленные формы И // В мн.ч. существительных м.р. **а́ггели гни́ – а́гглы гна́** (л. 26) сопровождаются в **КБ** приписками на полях (**ψ̄λο^м, ρ̄в**) и (**ψ̄ло^м, ρ̄г**), т. е. ссылками на 102 и 103 псалмы. Действительно, обратившись к этим текстам, находим: «**Благослови́те гда́, вси́ а́гглы е́гѡ**» [Пс. 102: 20] (с формой вокатива **а́гглы**, совпадающей с именительным падежом) и «**твора́и а́гглы своа́ дѣху́**» [Пс. 103: 04] (с формой В мн.ч.). Пара грамматических омонимов М ед.ч. // И мн.ч. **вожди – вожди** снабжается ссылками на **дѣа́, ѣ** (Деяния Апостолов, зачало 2) и **ма́, чѣ** (Мф., зачало 95), где представлены соответствующие формы: «**ѣже предрече́ дхъ стѣи́ оустѣ́ дѣдовыми ѡ́ ѡдѣ́, вѣвшемъ вожди́ емшимъ инса́**» [Деян. 1: 16]; «**вожди́ слѣпи́, ѡцѣжда́ющии комары́, велвѣды́ же пожира́ще**» [Мф. 23: 24]. Ссылки на иллюстративный материал могут даваться и к одной из двух оппозиционных форм, ср.:

И ед.ч.//Р мн.ч.	гѣвитель – гѣвитель (ψ̄ло^м, а́) (л. 32 об.)	на сѣдани́и гѣвитель не сѣде́ [Пс. 1:1]
Т ед.ч.//Д мн.ч.	дхомъ (ψ̄ло^м, н̄) – дхомъ (л. 30 об.)	дхомъ влчннмъ оутверди́ ма́ [Пс. 50: 14]
Т ед.ч.//Д мн.ч.	затворено́ – затворены́мъ (ενε̄, ιω̄, ξε̄) (л. 36)	и двѣремъ затворены́мъ, ѡдѣ́же влхъ оучни́цы е́гѡ собра́ни [Ин. 20: 19]
м.р. // ж.р. кратк. прич.	дѣа́ (корни́ рѣз) – дѣющи́ (л. 33 об.)	вса́къ мѣжъ, моли́твѣ дѣа́ [Кор. 11: 4]

Очевидно, что даже для «простѣйши́х» адресатов **КБ** таких примеров было достаточно, чтобы уяснить разницу в грамматическом значении словоформ. Таким образом, **КБ** отражает специфику языкового сознания, которое оперирует выученным наизусть корпусом текстов, задающих образцы языковой правильности. Овладевший книжной традицией читатель, руководствуясь ссылками, подыскивает нужные примеры и определяет искомое значение через заданный ими контекст.

В тех же случаях, когда не дается на грамматический указаний, ни отсылок к текстам, контрастирующие формы приводятся в **КБ** не изолированно, а в расширенном контексте, в составе словосочетания или предложения, содержащего осязаемые опоры – грамматические конкретизаторы-распространители, позволяющие установить грамматическое значение единицы: И ед.ч. ж.р.//В мн.ч. м.р. вѣчнѣ рѣка – вѣчнѣ оучѣни (л. 30 об.), И ед.ч. ж.р.//И-В мн.ч. с.р. моѡ рѣка – моѡ дѣла (л. 41), И ед.ч.//Р мн.ч. любителѣ нашъ – любителѣ нашѣ (л. 39 об.), В ед.ч. м.р. // Р ед.ч. м.р. мѡтѣва чѣка любви бѣгъ – мѡтѣваго чѣка снѣ (л. 40 об.), И мн.ч.//В мн.ч. оустѡви на предѡни сѣтъ – оустѡвы мѡ хранимѣ (л. 51), И ед.ч. м.р. страд. прич.//1 л. мн.ч. наст. вр. шадимѣ тѣи ѡ инѣ – шадимѣ тѣи мѡ (л. 56).

Итак, подведем итоги. Принципы отбора языкового материала **КБ**, его организация по грамматическим категориям, особенно важным для системы церковнославянского языка, дефинитивный способ описания грамматической семантики, введение элементов лингвистического словаря – грамматических помет, наконец, кодификация орфографических оппозиций и внедрение их в практику письма – все это, несомненно, отражает развитие грамматического подхода к книжному языку. Вместе с тем исходная целеустановка – предотвращение искажений канонического текста, а следовательно, стабилизация рукописной традиции, использование иллюстративного (или контекстуального) способа грамматической семантизации свидетельствуют о том, что представленная в **КБ** систематизация грамматических форм еще не отрывается от текстов. Иными словами, данный трактат, в сущности, является памятником переходного этапа от текстологического подхода к грамматическому.

Список литературы

- Кузьмина Е. А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001.
- Кузьмина Е. А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминой. AION-SLAVISTICA. Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002.
- Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2011. № 5.
- Ремнёва М. Л. О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 года // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.
- Ремнёва М. Л. История русского литературного языка. М., 1995.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.

Worth D.S. The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars. Columbus, 1983.

Сведения об авторе: *Кузьминова Елена Александровна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова.
E-mail: elenk2002@mail.ru

Н. В. Николенкова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА «АТЛАСА БЛАУ»

В статье проведен анализ грамматической нормы церковнославянского памятника XVII в. с учетом диагностических параметров, выработанных в работах М.Л.Ремневой. Атлас Блау – переводной памятник второй половины XVII в. – рассматривается как текст, относящийся к стандартному регистру церковнославянского языка. При этом показывается, что выбор регистра оказывается сознательной установкой переводчиков.

Ключевые слова: церковнославянский язык, норма, грамматическая система.

This article analyzes the grammatical rules of a Church Slavonic “monument to literacy” of the XVII century in view of diagnostic parameters developed by M.L. Remneva. Atlas Blaeu – a translated text of the second half of the XVII century – is regarded as a text belonging to the standard register of the Church Slavonic language. In doing so, it is demonstrated that the register selection turns out to be a deliberate policy on the part of the translators.

Keywords: Church Slavonic language, grammatical rules, grammatical system.

В работах М. Л. Ремневой, посвященных исследованию языка памятников XVII в., соотносятся два аспекта описания. Во-первых, текст анализируется в рамках выявленных М. Л. Ремневой диагностических параметров, позволяющих отнести его к определенному регистру церковнославянского языка: стандартному (то есть к «строгой»), по ее собственному определению, норме) или гибричному («сниженной» норме). В набор грамматических параметров входят глагольные формы, в первую очередь претериты; формы двойственного числа разных частей речи; а также ряд синтаксических конструкций (временные, целевые, условные). Во-вторых, характеристики текста соотнесены с системой норм, зафиксированных в первых церковнославянских грамматиках. Это позволяет отразить и представления книжников XVII в. о норме книжно-письменного языка, и степень влияния грамматических предписаний на язык поздних церковнославянских текстов. С этих позиций проанализированы, к примеру, сочинения агиографического и повествовательного жанров [Ремнева, 2003: 208-237].

Наши исследования [Николенкова, 2010; Николенкова, 2016; Николенкова (в печати)] посвящены формирующемуся в рамках церковнославянского языка второй половины XVII в. научному стилю, который представлен,

прежде всего, грамматическими сочинениями, а также переводами сочинений географического содержания. Оба типа текстов имеют яркий признак научного стиля – использование терминов и формирование на основе их терминологии данной науки¹.

Если грамматические сочинения всегда рассматривались как занимающие особую нишу среди текстов XVII в. [Ремнева, 2003: 208-237], то географические тексты – космографии – долго относили к новым, светским жанрам, не входящим в парадигму церковнославянского языка строгой нормы [Николенкова (в печати)]. Однако с того момента, когда за перевод взялись образованные киевские книжники (Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие), отношение к тексту резко изменилось. Астрономия входит в перечень семи свободных искусств, относясь к квадривиуму наряду с арифметикой, музыкой и геометрией, о чем, безусловно, известно киевским книжникам [Камчатнов, 2005: 153]. Следовательно, язык астрономического (а затем и географического) текста должен вписываться в те лингвистические параметры, который описывает церковнославянская грамматика. Переводя географию в сферу языка стандартного регистра, Епифаний Славинецкий и его соратники оказываются у истоков ситуации, про которую позже говорил Г.В.Лудольф: «не пользуясь им (церковнославянским. – *Н.Н.*), нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования» [Ларин, 1973: 113].

Источник. Латинский оригинал «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» составлялся Вильгельмом и Иоанном Блау (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1631 по 1665 годы, в России оказалось издание 1645 года [Влаец, 1645]. Тома латинского издания в конце 50-х гг. XVII в. были разделены между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исаей Чудовским, которые сделали черновики перевода (рукописи Син. 779, 781, 780, 41), а потом московскими писцами были подготовлены беловики (Син. 19, Син. 112 и Син. 204). Беловики были сделаны для патриарха Никона и сразу попали в библиотеку Ново-Иерусалимского монастыря (две рукописи в 1661, одна – в 1666 г.) [Николенкова, 2010]. Московский перевод носит название **Позорище всеа вселенныа, или атласъ новый**².

Объем текста весьма значителен. Черновые экземпляры содержат 2301 лист текста, беловые 1105 листов (общий объем перевода при расчете руко-

¹ См., к примеру, о научном стиле: *Солганик Г. Я., Дроняева Т. С.* http://www.academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_3821.pdf. Дата обращения 7.02.2016.

² Все примеры, кроме специально оговоренных, даны по рукописи Син. 19 с максимальным соблюдением орфографии рукописи. Однако мы позволили себе опустить диакритику рукописи Син. 19 как несущественную для разбираемой темы.

писей в лист вместе с черновиком Син. 41 составит 1729 листов). На сегодняшний момент автором статьи подробно исследован первый том (перевод Славинецкого) и вторая половина переведенного Сатановским тома, беловик которой переписан тем же писцом [Соболевский, 1903: 62].

Основной текст Атласа Блау представляет собой описание отдельных стран и частей света, построенное по одной схеме: границы, главные города и водные артерии, религия, форма правления, основные сведения из истории, природные ресурсы. Переводчики абсолютно точно сохраняют структуру каждой главы, повторяются даже подзаголовки глав, в печатном тексте вынесенные на поля, а в рукописях включенные по модели глосс. Перевод максимально пословный, Славинецкий и его помощники стремятся повторить и совсем незнакомые русскому читателю модели, к примеру стихи.

Особое положение в тексте занимает вступление – «Вводение в Космографию», в котором содержатся общие сведения астрономического характера, основы общей географии и рассказ об освоении различных частей земли (главы «**В разнствѣ межд' Космографією, Географією, и Хорографією**», «**В зонахъ или Полсахъ, и в различныхъ именахъ жителей земныхъ**», «**В величествѣ земли и раздѣленіи странъ по долготѣ и широтѣ**», «**В плаваніихъ древнихъ же и новѣишихъ**»). Текст «Вводения в Космографию» получил широкое распространение во второй половине XVII и начале XVIII вв. Наиболее ранний список ВВК содержится в рукописи Син. 642 (2 пол. XVII в.). К концу XVII – началу XVIII вв. относят три рукописи, хранящиеся в РНБ: Q.XVII.31, Q.XVII.6 и Соф. 1510, еще один список хранится в РГБ (ф. 722 № 315).

Есть основания полагать, что именно «Вводение в Космографию» следует считать первым церковнославянским научным текстом, что особенно ярко видно по составу рукописей Q.XVII.6 и Соф. 1510. «Вводение в Космографию» оказывается в окружении «Диалектики» и «Математики» в первой из них, «Риторики» и некоего «медицинского наставления» во второй. Основная часть Атласа с астрономией уже не связана, но характер языка сохраняется.

Все грамматические особенности перевода Атласа Блау свидетельствуют о стремлении авторов создать стандартный церковнославянский текст, ввести научный стиль в рамки «строгой» церковнославянской грамматической нормы, стандартного регистра языка. Рассмотрим эти особенности.

Система глагольных форм. Характер использования форм прошедшего времени глаголов (четырёхчленной системы «аорист – имперфект – перфект – плюсквамперфект» или системы, включающей л-формы, то есть объединяющей систему книжного и живого языка) ставится М. Л. Ремневой

на первое место в ряду тех признаков книжности, которое необходимо исследовать и описать [Ремнева, 2003: 43–47; 229–231]. Для нашего текста актуализируется еще один важный момент – соотношение форм церковнославянских глаголов с латинскими глагольными формами. В переводах с латыни к. XV – н. XVI вв. глагольная система оказывается тщательно выстроенной в соответствии с латинскими оригиналами: «презенсу латинских глаголов соответствует настоящее время древнерусских, имперфекту – имперфект, перфекту – аорист» [Романова, Ромодановская, 2012: 28].

В тексте Атласа абсолютно преобладающей формой является презенс. Вот фрагменты начала главы «Европа»: **Въ ветствѣмъ крѣзѣ паче Асиі, Африки, многими имены издѣществѣѣ^T Еурѡпа, юже Плиніи питателнищѣ <...> доврѣишѣю именѣтъ (nominat). <...> прочіа Міра части по себѣ вставлѣтъ (relinquit) Еурѡпскіи крѣгѣ. <...> Америкѣ же днесѣ всвѣщають (illustrant) градѡве Мезікѣ, и Кѣскѣ. <...> блѣгоговѣніа късимѣ Хрѣтианскагѡ, еже здѣ напаче цвѣтетѣ (viget) <...> такѡ ихѣ Египтри Американе, Асіатикане, Африане, или пріемлютъ (admittant), или оужасаютсѣ (horreant) (л. 21). Как можно увидеть, латинским формам презенса соответствуют формы настоящего времени церковнославянского глагола. Презенс составляет более 65 % глагольных форм в латинском оригинале, значение у них разное; переводчик, воспроизводя грамматическую форму, придает церковнославянским формам те же значения, к примеру, в главе о реке Эльбе: **Еа здѣ странѣ нѣкъю, ѡ коеа части вморѣ Германское итнечѣтъ (excipit), прѣствлѣтъ (exhibet) Географѣ. Раздѣлѣтъ (dividit) Алба Февѣ^H ѡ Херѡскѣ. Такитѣ въ Гермѡдѡрехѣ, Албѣ рѣкѣ славнѣ пѣше^T (scribit). <...> Варварскагѡ вѣка писателе Албію наричѣ^J (vocat). Германѡмѣ Елбе глѣтсѣ (dicitur) (л. 112 об).****

Необходимо отметить, что в парадигме презенса особенно отмечается как значимая для характеристики регистра форма 2 л. ед.ч. [Живов, 2004: 238–249]. Космографии начала XVII в. рассматриваются В. М. Живовым как начинающие новую систему жанров: «в текстах новых развивающихся в XVII в. жанров... употребление форм 2 ед. презенса не было отягощено какой-либо традицией в рамках гибридного регистра» [Там же: 244]. Результатом становится экспансия в текст Космографии Ортелиа, привлекаемой ученым к анализу, новых, разговорных форм на **-шь**. Однако переводчики текста Ортелиа не ставили задачу создать новый стиль церковнославянского языка, тогда как Славинецкий и его команда используют именно формы на **-ши**, подчеркивая свою стратегию. Примеров 2 л. ед.ч. презенса в нарративном тексте немного, но все найденные случаи используют именно книжную форму, единственно правильную с точки зрения грамматики

[Грамматика, 2007: 209–211; Грамматики, 2000: 294–295]: **тѣмже истинныи и извѣстныи предѣлъ междѣ Европою и Асією, такъ постигаеши, постави помори Егейско,^М <...> дондеже противною рѣкою до накривленія его приндеши (л. 21).** Это доказывает, что «в XVII в. ученым лицам вроде Епифания Славинецкого удастся, как кажется, вполне освободиться от влияния языковых образцов и перейти на кодифицированный грамматикой Мелетия Смотрицкого церковнославянский язык» [Алексеев, 1987: 38]³.

При преимущественном использовании форм презенса экскурсы в историю подчеркиваются введением форм Perfectum, которому в церковнославянском переводе ожидаемо соответствует аорист: **въслависѣ** (inclaruit) **Асія трети наипаче грады** (л. 21). Начало главы «Норвегия» содержит небольшой рассказ об истории страны и этноса, как в 600 году от Рождества Христова будущие норвежцы искали место жительства, скитаясь по северу Европы. В церковнославянском тексте активно использован аорист в полном соответствии с латинским перфектом. **Норвегане** <...> **нова сѣдалища искати оуставиша** (institerunt), и всю **Вазонію, Фрисію, <...> нашествіи своими оудорчиша** (vexarunt) <...> **донелѣже наслѣдническѣ послѣдованіемъ повелителствоваша** (imperarunt) **Царіе** (л. 26об.). Такие же соответствия находим и в других главах: **Варматин сѣа всѣ преже держаша** (tenuerunt) (л. 64); **Толикъ бо ѿ брега поглоти** (absorpsit) **сила вѣри, лѣта ѿ тѣ ѿ воставиша, таже пирги, храми, села, доми низверже** (dejecit), и **морѣ почерпе** (hausit) (л. 103об.); и **ѿтого времење, Голсастин Квмити, Гамбѣргѣ держаша** (tenuerunt), **новыми зданіи дивнѣ оукрашиша** (exornarunt), и **впрестолнои Града своего цркѣѣ, погребенія себе избраша** (delegerunt) (л. 113); **ѿнеаже князи Заринггенстин древле тѣглѣ свою имѣша** (habuerunt) (л. 176). Знаатоки латинского языка, киевские книжники применяют аорист и в случае использования в латинском оригинале Perfectum Indicativi Passivi: **ѿсюдѣ Германія, на двѣ части, вышшю и нишшю раздѣлиса** (divisa est) (л. 74); **потомъ вКняжство обратисѣ** (versa est) (л. 79об.).

В соответствии с латинскими имперфектами переводчик использует церковнославянский имперфект: **Квмити древле Гортъ нарицахѣса** (dicebantur) <...> **поставляхѣса** (creabantur) (л. 32об.); **Полское Царство <...> ѿначала тѣсными заключашесѣ** (includebatur) **предѣлы** (л. 64). Иногда в тексте мы находим рассказы о прошлом, построенные на чередовании форм претеритов, актуализирующих разные значения – однократности, длительности, повторяемости. Латинские авторы вводят разные формы прошедшего времени; эту же модель, известную церковнославянским текстам, повторяют

³ Намеренный отказ от образца в данном случае подчеркнут отказом от ориентации на космографии, переведенные ранее, в начале XVII в. [Соболевский, 1903]

переводчики. К примеру, в описании острова Ругия есть рассказ о вероотступничестве местных жителей, об идолослужении и его особенностях: **Бемъ Идолъ четвероглавенъ содѣланъ, въ велелѣпосозданн^М храмѣ поставиша** (collocarunt). **Ўсегу вси Епархане и сосѣди окрестъ, прорицанин, аки итренога просахъ** (petebant): **кѣпци, елици сѣмъ благополчнѣ приплыша** (appulerant), **товаршвъ свонхъ дражаншага емъ приношахъ** (offerebant). <...> **Бемъ идолъ тѣ кѣни пасахъса** (pascabantur), **междѣ ими же единъ вѣлъ, на иже никтоже развѣ величанинъ иерен всѣдаше** (abscendebat), <...> **нанемъ паздаше** (equitasse). **Обра³ чествovati его сей баше** (erat). **На идоловъ иерен взираше** (inspiciebat) **рогъ, егоже прежде года, влагою исполнаше** (impleverat) <...>. **Оүзрѣвъ чашъ вѣдѣше^М лѣта приходе прорицаше** (divinabat). **Аще чашн влага поболшон части пары, ю ѡшла баше** (abiisset), **драгость брашна: аще исполнь, дешевость знаменовати вѣровашеса** (credebatur). <...> **Баше** (erat) **Идолъ сей въ градѣ Арконѣ Віттовин, егоже величанишага тогѣ време^Мне баше** (fuit) **честь**. (л. 104 об.). Следование латинскому образцу вполне точно передает характер действия и в переводе. Минимальным отступлением кажется лишь передача двух разных форм глагола «esse» – Imperfectum и Perfectum – одной формой **баше**, которая, впрочем, идеально соответствует характеру контекста. Такое отступление может быть связано еще и с разным характером описания глаголов «esse» и «быти» в латинских и церковнославянских грамматических руководствах. В латинских спряжению «esse» всегда уделяется особое внимание, а в грамматике Смотрицкого спряжение «быти» рассматривается лишь как спряжение вспомогательного глагола [Грамматика, 2007: 212–217; Грамматика, 2000: 296–301].

Таким образом, система претеритов показывает сознательную ориентацию переводчиков на стандартный регистр церковнославянского языка. Случаев использования л-форм в аористных и имперфектных значениях в исследованном объеме перевода Атласа не обнаружено.

Еще одной маркированной как книжная формой глагола для XVII в. называется форма инфинитива на **-ти**, «в стандартных церковнославянских памятниках форма на -ти (в XVII в. – *Н.Н.*) продолжает быть вне конкуренции» [Живов, 2004: 137]. При анализе употребления форм в переводной космографии XVII в. В.М. Живов отмечает тенденцию к формированию гибридного регистра: соотношение форм на **-ти** и форм на **-ть** оказывается 3/1 [Там же: 147]. Однако данное наблюдение не совпадает с нашим материалом. Осознанное стремление к созданию текста в рамках стандартного регистра приводит к тому, что 100 % форм инфинитива оформляются как книжные, грамматически корректные: **ѡзыки ложесна нарицати може^М**;

тѣмже можемъ избрати едино слово (л. 22об.); **кромѣ коегѡ вѣдства страха содержати можетъ** (л. 30об.); **иже здѣ имѣтисѧ обыкоша** (л. 65) и т. д.

Употребление глагольных форм таким образом полностью соответствует ориентации переводчиков на стандартный регистр церковнославянского языка второй половины XVII в. Но делать выводы о полной ориентации на грамматические сочинения (в том числе на Граматику 1648 года⁴) все же нельзя, так как характер текста не дает возможности обнаружить полную парадигму глагольных форм даже в рамках одного из времен. Об отсутствии однозначной ориентации на грамматику говорит также отсутствие у глаголов форм двойственного числа.

Двойственное число. Составители церковнославянских грамматик XVII в. формы двойственного числа знают и используют их последовательно. При этом отсутствие данной категории в живом языке XVI–XVII вв. «дало толчок для свободного конструирования его форм создателями грамматик» [Ремнева, 2003: 177]. В оригинальных и переводных произведениях XVII в. двойственное число употребляется крайне непоследовательно: само наличие грамматической формы служит маркером книжности, однако следить за его правильным употреблением во всех контекстах книжки не стремятся; есть памятники, создатели которых отказываются от использования форм дуалиса [Там же: 209–207]. При последовательной установке Славинецкого и его соратников на следование стандартному регистру церковнославянского языка мы обнаруживаем нерегулярное употребление форм двойственного числа.

Анализ текста показывает, что переводчики отказываются от использования дуалиса в конструкциях с двумя именами («синдетическое» двойственное число). Такие контексты не опознаются ими, во всех отмеченных примерах использованы формы множественного: **Америкѡ же днесь освѣщаютъ градѡе Мезікѡ, и Кѡскѡ** (л. 21); **здѣ Зеландіа, и Сканиа** <...> **внѣ сходятсѧ** (л. 31). Заметим, что в начале книжной sprawy Славинецкий и его товарищи стремились к использованию двойственного числа в глагольной парадигме, но даже в подготовке Служебника 1655 последовательно эта правка не была проведена: «в чине Литургии св. Иоанна Златоуста <...> глагольные формы множественного числа изменяются всегда на формы двойственного <...> в чинах св. Василия Великого и преждеосвященных даров сохранились прежние формы множественного числа» [Дмитриевский, 2004: 46].

Контекстов, которые позволяли бы употребить местоимение во множественном числе, практически нет. Один из немногих случаев: **Варвари**

⁴ Далее по введенной Е. А. Кузьминой традиции мы будем обозначать московское издание грамматики 1648 г. как *ГМ*, а первое издание 1619 г. как *ГС*.

насемъ мѣстѣ <...> двѣ васіліки наздаша, іаже потомъ разметаша Лонгобарди (л. 80). Форму іаже необходимо счесть винительным падежом мн.ч., хотя и невыдержанным с точки зрения графики ГМ (▲), но совпадающим с рекомендациями ГС (іаже) [Грамматика, 2007: 198; Грамматики, 2000: 283]. Учитывая орфографические установки московского писца, эта разница в использовании буквы не очень существенна [Николенкова, 2016: 10–11].

Предыдущий пример дает нам наиболее частый контекст возможного употребления форм двойственного числа – связанное, в сочетании со словом «два» (реже «оба»). В целом картина употребления очень разнообразна. «Два» в сочетании с существительными мужского и среднего рода дает существительным форму на -а, которая может быть интерпретирована и как форма двойственного числа, и как род.п. ед.ч.: два по^дбою имать Стїилица (л. 28об); на два раздѣляется прѣстатѣства (л. 29). Сочетания с существительными женского рода демонстрируют, что зависимое слово переводчик ставит в род.п. ед.ч.: двѣ Цркви Престолныа (л. 26); Архєпства всемѣ Царствѣ сѣтъ три, ... Акадимін двѣ (л. 65). Контекстов с формой двойственного числа не отмечено, зато в некоторых случаях переводчик механически повторяет форму латинского оригинала, употребляя существительное в им.п. мн.ч.: два Кѡмити (Comites); въ градѣ Оттоніи два сѣтъ храми (Templa) знаменити (л. 32).

Для форм косвенных падежей ГМ во всех трех родах предлагает в дат. и твор. пад. форму двѣма [Грамматика, 2007: 167–169]. Единая форма оказалась результатом стремления московских составителей к унификации [Кузьминова, 2007: 579–580]. В первом издании (ГС) кодифицировалось различие форм м. и ср. (двома) и ж. р. (двѣма) [Грамматики, 2000: 252–253]. Правда, в тексте ГМ есть примеры использования форм, ей не кодифицированной: рѡдн имень познаваютьсѣ двома образом [Грамматика, 2007: 81]. Епифаний Славинецкий, следуя известным ему нормам ГС, использует их в черновике, а далее они некритически переносятся в беловик московским писцом: двома токмѡ мѣстѡма сѣши спраженна (л. 29об); прекопама двома окрѣженна и колами острыми ограждена естъ (л. 41); междѣ двома градома (л. 64об). Различия в орфографических установках переписчики текста – московские писцы – корректируют [Николенкова, 2016], тогда как знание грамматики у киевских книжников считается более глубоким, поэтому редакторы на уровне грамматических форм создатель беловика не осуществляет. Соответствуют изданию 1619 г. и использованные в указанных примерах вариативные формы мужского рода -ома / -ама. Правда, ГС разделяет формы дат.пад. дв. числа (-ома) и твор.пад. дв.ч. (-ама) [Там же: 190–191]. В условиях следования латинскому оригиналу разделить эти паде-

жи переводчик не может, поэтому, думается, использование разных окончаний можно считать гиперкоррекцией. Есть и гиперкорректные образования самого слова «два»: **родитса и двохъ источникъ** (л. 186). Кроме того, есть в переводе и формы ошибочные, где двойственное число и множественное не различаются: **двома частемъ гачмена, третю жита примѣшевати обычѣтъ** (л. 53об); **гаже двома ѿ Иніпонта поприци ѿститѣтъ** (л. 81).

Думается, Славинецкий не сопоставлял тексты ГС и ГМ, поэтому мог и не знать о тех исправлениях, которые были введены составителями ГМ. Писец белого экземпляра Атласа Блау был знаком с орфографическим разделом ГМ, а вот часть «Этимология» знал хуже. Кроме того, как и большинство московских книжников середины XVII в., он не имел навыков использования грамматических сочинений в работе над текстом. Первые грамматики церковнославянского языка (для московских книжников ГМ) не были кодифицирующими [Ремнева, 2003: 196]. Славинецкий же знания, полученные при изучении грамматики, использует при создании собственных текстов. Так в стандартный церковнославянский язык московской редакции проникают формы, грамматически соотносимые только с югозападной русской традицией.

Можно говорить о том, что Славинецкий знает о том, что двойственное число является маркером книжности для церковнославянского текста. Поэтому он стремится к использованию таких форм хотя бы в отдельных контекстах. Количество же допущенных ошибок свидетельствует о том, что сама форма двойственного числа не входит для киевских книжников в списки обязательного маркера стандартного регистра, скорее оказывается на периферии.

Временные конструкции. Конструкция «дательный самостоятельный» (ДС), безусловно, является одним из ярких признаков ориентации и на книжно-письменный язык. Ее использование в тексте говорит о лингвистической позиции автора. При этом исследования церковнославянских текстов, даже относящихся к начальному периоду письменности, показывают, что разные авторы демонстрируют различные подходы к употреблению этого оборота. Так, «в Житии Александра Невского, достаточно просторном тексте, ... употреблено всего два ДС», тогда как в Житии Феодосия Печерского их отмечается 196 («Нестор испытывает почти патологическое влечение к этому обороту» [Живов, 2008: 10]). В ГМ оборот упомянут: **всѣхъ залогъ глаголомъ сочиняемъ бываетъ дателенъ самостоятеленъ, пакъ, бѣ дающѣ, зависть ничто же оупѣетъ** [Грамматика, 2007: 344], однако встречается преимущественно в цитатах из Писания и в тексте предисловия: **ельмаже многѣ времени минуѣвшѣ** [Там же: 45]. Если считать научный

стиль грамматики ориентиром для стиля новой науки, то переводчики должны были использовать данный оборот, но степень распространенности его могла и не быть высокой.

В исследованных частях мы обнаружили всего два случая употребления ДС: **Слѣдѣ съхѣ колики дни нападающѣ, оное низверженіе лѣсѡвъ прѣреченное, сламоу положенною, и насланною попалаю, и вѣпелѣ сожигаютъ** (л. 53); **Имже содѣлавшимса, прочее дне пирѣюще и піюще препроважахѣ** (л. 104 об.).

Наблюдения М. Л. Ремневой показывают, что временные отношения оформляются также с помощью союза **егда**, в ряде древних текстов процент этой конструкции даже выше, чем у ДС: «переводчик «Стословца» предпочитает конструкцию ДС, «Наказания Исихии» - конструкцию с союзом **егда**, в тексте «**Бовора отъ мѣногъ оцѣ**» практически одинаково используются оба средства оформления значения времени» [Ремнева, 2003: 58]. В грамматических сочинениях XVII в. союз **егда** и его аналог **внегда** входят в списки союзов [Грамматики, 2000: 387; Грамматика, 2007: 315], то есть получают статус допустимых в стандартном церковнославянском языке. В лексиконах Славинецкого и Сатановского союз **егда** фигурирует как эквивалент латинского «cum, quum», там же представлен вариант **внегда** [Німчук, 1973: 149, 445].

Оба союза присутствуют в тексте перевода, правда, характер текста не способствует широкому распространению временных придаточных. Примеры использования временного союза **егда** приходится на переводы включенных цитат, например из Страбона: **Егда (cum) сѣи орѣжіа вѣзащищеніе оустраоютъ, они земными плодами <...> помоществуютъ <...> егда (cum) едина часть дрѣгой недаеть помощи** (л. 24). В переводе главы «О плаваниях» Славинецкий выбирает второй вариант: **внегда (cum) вѣкни в Парали: вглавѣ гѣ творитса воспоминаніе; внегда (cum) тѡи пѣтъ Солтана ради Египетскагѡ ... вываеть** (л. 12).

Таким образом, при оформлении временных конструкций книжники пользуются теми средствами, которые предлагают им грамматики церковнославянского языка. И ДС, и временное придаточное оказываются равноправными книжными моделями, выбор которых для переводчиков часто зависит от латинского оригинала и собственного предпочтения.

Условные конструкции. Модель условного придаточного для церковнославянского языка устойчиво связана с использованием союза **аще** [Ремнева, 2003: 47-50; 225]. Этот союз присутствует в Лексиконе Славинецкого и Сатановского, тогда как восточнославянские союзы **аче**, **оже**, **аже** отсутствуют [Німчук, 1973: 423, 479]. В латинском лексиконе в качестве аналога

союза «si» также фигурирует лишь вариант **аще** [там же: 371]. Степень распространения этого придаточного не очень высока; никаких иных форм выражения условного значения, кроме использования **аще**, авторы не знают, например: **ащеже вѣсомъ продавателны сѣтъ, тожѣ самое сотнымъ, и тисащнымъ числомъ бывати обыкѣтъ** (л. 25 об.); **аще мношша имать сыны, имѣ <...> ѿ Црѣва даѣтса** (л. 32об); **аще вѣрѣемъ вса вѣсти** (л. 187) и т. д.

Вообще в переводе Атласа мы можем найти весь перечень союзов, фигурирующих в грамматических списках, даже если союз мало свойственен для русской книжно-письменной традиции. Так, нами отмечены случаи употребления союза **ѣда**, включаемого грамматиками в разряд **недоумѣтельнаго** знаменования [Грамматики, 2000: 388; Грамматика, 2007: 315]: **вопрошатса обыкѣтъ, ѣда** (utrum) **Исландіа естъ она ветхихъ писанинъ вѣспѣтаѣ Ѡѡла** (л. 24 об.); **Любопритса, межѣ писателн, ѣда** (an) **Дѡнаи Нилъ преизѡществѣтъ, или Нилъ Дѡнаю** (л. 190 об.). Данный союз в значении ‘может быть, не...ли’ отмечен словарями в ранних переводных сочинениях, а потом возвращается в письменность во второй половине XVII в. [СлРЯ XI–XVII, 1978: 5, 14], вполне возможно, что именно под влиянием грамматических руководств.

Самым используемым средством объединения предикативных единиц в переводе Атласа Блау будут разные формы относительного местоимения «**ниже, таже, еже**». Выстроенная в ГС и ГМ система склонения этих местоимений позволила книжникам второй половины XVII в. вернуться к модели согласования этих местоимений по роду, числу и падежу с тем словом главного предложения, к которому они относятся, а не к глаголу придаточного предложения, что было характерно для предшествующего периода [Успенский, 2002: 458–459] В данной работе мы не будем касаться этого вопроса, так как ставили задачей разобрать лишь те грамматические параметры, на которых сфокусировано внимание в работах М. Л. Ремнева.

В заключение хотелось бы отметить, что разобранный нами модель грамматического анализа принадлежности церковнославянского текста, безусловно, показала свою жизнеспособность. Однако исследование новых источников, особенно сочинений новых жанровых форм, позволят усовершенствовать предложенную М. Л. Ремневой систему, введя в нее новые грамматические параметры. И для второй половины XVII в. такие параметры без всякого сомнения должны быть соотнесены с грамматическими руководствами, изданными в то же время.

Список литературы

- Алексеев А. А.* Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 34–46.
- Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 31–470.
- Грамматика 1648 г./ Предисл., науч.коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 9–492.
- Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004.
- Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Живов В. М.* Референтная структура и порядок слов: дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 5–56.
- Камчатнов А. М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М., 2005.
- Кузьминова Е. А.* Комментарий// Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 495–612.
- [*Ларин Б. А. (перевод, вступительная статья)*]: Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). Л., 1937.
- «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / Підгот. до вид. В. В. Німчук. Київ: 1973.
- Николенкова Н. В.* Церковнославянский перевод Атласа Блауэ: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 86–98.
- Николенкова Н. В.* Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика// Филологические науки. 2016. № 1. С. 8–19.
- Николенкова Н. В.* «Введение в Космографию» как первый географический текст рубежа XVII/ XVIII вв.: лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. 2016 (в печати).
- Ремнева М. Л.* Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- [*Романова А. А., Ромодановская В. А.*] «Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. М., СПб., 2012.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975 – наст.вр.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Сведения об авторе: *Николенкова Наталья Владимировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: natanik2004@mail.ru

Е. И. Кислова

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДУХОВЕНСТВА XVIII В.: УЧИТЕЛЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В РУССКИХ СЕМИНАРИЯХ¹

В статье на материале опубликованных и архивных документов исследуется роль учителей иностранных языков, работавших в российских семинариях. Учителями немецкого и французского в семинариях крайне редко бывали иностранцы, чаще это были россияне, получившие образование за границей или выучившие иностранный язык в российских учебных заведениях (светских или духовных). Специфика духовных учебных заведений накладывала свои особенности на выбор преподавателей и их работу – и соответственно на лингвистическую компетенцию учеников, полученную в результате подобного обучения. За счет минимального присутствия в семинариях среди преподавателей европейских языков «природных иностранцев» обучение языкам повсеместно велось с опорой на русский язык как язык-посредник, таким образом, преподавание русского языка до начала XIX в. оставалось формально на уровне подготовительных классов – но фактически шло в рамках курсов риторики и поэтики, а также в процессе обучения семинаристов европейским и классическим языкам.

Ключевые слова: XVIII век, преподавание языков, немецкий язык, французский язык, русский язык, духовенство, семинарии.

Using published and archival documents, this article studies the role of foreign language teachers who worked in Russian seminaries. Foreigners seldom worked as teachers of German and French, more often there were Russians, who had been educated abroad or in Russian educational institutions (secular or clerical). The character of ecclesiastical schools influenced the choice of teachers and their work – and on the resulting linguistic competence of their students. The presence of foreigners among the teachers was minimal, therefore the teaching of foreign languages was conducted in Russian as a mediator language. So, until the beginning of the 19th century the teaching of the Russian language in seminaries was formally performed only in preparatory classes – but in fact it existed in practice in the courses of rhetoric and poetics, and the Russian language was also studied in the courses of European and classical languages.

Keywords: 18th century, language teaching, German language, French language, Russian language, clergy, seminaries.

1. Вступление

Введение в семинарское образование европейских языков нередко описывается исследователями как существенный признак успеха просвещения. На самом деле появление того или иного языка в духовном образовании

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-4924.2015.6).

сложно датировать однозначно. Подробно вопросы распространения французского и немецкого языков в церковном дискурсе XVIII в. рассмотрены нами в ряде статей (см. [Кислова, 2013: 48–74; Кислова, 2015а: 53–70; Кислова, 2015б: 16–34]), поэтому здесь мы только кратко очертим основные проблемы, связанные с датировкой появления этих классов в семинариях.

Во-первых, уже к середине XIX в., когда создавались первые научные описания истории семинарий, их авторы писали о выборочной сохранности в архивах документов семинарий XVIII в. Например, архив Тверской консистории, содержащий документы Тверской семинарии, пострадал от пожара в 1763 г. [Колосов, 1889: VII–IX]. Уже к концу XIX в. в архивах разных ведомств сохранялись только единичные документы за первые 20 лет существования Воронежской семинарии [Никольский, 1898: I–V]. Поэтому современные ученые во многом вынуждены опираться на труды XIX в., которые нередко недостаточно точны в воспроизведении документов и предвзяты в их отборе.

Во-вторых, европейские языки не входили в обязательный семинарский минимум, поэтому теоретически они могли преподаваться в любое время при наличии учителя, способного преподавать этот предмет, а также учеников, желающих его изучать, и с согласия руководства семинарии². При этом документы, отражающие такое преподавание, могли не сохраниться или изначально отсутствовать, если обучение происходило частным образом или по устной договоренности. Многочисленные примеры свидетельствуют, что отсутствие классов того или иного языка в семинариях не препятствовало желающим изучить его другими способами, и наоборот: знание языка кем-то из выпускников не свидетельствует о наличии его преподавания в семинарии.

В-третьих, сложность возникает с оценкой указов и распоряжений о создании классов. Распоряжения о заведении классов того или иного европейского языка не всегда подтверждаются фактами, свидетельствующими о том, что преподавание языка действительно началось после издания указа. Также классы европейских языков нередко открывались и через какое-то время закрывались – из-за отсутствия учителя, недостатка учеников или просто из-за того, что правящий архиерей менялся или терял интерес к этим классам.

Наконец, классы могли существовать исключительно «на бумаге». Например, в Рязанской семинарии классы были формально открыты, однако

² В первой половине XVIII в. в семинариях иногда преподавались не только французский и немецкий, но и голландский и итальянский языки. См.: [Смирнов, 1867: 352; Любжин, 2014: 650–653].

фактически за весь 1792 г. состоялся 1 урок французского и ни одного урока немецкого [Агнцев, 1889: 120–121].

Таким образом, наиболее надежными свидетельствами преподавания языка мы можем считать учебные документы (отчеты учителей, экзаменационные ведомости учеников, учебные материалы и тексты, созданные учениками на иностранных языках). Однако в исторических описаниях XIX в. не всегда указывается, что стало источником информации о заведении классов – указы архиереев или реальные учебные документы. Поэтому любые попытки жестко обозначить дату начала преподавания европейского языка в конкретной семинарии являются условными.

Тем не менее можно уверенно утверждать, что наиболее ранние примеры заведения классов европейских языков в семинариях относятся к 1740-м гг., а их распространение происходит уже во второй половине века – в царствование Екатерины II.

Сохранившиеся аттестаты учеников старших классов и выпускников провинциальных семинарий, поступивших на 1 курс Санкт-Петербургской духовной академии в 1808 г. (РНБ, ф. 574, оп. 1, д. 973), свидетельствуют о том, что французский и немецкий языки в конце 1790-х гг. – начале 1800-х гг. имели возможность выучить студенты Московской Славяно-греко-латинской академии и Троицкой семинарии, оба языка преподавались в провинции – в семинариях в Смоленске, Твери, Орле, Калуге, Казани, Владимире, Архангельске, Курске, на Украине – в Киеве, Харькове, Чернигове, Полтаве. Только французский заявили в аттестатах выпускники Перервинской и Вифанской семинарий, а также семинарий в Нижнем Новгороде, Туле, Пензе, Коломне, Могилеве и Екатеринославле. Только немецкий язык – выпускники Белозерской семинарии (при Кирилло-Белозерском монастыре), а также семинарий в Вологде, Ярославле, Вятке, Костроме. На самом деле преподавание европейских языков было даже шире: так, в Ярославле преподавался не только немецкий, но и французский, о чем свидетельствуют многочисленные переводы, выполненные студентами этой семинарии в конце XVIII в.³ Преподавались оба языка в начале XIX в. и в Новгородской семинарии, о чем свидетельствуют сохранившиеся материалы (РНБ, ф. 522, д. 209).

В связи с событиями Великой Французской революции французский язык летом 1794 г. на некоторое время был запрещен к преподаванию в семинариях. Однако в некоторых семинариях запрещение французского было совершенно формальным: хотя классы официально были закрыты, в руко-

³ См. описания сборников переводов № 121 (503) и №124 (502), выполненные учениками Ярославской семинарии П. Туношенским, К. Милославовым и Я. Баженовым в 1810–1811 гг. в [Лукьянов, 1975].

писном поздравительном сборнике, поднесенном Троицкой семинарией митрополиту Платону в 1795 и 1796 гг., содержатся стансы и эпиграммы, написанные по-французски студентами классов богословия, философии и риторики (РГБ, ф. 173. III, д. 131), небольшая пьеса в стихах и стансы студентов классов богословия и философии (РГБ, ф. 173. III, д. 132). В этой семинарии французский был возобновлен уже в 1797 г. [Смирнов, 1867: 353] по указу императора Павла, изданному в ответ на личную просьбу митрополита Платона (РГАДА, ф. 1204. оп. 1. ч. 1., дело 2121, л. 2).

Уже в 1798 г. французский и немецкий были официально введены в планы семинарий и духовных академий, пусть и как факультативные (в противоположность обязательным греческому и даже еврейскому) и обусловленные некими «надобностями епархии». Однако минимум один из европейских языков семинарист отныне должен был изучать [ПСЗ XXV: 428]. В Воронежской семинарии и Киевской академии класс французского был открыт вновь в 1798 г. [Шмурло, 1888: 101; Макарий, 1843: 156], в Московской академии – в 1800 г. [Смирнов, 1855: 311], в Рязанской – около 1800 г. [Агнцев, 1889: 119], в Тверской семинарии – в 1802 г. [Колосов, 1889: 241–242].

Кто же преподавал французский и немецкий языки в семинариях? Учителями немецкого и французского в семинариях, как и в других учебных заведениях России, могли быть «природные иностранцы», а также россияне, получившие образование за границей или выучившие иностранный язык в российских учебных заведениях (светских или духовных). Однако специфика духовных учебных заведений накладывала свои особенности на выбор преподавателей и их работу – и соответственно на лингвистическую компетенцию учеников, полученную в результате подобного обучения.

2. Учителя – «природные иностранцы»

В течение всего XVIII в. преподавателями иностранных языков в России становились преимущественно иностранцы ([Солодянкина, 2007; Mézin, Rjéoutski, 2011]). Однако руководство семинарий нередко высказывало опасения, что контакт с иноверцем, преподающим иностранный язык, приведет к «повреждению православной веры», причем это опасение распространялось даже на светские учебные заведения. Так, в 1752 г. в Смоленске католик «граф Егор Александров фон-Ранц» обучал частным образом 12 человек «разных чинов людей детей на французском и немецком языках (а может быть, что и иных диалектах)» [Сперанский, 1892: 45]. Реакция Гедеона Вишневого была следующей: «...реченному графу Егору фон-Ранцу содержать публичную школу и учить разных людей детей возбранить; ибо опасно и сумнительно есть, дабы маловозрастные

дети под его едином учением и присмотром, аки инорелигиозного человека, не навькли какого противу веры благочестивой восточной греко-российского исповедания противного наставления» [Там же: 46]. Однако если бы сам граф пожелал «при вышеписанных Смоленских школах учение иметь под присмотром ректора, то бы консистория могла о том учинить рассмотрение» [Там же: 46]. Таким образом, «присмотр» православного руководства семинарий гарантировал, что обучение иностранным языкам пройдет без повреждения православной веры, и, таким образом, иноверцы-учителя оказывались «легализованы» в пространстве православных учебных заведений.

Подобная позиция, видимо, была весьма распространенной среди просвещенного духовенства, поэтому в середине века в семинарии в качестве первых преподавателей немецкого и французского нередко приглашали иностранцев. Например, в 1770-х гг. французский в Воронежской семинарии преподавал учитель Штельтер⁴. Однако услуги иностранцев были дорогими, а сами иностранные учителя пользовались популярностью в России – и не всегда соглашались на предложенные семинариями условия. Так, в Троицкую семинарию после распоряжения Гедеона Криновского 1758 г. о заведении классов немецкого и французского был приглашен в качестве учителя француз Яган (Иоганн) Дебелье, который жил в Москве и в Немецкой слободе частным образом обучал детей знатных лиц немецкому и французскому языкам [Смирнов, 1867: 53]. Однако договоренность с ним так и не была достигнута. В итоге двое студентов семинарии (Семен Башилов и Иван Аничков) были отосланы в Московский университет специально для изучения языков. В 1781 г. в Московской академии французский и немецкий преподавал немец Иоганн Шмидт, однако когда на его место пожелал поступить лектор университета Гейм, митрополит Платон Левшин ответил отказом: для преподавания уже был подготовлен воспитанник Николай Соколов [Смирнов, 1855: 310]. В Александро-Невской семинарии также начинали преподавать иностранцы, но продолжали их русские ученики: «Классы французского и немецкого языков занимал несколько времени профессор Гутсман. После него приглашен бывший учителем сих языков в Императорском Воспитательном обществе благородных девиц Карл Вольмер... Но через год он вышел. Лекторами при них были студенты: Николай Знаменский (впоследствии ректор Академии), Николай Анненский и Иван Данков» [Чистович, 1857: 87].

⁴ На протяжении всего XVIII в. и в светских, и в духовных учебных заведениях немецкий язык могли преподавать франкоязычные учителя, а французский – германоязычные (немцы, голландцы и т. д.).

Как только появлялась возможность, руководство «великорусских» семинарий заменяло приглашенных иностранцев-иноверцев на выпускников семинарий из духовной среды. Жалованье учителей «из духовенства» было намного меньше, требования к условиям работы – ниже, и в целом для руководства семинарий они были удобнее, так как, в отличие от иностранцев, полностью зависели от церковного начальства.

Редким примером обращения к иностранцу после начала преподавания в «великорусской» семинарии иностранных языков является история Антона Оренова (Antoine Orenove)⁵. В 1785 г. митрополит Платон предложил ему преподавать в Троицкой семинарии; Антон Оренов вел французский, немецкий, голландский, а также «сферу и географию» [Смирнов, 1867: 352]. С февраля по август 1785 г. Оренов преподавал языки в качестве помощника Ивана Сокольского, затем, после перевода последнего в Московскую академию, стал самостоятельным учителем. 16 декабря 1786 г. Оренов с женой были избиты и ограблены, в феврале 1787 г. Оренов получил аттестат и, видимо, вскоре покинул Лавру (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 1389); с 1788 г. информации о нем нет. Его появление в качестве учителя обусловлено его непосредственным контактом с Платоном Левшиным и выглядит явным исключением.

В Киевской академии ситуация была иной: так, французский язык даже в конце XVIII в. вели в основном иностранные учителя: Маргасту де Зеемилару (1770–1776), Василий Люппа (с 1778 г.), с 1788 г. там учил немецкому «иностранец Ремер», с 1789 г. французский преподавал некий Форенель, немецкий с 1801 г. – «Самойло Храпопов, уроженец из Цезарской области», французский с 1802 г. – «отставной капитан Карл Компанион», с 1811 г. – Петр Греко ([Шмурло, 1888: 27], [Макарий, 1843: 154]). Возможно, причина здесь заключалась во внесословном характере православных коллегий Украины и особенно Киевской академии [Посохова, 2011: 37–41], и соответственно, в более высоких требованиях к преподаванию иностранных языков.

3. Учителя – светские лица

На начальном этапе создания классов компромиссным вариантом могло стать приглашение человека, по каким-то причинам оказавшегося в церковной среде, но получившего знание иностранных языков в светском

⁵ Антон Оренов – француз из Лангедока, обучался в Монпелье, затем в Париже, затем в немецких университетах, в том числе в Гейдельберге, был пастором в Галле. В какой-то момент Оренов переехал в Петербург, где занимался преподаванием «новых языков», открыл училище в Волочке и в 1784 г. предложил митрополиту Платону свои услуги в качестве учителя языков и переводчика его проповедей на французский и немецкий (см. [Смирнов, 1867: 510]).

состоянии. Это мог быть, например, живущий на покое в монастыре чиновник или желающий принять постриг военный.

Так, реальное преподавание французского и немецкого языков началось в Троицкой семинарии с 1763 г. с появлением Николая Цвета, служителя, состоявшего при доме Димитрия Сеченова и позже принявшего постриг. К сожалению, неизвестно, где и как он выучил иностранные языки. В 1767–68 гг. в Троицкой семинарии к преподаванию языков были подключены не только Федор Каржавин, учившийся в Париже⁶, но и слепой коллежский протоколист Илья Чистяков, который жил в Лавре на покое. Ему вменялось в обязанность разговаривать с семинаристами на французском и немецком языках [Смирнов, 1867: 348–349]. Позже в Троицкой семинарии к преподаванию также подключали светских лиц, знающих языки: они выступали в функции помощников основных учителей, происходивших из семинаристов. Например, Михаил Михайлович Вышеславцев, конной гвардии вахмистр, выходец из дворян, который в возрасте 29 лет пожелал изучать богословие [Там же: 352], должен был также участвовать в преподавании языков студентам семинарии.

Таких учителей также было немного: в духовной среде светские знатоки иностранных языков, готовые преподавать их семинаристам, были большой редкостью. Руководство семинарий должно было обеспечить преемственность в воспитании собственных наставников: православных богословов, владеющих немецким и французским. Поэтому идеальными учителями европейских языков должны были стать выпускники семинарий. Этот процесс начался в семинариях раньше, чем в светских учебных заведениях, где идеальным преподавателем немецкого и французского был в первую очередь учитель-иностранец, и только за неимением средств или возможностей найти такого выбирался русский по происхождению учитель.

4. Учителя – представители духовенства

Студент семинарии мог изучить иностранные языки первоначально либо за границей, либо в светских учебных заведениях (чаще всего – в Московском университете), либо в духовном учебном заведении, в котором

⁶ Федор Каржавин – сын богатого купца-старообрядца, с 1753 по 1765 г. обучался во Франции, посещал лекции в Сорбонне, где изучил французский, итальянский, греческий и латинский языки. После возвращения в Россию числился в Коллегии иностранных дел, затем 2 года преподавал французский в Троицкой семинарии, с 1769 г. по ходатайству В.И. Баженова определен в Экспедицию кремлевских строений, в 1771 г. сдал экзамен на звание преподавателя французского языка в Московском университете. Писатель, переводчик, издатель, путешественник. См. о нем [Долгова, 1999].

уже были организованы подобные классы. Наибольшей популярностью пользовался именно последний вариант: первые два давали возможность обучить иностранному языку ограниченное число лиц, так как за обучение и содержание студентов необходимо было платить. Третий вариант обеспечивал преподавателями немецкого и французского даже отдаленные и небогатые провинциальные семинарии, поскольку всё образование проходило «внутри» церкви.

4.1. Семинаристы, обучавшиеся за границей

Отправка перспективных учеников за границу для изучения языков и наук практиковалась не только в светской среде, но и в духовной (см. [Пекарский, 1862: 220–228], [Трегубов, 1884: 191–192], [Андреев, 2005]). В конце XVII в. из Киевской академии студенты отправлялись преимущественно в католические страны, причем посредником здесь нередко становились униатские учебные заведения Украины, Белоруссии и Польши. Так, Стефан Яворский (1658–1722), будущий митрополит Рязанский и Муромский и президент Св. Синода, слушал лекции в католических школах Львова, Люблина, Познани и Вильно. Феофан Прокопович (1681–1736), будущий архиепископ и фактический руководитель Русской православной церкви, близкий сподвижник Петра I, после Киевской академии продолжил образование в Риме в греческой коллегии Св. Афанасия, в которой с конца XVI в. обучались иерархи униатской церкви (см. [Блажейовский, 1996: 249–296]). До конца XVIII в. сохранялась практика отправки учеников из Киева в Пресбург (ныне Братислава, Словакия): там обучались будущие преподаватели Киевской академии Константин Кржижановский (учитель французского и еврейского), Анатолий Стацкий (учитель немецкого). Будущий ректор Киевской академии – Ириней Фальковский, преподававший в ней немецкий язык, также учился в Польше и Венгрии ([Макарий, 1843: 154–155], [Белгородский, 1901: 176–177]).

Чаще всего за обучение и проживание учащихся за границей платили сами семинарии или их руководство, поэтому такие студенты должны были стать учителями в своих учебных заведениях. Например, именной указ Екатерины II Киевской академии от 15 марта 1787 г. гласил: «...посылать по рассмотрению Киевского митрополита студентов в иностранные университеты для приобретения лучших знаний в науках, дабы академия могла снабдить себя искусными учителями» [Амвросий, 1807: 496]. На основании этого указа в Слуцкий реформатский конвент были посланы 2 студента для изучения немецкого, французского и польского языков. Ученики должны были

дать подписку о том, что по завершении обучения они вернутся в Киевскую академию в качестве учителей [Знаменский, 1881: 682].

В российских семинариях, в отличие от Киева, популярны были немецкие протестантские университеты в Галле, Лейдене, Геттингене и др.⁷

Для отправки за границу знание соответствующего иностранного языка не требовалось, т. к. международным языком науки и образования в это время была латынь, которая с 1730-х гг. активно распространялась в российских духовных учебных заведениях⁸. Некоторые ученики все-таки стремились изучить иностранный язык до отъезда. Так, Симон Тодорский год провел в Академической гимназии в Санкт-Петербурге, обучаясь немецкому языку, и еще около года – в Ревеле, и только потом отправился для обучения в Галле. Однако чаще немецкому языку студенты обучались «методом погружения» – «из живого разговора и чтения книг». В Германии студенты нередко брали также уроки французского у различных учителей.

Однако найти финансирование для обучения в европейских университетах удавалось крайне малому числу семинаристов. В отличие от дворянства, духовенство не могло позволить себе подобное образование «за счет отцов», а финансирование почти всех семинарий было довольно скудным. Поэтому наиболее масштабным мероприятием, связанным с отправкой студентов семинарий за границу, стал проект создания Богословского факультета при Московском университете [X, 1873: 300–317]. Для его организации в университеты Германии и Великобритании было отослано сразу 16 человек – ученики семинарий с инспекторами. Отчеты и результаты экзаменов вернувшихся семинаристов сохранили данные о том, чему именно и как именно обучались студенты за границей. Так, Дмитрий Семенов-Руднев, изучавший до отъезда в Геттинген только латынь, греческий и еврейский, в отчете описывает, что немецкому он учился «из лекций профессорских и обхождения», французскому – «у профессора французского языка Колона дю Клоса и у шпрахмейстеров» [Горожанский, 68]. Розанов и Андреевский изучали кроме немецкого и французского английский язык, Новиков особое внимание уделял французскому [X, 1873: 311]. Экзамен Геттингенской группы в языках, проведенный академиками Крафтом и Лексманом, инспектором академической гимназии Бакмейстером и корректором Штриттером 8 октября 1773 г., подтвердил, что все вернувшиеся студенты показали отличное знание языков, хотя у Дмитрия Семенова «не совсем хорош выговор» [Там же: 312].

⁷ Списки студентов см. в: [Андреев, 2005].

⁸ О преподавании латыни в русских семинариях см. [Kislova, 2015: 72–91].

Однако мало кто из этих студентов позже преподавал языки, выученные за границей: Петр Розанов, обучавшийся в Геттингене, с 1772 по 1780 г. учил в Александро-Невской семинарии французскому и немецкому языкам, а также математике [Чистович, 1857: 42], Василий Антонский был учителем еврейского, греческого и французского языков в Московской академии [X, 1873: 317]. Вернувшиеся ученики могли преподавать и другие предметы; например, Мартын Клевещкий, получивший образование в Лейдене, преподавал после возвращения историю, географию и греческий; Быков стал учителем «богословских предметов» в Троицкой семинарии ([Чистович, 1857: 42; X, 1873: 309]), Егор Андреевский преподавал философию в Новгородской семинарии [Григорьева, Салоников, 2011: 36].

Отправка студентов за границу для обучения было делом сложным и дорогим, поэтому таким образом изучить иностранные языки могли единицы – либо имеющие покровителей (Симон Тодорский был послан за границу по протекции самого Феофана Прокоповича), либо попавшие в специальный образовательный проект в рамках учебного заведения (как в случае с Киевской академией) или государства в целом (как в случае с организацией Богословского факультета). К сожалению, серьезного веса в церковной среде такие учителя не имели.

4.2. Семинаристы, получившие образование в России

Перспективные ученики старших классов семинарий нередко отправлялись для получения специального образования или для углубления знаний в другие учебные заведения. До конца XVIII в. такое «повышение квалификации» организовывали и финансировали епархиальные архиереи, епископы и архиепископы; с 11 января 1798 г. порядок отправки лучших учеников в 4 Духовные академии был закреплен указом; он же запретил отправку учеников из духовных учебных заведений в светские ([Амвросий, 1807: 453–453; Князев, 1866: 46]).

Из духовных учебных заведений наибольшим авторитетом пользовались Троицкая семинария, Московская академия и Александро-Невская семинария. В Московской академии в 1799–1804 гг. обучались 2 студента Смоленской семинарии, которые после возвращения стали учителями греческого, еврейского и немецкого языков [Сперанский, 1892: 117]. Из Псковской семинарии на протяжении 30 лет лучшие воспитанники, предназначавшиеся для учительства, отправлялись в Троицкую семинарию, «славившуюся в то время совершенством преподавания наук и языков» [Князев, 1866: 45], а с 1792 г. ученики отправлялись уже в Невскую семинарию. В Троицкой семинарии завершали свое образование многие учителя Тверской семинарии,

Казанской семинарии и др. (см. [Колосов, 1889: 178; Знаменский, 1881: 683; Благовещенский, 1876: 9]). Общий уровень преподавания в Троицкой семинарии был настолько высок, что, по словам Смирнова, до указа 1798 г. она «снабжала ими [учителями. – Е.К.] Тверь, Новгород, Псков, Кострому, Ярославль, Казань, Владимир, Калугу, Тулу и др. города» [Смирнов, 1867: 547]. Учителя переходили из Троицкой семинарии даже в Московскую академию [Там же: 352].

Важную роль сыграло то, что некоторые епископы и архиепископы, определявшие преподавание в провинциальных семинариях, сами обучались в своё время в Троицкой семинарии или Московской духовной академии: Амвросий Подобедов, Иоасаф Заболотский, Дамаскин Семенов-Руднев и др. Эти люди, получившие образование высокого уровня, владеющие не только латынью, но и греческим, французским или немецким языками, стремились привести подчиненные им учебные заведения к тому высокому идеалу, который был задан в Троицкой семинарии митрополитом Платоном (Левшиным).

Однако духовные академии и лучшие семинарии все-таки специализировались на «богословских» предметах. Французский и немецкий могли преподаваться в них хорошо, но уровень их преподавания в отдельных светских учебных заведениях считался более высоким. Поэтому, если у присланных из провинциальных семинарий учеников была возможность, они углубленно изучали иностранные языки в Московском университете [Знаменский, 1881: 682–683], а богословские предметы слушали в Московской академии. Так поступал, например, Евгений Болховитинов, который был прислан из Воронежской семинарии в Московскую академию и в ней «обучался полному курсу философии и потом богословию, а сверх того, греческому и французскому языкам; вместе с тем записался на лекции Московского университета, в коем слушал курсы всеобщей нравственной философии и политики у Шадена, опытной физики у Роста, французского красноречия у Бодуэна, а немецкого языка у Гейма» [Шмурло, 1888: 57]. Несмотря на наличие в Воронежской семинарии классов французского и немецкого, Болховитинов по каким-то причинам до приезда в Москву им не обучался [Там же: 58; Николаев, 1882: 46–47]. После возвращения в Воронеж в 1789 г. он был сразу же назначен учителем риторики и французского языка [Шмурло, 1888: 100].

Французскому языку в Московском университете обучались также студенты Смоленской семинарии: «...для введения в семинарию изящных наук [Парфений] посылал на отчете своем в московский университет студентов обучаться, кои в семинарии ввели французской, простой греческой языки, исторической, географической и математической классы...» [Мурзакевич,

1804: 211]. Даже ученики Московской академии и семинарии Троице-Сергиевой лавры нередко обучались языкам в Московском университете [Знаменский, 1881: 683].

Отправка студентов в университет часто рассматривалась руководством семинарий как опасное мероприятие, которое могло отвратить студента от духовного поприща. С учеников брали подписки о том, что они останутся в духовном звании и после обучения в университете; они продолжали числиться студентами в своих семинариях или академиях. Однако многие не возвращались⁹. Студенты расценивали возможность образования в университете как способ выйти в светский круг; так, Дамаскин (Семенов-Руднев) писал: «Здесьние семинаристы... обучавшиеся в Московской академии, на сих днях явились ко мне и просили дозволения, чтобы еще им поучиться в Академии, а потом в московском университете; но как я приметил из их речей, что им хочется посредством университета вытти в другое звание, то и рассудил оставить их здесь» [Горожанский, 1894: 235].

Нередко, вопреки воле начальства, семинарские учителя европейских языков всё равно после нескольких лет преподавания избирали светское поприще. Так, Александр Никольский в 1780 г. пожелал вступить в светскую должность: «Принят я именованный в оную семинарию 1765 г., октября 12 дня, и начав учение с нисших школ, и продолжая обыкновенным порядком дошел до богословии, прошлаго же 1776 г., сентября 29 дня определен во учителя нисшаго класса, а с 1778 г., июля месяца обучаю французской и немецкой классы по сие время. Но как лета мои (ибо имею уже от роду 27 лет) так и прочия обстоятельства заставляют меня избрать другое состояние; инаго же кроме светскаго, по склонности моей не нахожу: то и желаю вступить в сие состояние, тем паче, что в оном обнадежен я пристойным и выгодным для меня местом: Того ради ... всепокорнейше прошу от оной семинарии меня уволить...» (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 985, лл. 2–2 об., л. 2–2 об.). Однако после освидетельствования учеников Никольского оказалось, что «хотя некоторые из них и оказываются успевающими, но преподавать лекции оных языков еще не могут» (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 985, л. 3 об.). Поэтому Никольский должен был подготовить на свое место 2 учеников и только после этого был отпущен из Лавры.

Даже те преподаватели, кто оставался в духовном сословии, быстро оставляли преподавательскую работу в семинариях. Богословы со знанием

⁹ Так, ни Башилов, ни Аничков, отосланные из Троицкой семинарии для обучения языкам в Университет в 1763 г., не преподавали там иностранные языки: Башилов преподавал математику, а затем стал в 1765 г. переводчиком Академии наук, Иван Аничков позже преподавал в университете юриспруденцию.

французского и немецкого языков пользовались огромным спросом: например, их отзывали из семинарий в заграничные миссии. Так, Гавриил Данков, преподававший в Александро-Невской семинарии немецкий, в 1782 г. был отправлен в Берлин в качестве священника при русском посольстве [Чистович, 1857: 55, 87]; Николай Цвет, начинавший преподавание французского и немецкого в Троицкой семинарии в 1763 г., в 1767 был отправлен в составе миссии в Пекин [Смирнов, 1867: 348].

Невысокое жалование учителей и высокий спрос на знатоков иностранных языков приводили к частой смене преподавателей, а также к тому, что языки в качестве помощников или учителей преподавали совсем молодые люди, нередко параллельно слушавшие богословский курс. Они часто рассматривали это состояние как промежуточное – либо в ожидании выгодной светской должности, либо перед принятием монашества и началом церковной карьеры. Так, в течение XVIII в. только Никольский и Вышеславцев преподавали в Троицкой семинарии по 6 лет; обычно учитель задерживался на 3–4 года. Однако само преподавание в лучших учебных заведениях (таких как Троицкая семинария, Александро-Невская семинария и Московская духовная академия) оставалось непрерывным, хотя неравномерным по качеству.

5. Выводы

Таким образом, в течение XVIII в. духовенству удалось наладить более или менее успешное преподавание немецкого и французского языков в семинариях. С одной стороны, это давало возможность молодому поколению ознакомиться с базовыми текстами европейской культуры, по которым велось преподавание («Телемак» Фенелона, «Письма» Геллерта и др.). На занятиях разбирались уже ставшие классическими риторические произведения франко- и германоязычных богословов и проповедников, выполнялись переводы произведений, находившихся в центре внимания духовенства и светского общества. При этом выбранные для обучения «православного юношества» тексты демонстрируют широкие интересы их учителей: на французском языке изучались и переводились в том числе произведения энциклопедистов, на немецком – актуальная в светском обществе мистическая немецкая поэзия и духовная проза, популярная среди масонов.

С другой стороны, европейские языки преподавались преимущественно с ориентацией на создание письменных текстов, «переводным» методом. В итоге не случайно из духовной среды вышло множество переводчиков с немецкого и французского языков. Хотя руководство семинарий в качестве идеала требовало, чтобы студенты могли свободно говорить на немецком

и французском, на практике это достигалось с большим трудом (достаточно много свидетельств о плохом произношении семинаристов). Минимальный контакт с иностранцами в среде духовенства, особенно провинциального, не мог дать достаточной практики в устной речи.

Таким образом, по причине минимального присутствия в семинариях среди преподавателей европейских языков «природных иностранцев» преподавание языков повсеместно велось с опорой на русский язык как язык-посредник. Грамматики немецкого и французского заучивались учениками наизусть – в том числе заучивался их русский текст. Тексты иностранных авторов переводились учениками на русский и исправлялись учителем. Распространенным было задание «обратного перевода» исходно переводного текста с русского на иностранный язык (причем французский или немецкий выбирался независимо от исходного языка). Именно в процессе перевода оттачивался стиль русского языка учеников, обсуждались риторические приемы и стратегии. Учитель-иностранец нередко в принципе не владел русским языком – и тем выше ценился в качестве гувернера, чем меньше языков знал. Соответственно, обучение иностранному языку в светских учебных заведениях, где преподавали иностранцы, часто происходило в результате языкового погружения учеников, без русского языка в качестве языка-посредника. Таким образом, лингвистическая компетенция учителей существенно влияла на положение русского языка в образовательном процессе XVIII в. Не случайно требование отдельного преподавания русского языка было раньше распространено на светские учебные заведения, в то время как в духовных учебных заведениях преподавание русского языка до начала XIX в. оставалось формально на уровне подготовительных классов – но фактически шло в рамках курсов риторики и поэтики, а также в процессе обучения семинаристов европейским и классическим языкам.

Список литературы

- Агнцев Д.* История Рязанской духовной семинарии 1724–1840 г. Рязань, 1889.
- Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807.
- Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.
- Белгородский А.* Киевский митрополит Иерофей Малицкий (1796–1799 гг.). Киев, 1901.
- Благовещенский А.* История старой Казанской духовной академии. 1797–1818. Казань, 1876.
- Блажейовський Д.* Ієрархія Київської церкви (861–1996). Львов, 1996.
- Горжанский Я.* Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737–1795); его жизнь и труды. Киев, 1894.

- Григорьева И. Л., Салонилов Н. В.* Новгородская духовная семинария: 1740–1918 гг. (К 270-летию со дня основания) // Вестник Новгородского государственного университета. № 63. 2011.
- Долгова С. Р.* Каржавин Федор Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999.
- Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.
- Кислова Е. И.* Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия «Филология». 2015а. № 1 (41). С. 53–70;
- Кислова Е. И.* Французский язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия «Филология». 2015б. № 4 (44). С. 16–34.
- Князев А.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 года. М., 1866.
- Колосов В.* История Тверской духовной семинарии: Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889.
- Лукьянов В. В.* Описание коллекции рукописей Государственного архива ярославской области XIV–XX вв. Ярославль, 1975.
- Любжин А. И.* История русской школы. Т. I. Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М., 2014.
- Макарий (Булгаков).* История Киевской академии. СПб., 1843.
- Мурзакевич Д. Н.* История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Собранный из разных летописей и российских дееписателей. Смоленск, 1804.
- Николаев А.* Списки воспитанников, окончивших полный курс семинарских наук в Воронежской духовной семинарии за истекшее столетие // Приложение к Воронежским епархиальным ведомостям. 1882. С. 46–47.
- Никольский П.* История Воронежской семинарии. Часть первая. Воронеж, 1898.
- Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Посохова Ю. В.* На перехресті культур, традицій, епох. Православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харьков, 2011.
- ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи.* Т. XXV. СПб., 1830.
- Смирнов С. С.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Смирнов С. С.* История Троицкой лаврской семинарии. Москва, 1867.
- Солодянкина О. Ю.* Иностраннные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007.
- Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времен основания Семинарии до ее преобразования по Уставу 1867 года (1728–1868 г.). Смоленск, 1892.
- Трегубов С.* Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII в. по мемуарам иностранцев. Киев, 1884.
- X.* Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. 1873. № IV. С. 300–317.

- Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
- Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888.
- Kislova E.I.* “Latin” and “Slavonic” Education in the Primary classes of Russian 18th century seminaries // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2015. V. 4 (2). P. 72–91.
- Kislova E.I.* Le français et l’allemand dans l’éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle // *ВИВЛЮОИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies.* № 1 (2013). P. 48–74.
- Mézin A., Rjéoutski V.* (éd.), *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier.* Ferney-Voltaire: Centre international d’étude du XVIIIe siècle. 2011.

Сведения об авторе: *Кислова Екатерина Игоревна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: e.kislova@gmail.com

В. С. Савельев

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЛЛОКУТИВНО ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СООБЩЕНИЯ О БЫВШЕМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

В статье анализируются устные высказывания персонажей «Повести временных лет». Автор устанавливает, что многим из них свойствен признак иллокутивной полифункциональности (понятие, впервые вводимое автором статьи), который состоит в способности высказывания в процессе одного локутивного акта быть использованным одновременно в нескольких иллокутивных функциях, при этом иллокутивно полифункциональными могут быть как прямые, так и косвенные речевые акты. Автор описывает иллокутивно полифункциональные высказывания, которые являются минимальными коммуникативными единицами, на примере сообщений о прошлом, настоящем и будущем. В результате автор выстраивает типологию таких высказываний и определяет условия их употребления.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», иллокутивно полифункциональные высказывания, сообщения о прошлом, настоящем и будущем.

This article is devoted to spoken utterances of characters in *The Tale of Bygone Years*. We have determined that many of these utterances have a feature which we name illocutionary multifunctionality (a concept first described by us). It means that they are able to be used as some different illocutionary acts in one locutionary act at the same time. We define that this feature can be inherent both to direct and indirect speech acts. We examine the use of illocutionary multifunctional utterances which can be determined as minimum communicative units on the material of communications about events happening before, during and after the moment of speech. This allows us to determine the typology of these utterances and some principle of their use.

Keywords: *The Tale of Bygone Years*, illocutionary multifunctional utterances, communications about events happening before, during and after the moment of speech.

К постановке проблемы

Одним из главных принципов речевой деятельности является следование закону экономии речевых усилий (см. [Мартине, 1960: 126]), затрагивающему все уровни использования языковых знаков. При этом говорящий приводит в действие различные «механизмы», позволяющие реализовать его стремление использовать меньшее количество знаков для передачи большего объема информации. В частности, этому служит **полифункци-**

ональность знака, состоящая в его способности выражать одновременно несколько значений в пределах одного контекста (именно так используются многие русские морфемы). Вполне естественно, что грамматическое понятие кумуляции вполне может быть применено и к коммуникативным единицам русского языка.

Одной из основных категорий, используемых при описании коммуникативных единиц вне зависимости от того, как эта категория именуется в той или иной системе описания, является **иллокутивная функция высказывания** (далее – ИФ), введенная в научный оборот в рамках теории речевых актов (далее – ТРА). Общепринятым является представление о том, что «одно и то же предложение <...> может быть использовано говорящим с разными намерениями» [Кобозева, 1986: 15] в зависимости от того, в каких коммуникативных условиях оно произнесено (написано). Таким образом, в данном случае реализуется парадигматический подход, представленный и при описании единиц других уровней (фонема – аллофоны, морфема – алломорфы, лексема – словоформы, слово – лексико-семантические варианты): высказывание представляет собой некоторую парадигму конкретных реализаций, различающихся иллокутивными функциями. «Одни предложения в силу своей структуры оставляют свободу использования в речевых актах разных иллокутивных типов; другие предсказывают тип речевого акта более однозначно. Иллокутивное предназначение – это компонент смысла предложения, предопределяющий возможности его употребления в речевых актах тех или иных типов» [Падучева, 2001: 31]. Такое понимание полифункциональности, родственное пониманию многозначности (см. подробнее [Панков, 2004: 114–116]), служит основой для разграничения прямых речевых актов (далее – ПРА) и косвенных речевых актов (далее – КРА).

То, что в большинстве случаев авторы лингвистических работ придерживаются представлений о монофункциональности высказывания, употребляемого в конкретных коммуникативных условиях, чаще всего не постулируется, но это становится очевидным из характера приводимых примеров; описание иллокутивного акта чаще всего приводит к установлению конкретного коммуникативного намерения говорящего: ИФ высказывания признается или вопрос, или просьба, или предостережение, или запрет и т. д. (см., например, [Вежбицка, 2007: 79; Дементьев, 1999: 32–34, 39; Дементьев, 2010: 171; Падучева, 2001: 31, 38; Федосюк, 1997: 108, 109]).

Действительно, некоторые высказывания в их конкретном употреблении оказываются монофункциональными даже в тех случаях, когда исследователи намекают на их полифункциональность. Например, одной ИФ обладают КРА в случаях, описываемых одним из основоположников

ТРА Дж.Р. Серлем, который указывает, что «иногда говорящий произносит предложение, имея в виду непосредственно то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием. Напр., можно сказать «Можете ли Вы достать соль?», имея в виду не просто задать вопрос, а попросить передать соль» [Серль, 1986: 195, 196]. Действительно, в случае произнесения высказывания «*Можете ли Вы достать соль?*» коммуникативной целью говорящего не является требование информации от собеседника о том, способен ли он дотянуться до соли, т. е. он говорит не то чтобы «имея в виду не просто задать вопрос, а попросить передать соль», а скорее просит передать соль, не имея при этом в виду задать вопрос. Таким образом, рассматриваемый КРА не является иллокутивно полифункциональным, поскольку он служит единственной коммуникативной цели говорящего – каузировать собеседника передать соль; при этом способность собеседника дотянуться до соли входит в условия успешности речевого акта – если бы не было очевидным, что он способен это сделать, высказывание «*Можете ли Вы достать соль?*» нельзя было бы использовать как просьбу.

Анализируя тот же пример, Дж.Р. Серль пишет, что КРА типа «*Можете ли Вы достать соль?*» сохраняют свое пропозитивное содержание («В случае косвенных речевых актов присоединяется не некое добавочное или новое значение *предложения*, но дополнительное значение, привносимое *говорящим*» [Серль, 1986: 207, 208]), в связи с чем они могут быть восприняты буквально – в данном случае не как просьба, а как вопрос и, как следствие, «когда одно из этих предложений высказывается с первичной иллокутивной целью побуждения, одновременно также осуществляется и буквальный иллокутивный акт» [Серль, 1986: 208]. Однако тот же ход рассуждений позволяет прийти и к другому выводу: произнесение высказывания «*Можете ли Вы достать соль?*» в конечном итоге все равно сводится к выбору слушающим одного из двух возможных его толкований – как вопроса (ПРА) или как просьбы (КРА).

Между тем далеко не всегда иллокутивная составляющая высказывания может быть сведена исключительно к какой-либо одной функции, и эта точка зрения так или иначе отражается в исследованиях лингвистов.

Дж. Р. Серль, описывая вопросно-ответные единства типа «(1) Студент Х. *Давай пойдем в кино вечером.* (2) Студент Y. *Я должен готовиться к экзамену*», указывает, что в высказывании (2) осуществляется первичный иллокутивный акт – отклонение предложения – и вторичный иллокутивный акт – утверждение необходимости подготовки к экзамену, и приходит к выводу, что понимание первичного иллокутивного акта обеспечивается оценкой

релевантности произносимого высказывания как вторичного иллокутивного акта (см. [Серль, 1986: 197]).

Дж.Ф. Аллен и Р. Перро объясняют подобное «наращение» смысла существованием «модели предупредительного поведения», в рамках которой собеседник может давать дополнительную, не запрашиваемую говорящим информацию, определив то, какая информация может понадобиться говорящему в принципе, ориентируясь при этом на свое знание о типизируемой ситуации внеязыковой действительности: «Хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе. <...> Рассмотрим, например, следующий обмен репликами в справочном бюро на железнодорожном вокзале. (1.1) Клиент: *Когда отходит поезд на Монреаль?* (1.2) Сотрудник: *В 3.15, с 7-го пути.* Хотя о месте отправления специально не спрашивалось, сотрудник справочного бюро дал об этом информацию в своем ответе. <...> Высказывание (1.1) сообщает слушающему, что говорящий хочет узнать время отправления поезда. Но в этом плане могут присутствовать также и другие цели, которые эксплицитно не выражены, но также представляют собой препятствия. Предупредительный ответ попытается учесть эти препятствия, равно как и те, которые были выражены эксплицитно» [Аллен, Перро, 1986: 322, 323].

П. Ф. Стросон, описывая то, как в процессе коммуникации осуществляется *намек*, указывает, что «при произнесении какого-либо высказывания мы очень часто намереваемся не только вызвать первичную реакцию *t* через посредство узнавания со стороны слушающего намерения вызвать эту реакцию, но также намереваемся оказать последующее воздействие через посредство этой первичной реакции *t*. <...> Мы намереваемся вызвать сложную первичную реакцию. Так, в том случае, когда я не просто сообщаю, но предостерегаю вас, что *p*, среди намерений, распознавания которых я от вас хочу <...>, содержится не только намерение убедить вас, что *p*, но и намерение насторожить вас относительно *p*-опасности» (см. [Стросон, 2004: 48, 49]). Однако при этом исследователь не относит *намек* к иллокутивным актам, поскольку *намеку* не свойственна открытость, в то время как, по Стросону, «существенным свойством намерений, составляющих иллокутивный комплекс, является их открытость. Можно сказать, что они предназначены для открытого узнавания» [Стросон, 2004: 49] (в описании Стросона единичный иллокутивный акт представляет собой совокупность коммуникативных намерений говорящего; см. [Стросон, 2004: 42–50]).

Таким образом, произнося высказывание, говорящий может использовать его для выполнения одновременно нескольких коммуникативных задач.

Свойство высказывания, которое в процессе одного локутивного акта используется одновременно в нескольких иллокутивных функциях, мы будем называть иллокутивной полифункциональностью.

Как мы видим из приведенных примеров, использование **иллокутивно полифункциональных высказываний** (далее – ИПВ) связано с интеракциями определенных типов современного дискурса. В связи с этим возникает вопрос: свойственна ли данная характеристика только современным высказываниям или ее можно обнаружить и у древнерусских высказываний? Обратимся к анализу диалогических фрагментов «Повести временных лет» (далее – ПВЛ)¹ – древнерусского летописного памятника, который служит основным источником сведений об особенностях древнерусской устной коммуникации.

¹ В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ по Ипатьевской летописи, воспроизведенный в издании [Полное собрание русских летописей, 1908]. В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу этого издания, обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователями ПВЛ, занимавшимся изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, – Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [Полное собрание русских летописей, 1926]). При этом в сносах всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись.

В разбивке на слова мы в основном следовали изданию [Полное собрание русских летописей, 1908], произведя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов.

В большинстве случаев приводится один пример, иллюстрирующий каждое из описываемых нами положений; связано это с ограниченностью объема статьи, в действительности же в ПВЛ обнаруживается большее, а в каких-то случаях намного большее количество примеров.

Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний

Прежде всего, следует заметить, что такое свойство действительно обнаруживается. Рассмотрим несколько вопросно-ответных единств.

(1) **Посла Улегъ к радимичѣмъ, рка:** «**Кому дань даете?**» **Уни же рѣша:** «**Козаро**» (6393 / 885). Кн. Олег задает информативный вопрос, и целью его является получение информации; он не имеет в виду ничего иного, и радимичи правильно понимают его и предоставляют ему информацию. Такой вопрос является монофункциональным ПРА.

(2) **И ставшима шевѣнима полкома противу совѣ, и рѣе Редедька къ Мьстиславу:** «**Что ради губивѣ дружину межю собою? По снидевѣса боротьса.** <...>». **И рѣе Мьстиславъ:** «**Тако буди**» (6530 / 1022). Информативный вопрос Редеди не требует ответа – касожский князь не интересуется мнением кн. Мстислава относительно того, есть ли польза от гибели своей дружины, – но сам выражает оценочное суждение: «*Нет смысла губить свою дружину*», и это суждение служит аргументом для последующего предложения. То, что кн. Мстислав отвечает на предложение сразиться, а не на вопрос Редеди, показывает, что он правильно оценил этот вопрос как аргументативное оценочное суждение. Такой вопрос является монофункциональным КРА.

Монофункциональность вопросов, определяемых как ПРА или КРА, может привести к ситуации, описанной в (3).

(3) **Єдиною же єму пришедшоу к нима и оучашеть га ѡ млѣтнѣхъ ко оубоги и ѡ црѣствѣхъ нѣнѣмъ, еже приати праведникомъ, а грѣшнымъ мѹкѹ, ї ѡ смртнѣмъ чѣа.** **И се єму глѣцю ї ѡ положеньи тѣла оу гробѣхъ има.** **ї рѣе нма Іаневага:** «**Кто вѣсть, гдѣ ма положить?**» **Рѣе же еи Феодосия:** «**Поистинѣ идѣжа азъ ллгѹ, тѹ и ты положена будеши.** **Єе же съвѣса** (6599 / 1091). Жена Яня Вышатича Марья, подытоживая рассказ св. Феодосия, задает вопрос, который явно не требует ответа («*Кто знает, где меня похоронят?*» означает «*Никому не дано знать, где меня похоронят*»), но неожиданно слышит именно ответ собеседника. Неоспоримая невозможность ответить на этот вопрос, заставляющая при обычной коммуникации воспринимать его как КРА, и способность святого ответить как раз и заставляют летописца включить этот диалог в текст, оценивая реплику Феодосия как пророчество («*Єе же повѣмъ мало нѣчто, еже са звысть прорѣченье Феодосьево*»).

(4) **Володимиръ же рѣе:** «**То како вы инѣхѹ оучите, а сами ѡвѣржени Бѹа?** <...>» (6494 / 986). В отличие от (2), информативный вопрос кн. Владимира (4), представляя собой КРА (кн. Владимир не ждет от хазарских

евреев ответа на него), является ИПВ: он позволяет говорящему выразить оценочное суждение «Нельзя, будучи отверженным от Бога, учить вере других» и отказаться от контакта с этими проповедниками, призвав их к совершению действия «Не надо нас учить!» Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным КРА.

(5) И повелѣ ІѦнь вложити има рѣблѣ въ оустѣ и привлзати ко оупрѣгамъ, и пѹстити га предѣ собою в лодьѣхъ, а самъ по ниухъ иде. И сташа на оустѣи Шекѣны, и рече има ІѦнь: «Што вамъ молвать бзи ваши?» **Вна же рекоста сице:** «**Намъ бзи молвать: не быти нама живымъ Ѡ тебе.**». И рече има ІѦнь: «**То вамъ право молвать бзѣ ваши**» (6494 / 986). Янь Вышатич задает волхвам информативный вопрос и ждет на него ответ, и волхвы отвечают ему. Однако пропозитивное содержание его вопроса не является истинным: ранее он высказал суждение, что так называемые боги волхвов «не боги, а бесы», и своими действиями – повелѣ вложити има рѣблѣ въ оустѣ и привлзати ко оупрѣгамъ и т. д. – это суждение подтверждает. Таким образом, повторяя чужое слово, которое для него самого является ложным, Янь Вышатич насмеяется над собеседниками-«оппонентами», и эта иллокутивная функция накладывается на ИФ «требование информации». Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА.

(6) Ѡвѣщавъша же боярѣ и рѣша: «**Аще лихъ бы законъ грѣчкын, то не бы баба твоя Волга приала крѣщенна, таже бѣ мудрѣиши вси члвкъ.**». **Ѡвѣщав же, Володимѣръ рече:** «**То кде крѣщние приемь?**» **Вни же рѣша:** «**Кдѣ ти любо**» (6495 / 987). Кн. Владимир задает информативный вопрос, ждет ответа и получает его. При этом его реплика является реактивной и выражает согласие с советом бояр креститься, а также позволяет донести до собеседников информацию о том, что князь принял решение об общем крещении, на что указывает употребление формы мн. числа. Так же, как и (5), такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА, однако в этом случае говорящий выполняет более чем одну «дополнительную» коммуникативную задачу.

Таким образом, обладать иллокутивной полифункциональностью могут как ПРА, так и КРА: помимо основной иллокутивной функции такие высказывания обладают одной² или более чем одной³ **дополнительной иллокутивной функцией** (далее – ДИФ). Естественно, что во всех подобных случаях собеседник, стремящийся к правильному истолкованию

² См. примеры (4), (5).

³ См. пример (6).

коммуникативного намерения говорящего, должен понять высказывание как используемое в двух или более функциях одновременно.

Важным аспектом определения ИФ древнерусских высказываний является их верифицируемость. ПВЛ предоставляет исследователю возможность подтвердить свои предположения двумя способами. С одной стороны, ИФ высказывания может быть определена на основе оценки реакции собеседника, произносящего ответную реплику или совершающего ответное действие⁴. С другой стороны, в ПВЛ обнаруживается еще одно средство установления ИФ: летописный диалог предваряет и завершает **рамочная конструкция** (далее – РК), в которой указываются участники коммуникативного события, их коммуникативные целеустановки и перлокутивный эффект, особенности протекания речевого акта, материальные условия коммуникации, авторская оценка диалога и т. д.

Прежде чем перейти к классификации ИПВ, обнаруживаемых в ПВЛ, необходимо сделать еще одно замечание.

Хорошо известное в семиотике положение о том, что соотносимые единицы семантики, прагматики и синтактики не всегда тождественны по степени сложности своего «устройства» (две пропозиции могут быть выражены монопредикативной или полипредикативной конструкцией и т. п.), оказывается актуальным и для исследуемого нами материала. Высказывание говорящего далеко не всегда тождественно одной предикативной единице (далее – ПЕ). При этом можно определить несколько типичных соотношений между ними.

1. Речевой ход говорящего (реплика-высказывание, коммуникативный ход) может состоять из одного или нескольких речевых шагов, «которые соотносятся с минимальной единицей коммуникации – отдельным речевым действием или речевым актом. Речевые шаги связаны линейно-различными типами смысловых и логических отношений – иллокутивные отношения самовынуждения – обоснование, пояснение, уточнение, комментарий и т. п.» [Борисова 2005: 17].

2. Речевой шаг может быть оформлен конструкцией, включающей в себя одну или несколько ПЕ.

3. Каждый речевой шаг обладает как минимум одной ИФ.

4. Каждый речевой ход, занимая определенное место в диалоге, обладает как минимум одной ИФ, которая представляет собой главную коммуникативную цель, которую преследует говорящий, произнося данную реплику-высказывание.

⁴ Важность этого критерия хорошо показывает пример (3).

5. ИФ речевого хода, состоящего из нескольких речевых шагов, может совпадать с ИФ одного из речевых шагов или не совпадать с ИФ ни одного из них.

Таким образом, можно выделить несколько типов коммуникативных конструкций, равных по объему одному речевому ходу.

1. Элементарный речевой ход (ЭРХ).

Речевой ход состоит из одного речевого шага, речевой шаг включает в себя одну ПЕ.

(7) **И придоша, и поклоннишася ємѹ, и положиша предъ ни^м зѡла^т и паволоки. И р^чє Бѣгославъ, прочь зра: «Похороните!» Утроци же Бѣгослави, вземше, похорон^нша (6479 / 971).**

2. Комплексный речевой ход 1 (КРХ1).

Речевой ход состоит из одного речевого шага, речевой шаг включает в себя несколько ПЕ, при этом они описывают пропозиции, тесная связь между которыми обуславливает выражение определенных типовых ИФ. Эти ПЕ не образуют отдельных речевых шагов, поскольку в рамках данного речевого хода они не обладают «самостоятельными» ИФ. При этом изменение состава ПЕ неизбежно привело бы к потере ИФ речевого хода в целом. КРХ1 представляют собой коммуникативные единицы, которые строятся по определенной модели и регулярно используются для достижения определенной коммуникативной цели.

(8) **В се же время придоша лю^дє новъгородьстни, просаще кн^зѡ себѣ: «(а) Аще не поидете к на^м, (б) то налѣземъ князѡ себѣ». И р^чє к нимъ Бѣгославъ: «А вы кто к ва^м шелъ» (6478 / 970). (8б) называет действие, которое говорящий собирается совершить в случае осуществления (8а). Ни одна из частей (8) не является в коммуникативном плане самостоятельной⁵: данная реплика является иллокутивно полифункциональным ПРА с функциями «сообщение о намерении при осуществлении условия + предостережение-угроза + призыв к действию».**

3. Комплексный речевой ход 2 (КРХ2).

Речевой ход состоит из нескольких речевых шагов, каждый из речевых шагов имеет свою ИФ, ИФ всего комплекса совпадает с ИФ одного из речевых шагов.

(9) **И послаша к нєнѹ, г^лшце: «(а) По что идеши шпать? (б) Понмалъ єси вьсю дань». И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣнѡ**

⁵ Даже если «избавиться» от средств, указывающих на связь между этими ПЕ, и использовать их в качестве автономных высказываний, они будут иметь иные ИФ: (8а) «Не поидете к на^м» – «негативный прогноз», (8б) «Налѣземъ князѡ себѣ» – «предложение (решение) о совместном действии».

противу древлане, и оубиша Игоря и дружиню его, вѣ во нхъ мѧло (6453 / 945). Речевой шаг (9а) является иллюкитивно полифункциональным КРА с функциями «оценочное суждение-осуждение + призыв к действию». Речевой шаг (9б) представляет собой монофункциональный ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события, имевшего место до момента речи». ИФ данного КРХ2 тождественно ИФ речевого шага (9а).

4. Комплексный речевой ход 3 (КРХ3).

Речевой ход состоит из нескольких речевых шагов, каждый из речевых шагов имеет свою ИФ. ИФ всего комплекса не совпадает с ИФ речевых шагов (обнаруживается ДИФ, свойственная всему комплексу), а выводится на основании определения релевантности произносимого в целом. При этом КРХ3 поддаются трансформации: замена или перестановка речевых шагов не приводит к потере ДИФ. Состав таких комплексов определяется речевой стратегией говорящего.

(10) Послаша же переяславци къ печенѣго^м, глѧ: «(а) Идеть Ѡтѡславъ в Русь, (б) възѣ^м имѣнье много оу грѣкѣхъ и полонъ вѣщисленъ, (в) а с маломъ дружины». Слышавше же печенѣзи се, заступиша пороги (6479 / 971). Каждый из речевых шагов является монофункциональным ПРА с функцией «сообщение о действии (состоянии) в настоящей момент» и может в автономном употреблении выразить ту же ИФ. ИФ речевого хода представляет собой «призыв к действию (подстрекательство)»: соотношение пропозитивного содержания речевых шагов должно привести собеседника к мысли, что он может, не опасаясь последствий, напасть на кн. Святослава, что и происходит (см. постпозитивную часть РК).

Необходимо заметить, что очень часто КРХ2 и КРХ3 включают в свой состав конструкции, которые можно определить как комплексы, при этом их нельзя назвать комплексными речевыми ходами, поскольку они сами входят в состав комплексов и не обладают коммуникативной автономностью (не тождественны речевому ходу). Подобные конструкции мы будем именовать **комплексными речевыми шагами** (КРШ). Рассмотрим один из таких случаев.

(11) И стоа Вльга лѣто цѣло, и не можаше взати города, и оумисли сице: посла къ городу, ркүщи: «(а) Чего хощете достѣдѣти? (б) (б1) А вси ваши города передашася мнѣ, (б2) и галиса по дань, (б3) и дѣлаютъ нивы своя и землю свѣю. (в) А вы хощете голодомъ измерети, не имүчися по дань». Древлане же рькоша: «Ради выхомъ са гали по дань, но хощеши мыщати мѣжа своего» (6454 / 946). Речевой шаг (11а) является монофункциональным КРА с функцией «негативный прогноз» («**Чего хощете**

досъдѣти?» означает «*Ничего хорошего вы не дожидаетесь*»). Речевой шаг (11б) представляет собой КРШ, состоящий из 3 монофункциональных ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события, имевшего место до момента речи», причем (11б1) и (11б2) фокусируют внимание собеседника на событии в прошлом, а (11б3) – на состоянии дел в настоящем. В результате соотнесения пропозитивного содержания (11б1), (11б2) и (11б3) собеседником выводится ИФ КРШ (11б): «благоприятный прогноз при осуществлении условия» («*Мы тоже будем мирно возделывать нивы, если поступим так*»). Речевой шаг (11в) следует определить как иллокутивно полифункциональный ПРА, состоящий из двух ПЕ, с функциями «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия + призыв к действию» («*Вы умрете от голода, если не согласитесь платить дань*» => «*Соглашайтесь платить дань*»). Этот призыв к действию – «*Соглашайтесь платить дань*» – как раз и является ИФ речевого хода в целом. Таким образом, по своей структуре КРШ (11б) сопоставим с КРХ3, КРШ (11в) – с КРХ1, а речевой ход в целом должен быть определен как КРХ2.

Типология древнерусских иллокутивно полифункциональных высказываний

В рамках данной статьи мы обратимся к определению **иллокутивно полифункциональных высказываний** на уровне:

- 1) элементарных речевых ходов,
- 2) комплексных речевых ходов 1 типа,
- 3) комплексных речевых шагов, соотносимых с комплексными речевыми ходами 1 типа, в составе комплексных речевых ходов 2 и 3 типов.

Иначе говоря, мы попытаемся выделить типы ИПВ, которые являются **минимальными коммуникативными единицами**, обладающими иллокутивной полифункциональностью. Выделяя несколько групп ИПВ, вначале мы называем общую для ряда ИПВ иллокутивную функцию (основную функцию высказывания как ПРА или КРА), а затем – дополнительные иллокутивные функции, появление которых чаще всего связано с коммуникативными условиями произнесения высказывания. Для каждого из случаев указывается, является ли реплика инициальной или реактивной. При этом, учитывая допустимый объем статьи, мы ограничиваемся рассмотрением высказываний, в которых основными иллокутивными функциями являются сообщение о бывшем, настоящем или будущем.

1. Сообщение о бывшем

Говорящий информирует собеседника, рассказывая о неизвестном ему происшедшем событии.

1. **Оценочное суждение-хвала** (в инициальной реплике).

(12) **Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бѣ, рекъ: «То первое оувидѣхъ Бѣ истиннаго».** Си же оувидивше дружа его, мнози крѣтишася (6496 / 988).

ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания. О ДИФ ИПВ сообщается в препозитивной части РК (**Володимеръ прослави Бѣ**); показательна при этом реакция дружинников князя, видевших происшедшее и слышавших князя. Необычным является употребление формы имперфекта **оувидѣхъ**: кн. Владимир оценивает событие, которое произошло только что, однако не использует форму перфекта, наиболее часто встречаемую в речи персонажей, рассказывающих о бывшем (см. примеры (13), (14), (15), (17), (18), (19)).

2. **Сообщение о намерении** (в инициальной реплике).

(13) **И се слышавъ, Сѣтополкъ⁶ и Василко пондоستا противу, вземше хрестъ, его* цѣловалъ к нима на се^м, тако: «На Дѣда пришелъ есмь, а с вама хощю имѣти миръ и любовь».** И престѹпи Сѣтополкъ, надѣяся на множество вон (6605 / 1097).

Интересной особенностью данного ИПВ является то, что оно приводится как воспоминание кн. Володаря и кн. Василька о словах кн. Святополка; ДИФ ИПВ верифицируется в данном случае тем, что отступление кн. Святополка от сказанных слов расценивается как нарушение клятвы.

3. **Предостережение** (в инициальной реплике).

(14) **И влѣзъ сотона оу сердце нѣкоторымъ мужемъ, и начаша глѣти къ Дѣдвигоревичу, рекуще сице, тако: «Володимеръ сложилъся естъ с Василкомъ на Сѣтополка и на тѣ».** Давыдъ же, имъ вѣры живымъ словесемъ, нача молвити на Василка (6605 / 1097).

ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания. Ответная реакция кн. Давыда свидетельствует о том, что он верно установил ДИФ ИПВ, но при этом не догадался, что его обманывают, о чем сообщает летописец в постпозитивной части РК.

4. **Предсказание** (в инициальной реплике).

⁶ Хлебн. и Лавр.: **Володаръ**.

(15) Приведе Іѡанка митрополита Иѡ⁷ скопчину, егоже видивше люде вси рекоша: «Се мртвецъ пришелъ». Ѡ года бо до года пребывъ, оумре (6598 / 1090).

Сообщается о появлении субъекта, при этом выбирается такая номинация, которая указывает на обращенность оценки в будущее.

5. **Призыв к действию** (в реактивной реплике).

(16) Игорь же призва посла грьцкыа, рече: «Молвите, что вы казаль црь?» И ркоша сли црви: «Се посла ны црь, радъ есть миру и хочеть миръ имѣти съ князе^а ркымъ и любовь. И твои сли водили сгъ црѧ наше^ѣ ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мѡжъ твоихъ». И вѣщасѧ Игорь сице створи^ѣ (6420 / 912).

Греческие послы, рассказывая о том, что их послали «водить роте» собеседника, призывают того совершить данное действие и в результате получают его согласие (и вѣщасѧ Игорь). ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания и оценки уместности его произнесения. Характерно, что данная реактивная реплика, будучи ответом на вопрос, в то же время содержит предложение «перехватившего инициативу» коммуниканта: именно ее иллокутивная полифункциональность позволяет достичь обеих этих целей.

6. **Опровержение предположения** (в реактивной реплике).

(17) И въ свѣтѣ, и разумѣ старѣць и рече кѣлѣбнику: «Иди, въспроси, есть ли Мухаль в кельи?» И рѣша емѣ, тако: «Высочилъ есть чресъ столпѣ по завѣтрѣнии» (6582 / 1074).

Пропозициональное содержание высказывание келейника не соответствует предположению старца, служит опровержением его слов.

7. **Оценочное суждение** (в реактивной реплике).

(18) Володимерѣ же не хотѣцю сего створити, глѣцю емѣ: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ?» Ѡвѣщавше же дружина, рекоша Володимерѣ: «Кнаже, нѣ^ѣ ти в томъ грѣха. Привелъ ти ѣ Бѣ в рѣцѣ твои. <...>» (6603 / 1095).

ДИФ ИПВ сводится к оценочному суждению «*Это воля Божья, ты не можешь ей противиться*», которое является одним из аргументов в КРХ2.

8. **Оценочное суждение-осуждение** (в реактивной реплике).

(19) Вѣлодимеръ же слышавъ, тако гатъ есть Васнако и вслѣплень, оужасасѧ и въспласѧ вельми ꙗ рече: «Бего не было есть оу Русьскон земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при шчѣхъ нашихъ сѧкого зла». И тѣ абык посла ко Давыду и к Ольгови Свѣтѣславичема (6605 / 1097).

⁷ Лавр.: Іѡана.

Кн. Владимир, сопоставляя сообщение о пленении и ослеплении кн. Василько с другими событиями русской истории, приходит к выводу, что **сакого зла** не бывало на Руси: выбор именно этих лексем, а также описание реакции князя в препозитивной части РК (**Вълодимерь оужасаса и въсплакаса вельми**) позволяют дать оценку происшедшему.

II. Сообщение о неосуществившемся событии при неосуществлении условия

Говорящий обращает внимание собеседника на событие, которое не произошло, но могло иметь место в прошлом, если бы реализовалось определенное условие.

1. Оценочное суждение + совет (в реактивной реплике).

(20) **Вни же придоша в землю свою. И созва князь богары своя и старца, рче Володимерь: «Се придоша посланни нами моужи, да слышимъ Ѡ нихъ бывшее». И р'е имъ: «Скажите предъ дружиною». Вни же р'бша, тако: «<...>И придохом же въ гр'бкы, и ведоша ны идеже служать Б'у своему, и не св'емы, на н'вси ли есмь былъ, или на зема'б: н'б во на земли тако' вида или красоты такоа, недооум'вемъ во сказати. <...>». Ѡв'бщавъша же богар'е и р'бша: «Аще лихъ вы законъ гр'бчкыи, то не вы баба твоя Вага приала кр'щениа, таже в'б мудр'биши вси' ч'лвк'». Ѡв'бщав же, Володим'брь р'е: «То кде кр'щние приемемъ?» Вни же р'бша: «Кд'б ти люво» (6495 / 987).**

ИПВ является КРА: «Аще лихъ вы законъ гр'бчкыи, то не вы баба твоя Вага приала кр'щениа» означает «*Твоя бабка Ольга приняла крещение, потому что у греков правильная вера*». Высказывая это оценочное суждение, бояре совершают речевое действие, ради которого их и позвал князь: они призывают его принять крещение, и князь принимает их совет. ДИФ ИПВ выводится из пропозиционального содержания высказывания и оценки уместности его произнесения.

2. Оценочное суждение + согласие (в реактивной реплике).

(21) **По сем же Володимиръ посла послы своя по всему граду, г'ла: «Аще не вбращетъся кто заоутра на р'бц'б, бат'б ли, оубог'б, или нищ'б, или равотен'б, противникъ мн'б да б'детъ». И се слышавше, людье с радостью идаху, радующеса, и г'лаху: «Аще вы се не добро было, не вы сего князь и богарн приали» (6496 / 988).**

Так же, как и в (20), ИПВ является КРА: «Аще вы се не добро было, не вы сего князь и богарн приали» означает «*Князь и бояре приняли крещение, потому что это хорошо*». Говоря это, люди выражают согласие креститься,

но не из страха перед княжеским наказанием, а руководствуясь рассуждением о том, что предстоит совершить правильный поступок.

III. Сообщение о настоящем

Говорящий информирует собеседника о действии, производимом в момент речи, или о существующем в момент речи положении дел.

1. Перформативы.

Ряд высказываний, содержащих сообщение о настоящем, являются перформативными (в широком понимании этой категории).

А. Объявление войны (в инициальной реплике).

(22) Приде Володимиръ с варагы къ Новугороду и рече посадникоу Гдропольчимъ: «Идете къ брату моему и рече ему: “Володимиръ идетъ на тѣ, пристранивася противу битса”». И сѣде в Новѣгородѣ (6488 / 980).

Сообщение о приближении кн. Владимира должно быть понято адресатом как объявление войны. Следующее высказывание, призывающее его принять вызов, развивает именно эту ДИФ ИПВ. (22) является прекрасным примером того, как говорящий ориентируется на восприятие собеседника: кн. Владимир называет себя не при помощи местоимения 1 лица, а по имени и использует при этом форму настоящего времени, принимая во внимание, что произносить эти слова будут его послы.

Б. Приглашение (в инициальной реплике).

(23) И злоутра Ольга, сѣдши в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на чѣть велику» (6453 / 945).

Посланцы кн. Ольги передают древлянам ее слова. Так же, как и в (22), они используют форму настоящего времени, ориентируясь на время восприятия высказывания, а не на время его произнесения кн. Ольгой, употребляя перформативный глагол в форме 3 лица: его лексическое значение позволяет древлянам понять, что это приглашение.

2. Высказывания с глаголом хотѣти.

Высказывания с глаголом хотѣти в форме настоящего времени в сочетании с инфинитивом, называют намерение говорящего совершить действие, называемое инфинитивом, после момента речи. Большинство этих высказываний представляют собой неоднократно повторяющиеся клише (см. (24) – (27)), которые используются в коммуникативных событиях определенного типа. Выделение их в качестве ИПВ связано с тем, что они должны пониматься и как ПРА, сообщающие о том, что говорящий чего-то хочет, и как перформативные высказывания: сообщение о желании взять замуж есть сватовство, сообщение о желании начать военные действия есть объявление войны и т. п.

А. Сватовство (в инициальной реплике).

(24) (а) И по крѣщеннн призваю цѣрь и рѣе еи: «Хоцю тѣ понати женѣ». Она же рѣе: «Како ма хоцещи понати, а крѣстивѣ ма самѣ и нарекѣ ма дщерь? А въ крѣтъянѣхѣ того нѣѣ закона, а ты самѣ вѣси» (6463 / 955), (б) И посла к Роговолоду кнѣзю Полотыскѣ, глѣ: «Хоцю поати дщерь твою женѣ» (6488 / 980).

Сватаясь, говорящий обращается непосредственно к потенциальной супруге (24а) или к ее родственникам (24б).

Б. Объявление войны (в инициальной реплике).

(25) Кнѣзю Стѣславѣ възрастѣшю и възмѣжавшю, нача воѣ съвокуплати многы и храбры. <...> И посылашѣ къ страна^м глѣ: «Хочю на вы ити» (6472 / 964).

При объявлении войны каждый раз коммуникация осуществляется через послов.

В. Мирное предложение (в инициальной реплике).

(26) И посла послы къ цѣрви в Дерестѣрь, вѣ во тѣ цѣрь, река сице: «Хочю имѣти мирѣ с тобою твердѣ и любовь». Се же слышавѣ, цесарѣ радѣ быѣ и посла дарѣ^н къ нему волша пѣрвыхѣ (6479 / 971).

Так же, как и при объявлении войны, мирное предложение каждый раз передается через послов.

Г. Мирное предложение (во «включенной» инициальной реплике).

(27) (а) Игорь же призва послѣ^н грѣцкыя, рѣе: «Молвите, что вы казалѣ цѣрь?» И ркоша сли цѣрви: «Се посла ны цѣрь, радѣ естѣ миру и хочетѣ мирѣ имѣти съ кнѣзе^м рѣцкымѣ и любовь. И твои сли водили сѣтъ цѣрѣ наше^н ротѣ, и насѣ послаша ротѣ водить тебе и мѣж твоихѣ». И вѣщасѣ Игорь сице створи^{тѣ} (6453 / 945), (б) Цѣрь же наоугрѣѣа призва та, и рѣе цѣрь: «Да глѣютѣ послѣ рѣцци». Они же ркоша: «Тако глѣтъ кнѣзь нашѣ: «Хочю имѣти любовь съ царѣ^м грѣцкымѣ свѣршенѣ прочата всѣ лѣта». Цѣрь же, ра^н бывѣ, повелѣ писѣцю писати на харотѣю всѣ рѣчи Стѣславѣи (6479 / 971).

Формально высказывания (27а) и (27б) являются реактивными реплика-ми, однако в действительности послы в каждом из случаев передают предложение, которое в канонической ситуации общения занимало бы позицию инициальной реплики (см. пример (26), в котором воспроизводится речь не послов, а самого инициатора коммуникации, который говорит, что именно следует передать адресату). Обращает на себя внимание то, что речи инициатора коммуникации передаются по-разному: в (27а) звучит репродуктив («хочетѣ мирѣ имѣти»), в (27б) – прямая речь («хочю имѣти любовь»).

Д. Просьба о разрешении (в инициальной реплике).

(28) **Єдиною же пьющѹ Ростиславѹ с дружиною своею, рѣе котопанъ:** «Кнѣже! **Хощю на тѣ пити!**» **Вномѹ же рекшѹ:** «**Пии!**» (6574 / 1066).

Сообщая о своем желании выпить за князя, коварный котопан ожидает от него разрешения сделать это и получает это разрешение.

Е. **Отказ в наделении властью** (в инициальной реплике).

(29) **Послании же придоша къ Дѣдѣви и рекоша емѹ:** «**Єе ти молвѣть браѣга: “Не хощем ти вдати стола Володимерьскаго, зане оувергъ еси ножь в ны, егоже не было в Рѹсьскои земли. <...>”**» (6607 / 1099).

Обращает на себя внимание, что в данной ситуации слова инициаторов коммуникации передаются при помощи прямой речи.

3. **Институциональное высказывание** (в инициальной реплике).

(30) **Асколдъ же и Диръ придста. И выскакаша вси излодѣи, и рѣе Волгъ къ Асколодови и Дирови:** «(а) **В неста кнѣзѣ, ни родѹ кжѣ, но (б) азъ есмь родѹ кжѣ**». **И вынесоша Игорѣ:** «(в) **Єе снѣ Рѹриковъ**». **И оубиша Асколда и Дирѣа** (6390 / 882).

Кн. Олег произносит три высказывания, констатирующие некоторое бесспорное (с точки зрения говорящего) положение дел, существующее безотносительно к моменту речи (*настоящее гномическое*). Оказывается, что положение дел, обнаруживаемое в момент речи (то, что Аскольд и Дир княжат), не соответствует тому, что должно быть. Таким образом, произносимые высказывания являются институциональными: в данной конкретной ситуации борьбы за власть они служат отправной точкой для совершения действий, позволяющих привести ситуацию к норме.

(31) **И к вечерѹ удолѣ Бѣтославъ и възѣ горо^А копье^М, рѣкѣ:** «**Єе городъ мои**» (6479 / 971).

Данный пример отличается от (30) тем, что кн. Святослав апеллирует не к уже существующей норме, а создает новую: называя очевидную вещь («*Теперь этот город принадлежит мне*»), он призывает всех учитывать это в будущем и вести себя сообразно возникшему положению дел.

4. **Предостережение** (в инициальной реплике).

(32) **Послании же придоша ночьюю, и подѣстѹпиша влнже, и слышаша блѣжнаго Бориса поюща заоутреннюю. Повѣдаша во емѹ, яко:** «**Хотѣть тѣ поубити**». **И, вставѣ, нача пѣтѣть, глѣ:** «**Гѣи! Что сѣ оумножишасѣ стѹжающи ми? Встають на мѣ мнози**» (6523 / 1015).

Говорящий, сообщая адресату о том, что против него злоумышляют, призывает его позаботиться о своей безопасности.

5. **Неблагоприятный прогноз** (в инициальной реплике).

(33) **И створиша вѣче въ гра^А и рѣша:** «**Єе хочемь помрети ѿ глада, а ѿ кнѣзѣ помочи нѣтѣть. Да лѹче ли ны оумрети? Вддимсѣ печенѣгомъ,**

да кого ли ѡжива^т, кого ли оумрѣ^твати. Оуже помираемъ ѿ глада. И тако свѣтѣ створиша (6505 / 997).

Констатируя сложившееся положение дел, говорящий подчеркивает, что бездействие приведет к еще более плачевному положению дел («Если уже сейчас помираем от голода, то что будет позже?»). Это ИПВ служит одним из аргументов, обосновывающих необходимость сдаться противнику.

6. **Согласие с предположением собеседника** (в реактивной реплике).

(34) Глѣвѣ же возма топорѣ подѣ скѣтѣ и приде к волхвѣ и рече ему: «То веси ли, что оутрѣ хощеть быти, что ли до вечера?» Внѣ же рече: «Все вѣдаю» (6579 / 1071).

Говоря о своем всеведении, волхв соглашается с предположением собеседника, отвечая на его верификативный вопрос.

7. **Согласие с предложением собеседника** (в реактивной реплике).

(35) И поча думати и начаша гати дружина Сѣтополча: «Не верема веснѣ воевати: хочемъ погубити смерды и ролью имъ». И рече Володимерь: «Дивно ма, дружино, вже лошади кто жалуеть, еуже вреть кто. <...> То лошади его жалуеть, а самого чему не жалуеть?» И не могоша противу ему ѿвѣщати дружина Сѣтополча, и рече Сѣтополкъ: «Брате, се азъ готовъ оуже» (6611 / 1103).

Различия между ДИФ (34) и ДИФ (35) состоят в том, что в (34) говорящий соглашается с информацией собеседника, а в (35) не только соглашается с его аргументами, но и выражает согласие совершить совместное действие.

8. **Опровержение точки зрения собеседника** (в реактивной реплике).

(36) Иднѣ же рече: «Поистинѣ лжете: створилъ бо есть Бѣ члѣва ѿ земля, и съставленъ костями и жилами ѿ крови, и нѣ в немъ ничтоже и не вѣсть ничтоже, токмо Бѣ единъ вѣсть». Вна же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ члѣкъ» (6579 / 1071).

Утверждение волхвов позволяет им выразить несогласие со словами Яня Вышатича о том, что только Бог знает всё о человеке.

9. **Отказ** (в реактивной реплике).

(37) Наоутрнѣ же вывшю, присла Сѣтополкъ, река: «Не ходи ѿ именинъ монахъ». Василко же штопрѣса, река: «Не могу ждати. Еда вудеть рать дома» (6496 / 988).

Кн. Василько сообщает о необходимости возвращения домой: оценка уместности произносимого должна привести к мысли, что он отказывается выполнить просьбу кн. Святополка, о чем и говорится в препозитивной части РК (Василко же штопрѣса).

10. **Отказ + призыв к действию** (в реактивной реплике).

(38) (а) И сѣдѣшцѹ емѹ паки на своемъ столѣ, Всеволодѹ пришедшю повѣженѹ к немѹ, <...> не рече: «Его кромѣ мене», но на сѣ перега печаль братню, показа любовь велику, свершаша апла, гл҃ца: «Оутѣшаште печальныя» (6586 / 1078), (б) И оувѣдѣша игѹмени и начаша молитисѹ ѡ Васильцѣ кѣ Гѣополкѹ. И рече имѣ Гѣополкѣ: «Уто Дѣдѣ» (6605 / 1097).

Сообщая о своем отношении к обсуждаемому (38а) «*Это не мое дело*» и (38б) «*Я тут не при чем, это дело Давыда*», говорящие не только отказывают собеседникам в их просьбах (в первом случае моделируется ситуация отказа, которого на самом деле не было), но и призывают к совершению «правильного» действия – (38а) «*Не тревожь меня*» и (38б) «*Обратитесь к Давыду*». Оба примера примечательны тем, что в качестве высказываний используются свободные синтаксические формы; такое употребление свойственно и современной разговорной речи.

IV. Сообщение о будущем

Говорящий информирует собеседника о событии (положении дел) в будущем (т. е. когда-то после момента речи), возможность осуществления которого до такой степени высока, что оно мыслится как реальное. В большинстве случаев речь идет о намерении говорящего совершить какое-либо действие.

1. Обещание (в инициальной реплике).

В ПВЛ встречается множество высказываний, в которых говорящие берут на себя обязательство совершить какое-либо действие в будущем. Различия между этими случаями касаются того, что именно обещается.

А. Обещание совершить однократное действие.

(39) Мьстиславѣ <...> посла кѣ Лгови, гл҃ца: «Не бѣган никаможе, но послисѹ ко братѣи своєи с молвою не лишати тебе Русьскон земли. А азѣ послю кѣ шцѣи молитсѹ ѡ тобѣ». Улегѣ же шѣвѣшасѹ тако створити (6604 / 1096).

Говорящий обещает совершить один поступок, крайне значимый для собеседника.

Б. Обещание придерживаться определенной линии поведения.

(40) (а) Улегѣ же повѣже к Муромѹ, а Мьстиславѣ понде к Бѹждалю и, сѣдѣа тѹ, посылаше к Ольгови, мира просѹ, гл҃ца, тако: «Мни азѣ есмь тебе. Шлисѹ ко шцѣи моему, а дружинѹ вороти, юже кси загалѣ. А азѣ тебе еѹ во всемь послушаю». Улегѣ же посла к немѹ, хотѣа мира лестью (6604 / 1096), (б) По сем же, мѣца июня въ .I. днѣ, Изаславѣ, Гѣославѣ и Всеволодѣ целовавшѣ крѣтѣ чѣтныи кѣ Всеславѹ, рекше: «Приди к нама, а не створим ти зла». Он же, надѣвѣсѹа цѣловании крѣта, переѣха в лодыи

чрєсть Днѣпръ (6575 / 1067), (в) Володимиръ же посла къ Блуду, воеводу Арполчу, с лѣстью гла: «Попрѣгаи ми! Аще оубью брата своеѣ, имѣти тѣ начну въ шѣа мѣсто своеѣ и многу чѣть возмєши ѿ мене. <...>». И рѣе Блудъ къ посланымъ Володимиро^м: «Азъ бѣду ти въ приазнъ» (6488 / 980).

В (40) описываются ситуации, в которых говорящие берут на себя обязательство придерживаться определенной линии поведения на протяжении неограниченного периода времени. При этом в (40б) говорящие клянутся не совершать определенные действия, что также является определенной линией поведения.

В рассматриваемых ИПВ «сообщение о будущем + обещание» регулярно употребляются формы 1 лица простого будущего времени. В (40в) представлен редкий случай отступления от этой нормы: кн. Владимир использует форму 2 лица, выводя на первый план субъект-адресат высказывания, но при этом все равно имеется в виду обязательство говорящего («Многу чѣть возмєши ѿ мене» означает «Я буду оказывать тебе всяческую честь»).

Следует обратить внимание на то, что очень часто ИПВ «сообщение о будущем + обещание» входят в состав конструкций, в которых описывается условие, при котором обещание будет выполнено. Тем не менее, далеко не все такие бинарные конструкции можно признать КРХ1: если «изъять» из некоторых таких конструкций часть, называющую условие, оставшаяся часть все равно будет представлять собой обещание, только уже имеющее безусловный характер:

(41) (а) Володимеру же се слыша, възрѣвъ на нѣво, и рѣе: «Аще са свѣдетъ се, имамъ крѣтитисѣ» (6496 / 988), (б) И приидохъ к нему, и сѣдаху дружина школо его, и посади ма и рече ми: «<...> Молви ему тако: “Уже хочєши послати мужа своего, и воротитсѣ Володимеръ, то вдам ти который люво городъ: люво Всеволожь, люво Шеполь, люво Перемиль”» (6605 / 1097), (в) И рече Володарь: «Бѣ свидитель тому, а нѣвъ пусти брата моеѣ, и створю с товоу миръ» (6605 / 1097).

2. Призыв к действию (в инициальной реплике).

(42) И начаша людѣе говорити на воеводу на Косначь, и <...> оу двора стаща Брѣчслава и рѣша: «Пондемь, высадимь дружинѣ ис погребѣ». И раздѣлишасѣ надвое: и половина ихъ иде къ погребѣ, а половина иде по Мосту» (6576 / 1068).

В (42) говорящие употребляют конструкцию с двумя формами простого будущего времени, первая из них называет перемещение субъекта, вторая – цель этого перемещения. Употребление этого ИПВ призвано каузировать собеседника (в данном случае наблюдается автоадресация) к выполнению

действия, называемого вторым глаголом. Подобные неинфинитивные целевые конструкции свойственны и современной разговорной речи.

3. Риторическое предостережение (в инициальной реплике).

(43) І рѣ Дѣдъ къ Стѣполку: «Видиши ли: не помнишь тебе, хода в рѣку твою? Аще ли ѿидеть въ свою волость, самъ оузриши, аще ти не займешь городовъ твоихъ – Тѣрова і Пиньска, и прочихъ городовъ твоихъ. Да поманеши мѧ. Но, призвавъ и нынѧ, ими ї дан его мнѣ!» И послуша его Стѣполкъ и посла по Василка (6605 / 1097).

В рамках речевого хода (43) говорящий использует несколько речевых шагов с разными ИФ, сочетание которых обнаруживает его речевую стратегию убеждения собеседника. В частности, рассматриваемое ИПВ «Да поманеши мѧ» моделирует предполагаемое ментальное состояние собеседника, который якобы впоследствии будет сожалеть о том, что не послушал слов говорящего. Как мы видим, речевая стратегия кн. Давида привела к тому, что послуша его Стѣполкъ, т. е. говорящему удалось «навязать» свою точку зрения собеседнику.

4. Скорбь (в инициальной реплике).

(44) И се слышавъ, Глѣбъ въспи велми съ слезами и плачѧ по ѿтци, паче же и по братѣ, и нача молитисѧ со слезами, глѧ: «<...> Кде сѣтъ слова твоя, таже глѧше ко мнѣ, брате мои любимыи? Нынѣ оуже не оуслышу тыхаго твоего наказанія. <...>» (6523 / 1015).

ДИФ «скорбь» выявляется при соотнесении пропозитивного содержания высказывания (констатируется очевидное), лексического состава (употребление оценочной лексики) и релевантности произнесения ИПВ (говорящий осознает невозможность совершения действия в будущем, и это является для него крайне важным).

5. Оскорбление (в инициальной реплике).

(45) И воевода нача Стѣполкъ, глѧ: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы, плотници сѣще? А приставимъ вы хоромъ рѣбить нашихъ». Се слышавше новгородци и рѣша Ідрославу <...> Ідрославъ же заоутра, исполнивъ дружинѣ, противу свѣтѣ переверзѧ (6524 / 1016).

ДИФ «оскорбление» связана с пропозитивным содержанием высказывания (говорящий «понижает» собеседника в его социальном статусе); о том, что ИПВ было воспринято как оскорбление, свидетельствует описание последовавших действий собеседника.

6. Угроза (в инициальной реплике).

(46) Вегда же ли паки в ноци прихожахѣ к нему, и страхъ емѣ творѧще шво въ мечтѣ, тако се многъ народъ с мотыками и с лыскари,

глаголю: «Раскопаемы пещеру сню и се здѣ загревемъ». <...> Внъ же <...> знаменася крѣтнымъ знаменіемъ, вни же ищезнаху (6582 / 1074).

ИПВ сообщает о намерении говорящего и должно быть воспринято как угроза, поскольку в нем рассказывается о действиях, представляющих опасность для собеседника.

7. Согласие + обещание (в реактивной реплике).

Отличие этих ИПВ от рассмотренных выше (39) и (40) состоит в том, что говорящий, беря на себя обязательство, одновременно соглашается с предложением собеседника, сделанным в предшествующей реплике.

А. Согласие + обещание совершить однократное действие.

(47) И придохъ к нему, и сѣдаху дружина около его, и посади ма на рече ми: «<...> Молви ему тако: “Уже хочещи послати мужа своего, и воротитсѧ Володимеръ, то вдам ти которын люво городъ: люво Всеволожъ, люво Шеполь, люво Перемиль”». Дзъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Двѣву. Вн же рче: «<...> Послю к Володимеру, да быша не прольали крови мене дѣла. <...>» (6605 / 1097).

Говорящий обещает совершить поступок, о котором просит его собеседник.

Б. Согласие + обещание придерживаться определенной линии поведения.

(48) (а) Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Гдрополчу, с лѣстью гла: «Попріан ми! <...>». И рѣ Блудъ къ посланымъ Володимеромъ: «Дзъ буду ти въ приазнь» (6488 / 980), (б) И сѣдаху ему паки на своемъ столѣ, Всеволоду пришедшу повѣжену к нему, <...> утѣши и рекъ ему: «Ѣлма же ты, брате мон, показа ко мнѣ любовь, оведе ма на столъ мон, нарекъ ма старѣнши себе, (б1) се гдзъ не поману зловы первоѣ. Ты мнѣ еси братъ, а га товѣ, и (б2) положу главу свою за тѧ», еже и быѣ. (6488 / 980).

В (48) описываются ситуации, в которых говорящие берут на себя обязательство придерживаться определенной линии поведения на протяжении неограниченного периода времени. В (48б1) говорящий клянется не совершать действия, направленные против собеседника.

В (48б2) обнаруживается своеобразное совмещение значений однократности и длительности: говорящий обещает совершить поступок («положу главу свою за тѧ») в любой момент в будущем.

8. Отказ (в реактивной реплике).

(49) И рѣша, пришедъша, послании к нему, тако: «Паде жреви на снѣ твон, изволиша бо и вѣзи себѣ. Да створи^м треву бгомъ». И рѣ варягъ: «<...> Не дамъ сна своего бѣсо» (6491 / 983).

Сообщая о своем действии в будущем, говорящий отказывает собеседнику в его требовании.

9. **Согласие с предположением собеседника** (в реактивной реплике).

(50) И рѣе Глѣбъ: «То вѣси ли, что ти хочеть днѣ быти?» Внѣ же рѣе: «Чюдеса велика створю» (6579 / 1071).

Отвечая на верификативный вопрос собеседника, говорящий информирует его о своих последующих действиях (по сути, предсказывает будущее), и этот ответ подразумевает, что он согласен с предположением спросившего.

10. **Опровержение предположения собеседника** (в реактивной реплике).

(51) И се ему глѣщю їѡ положени тѣла оу гробѣ има. І рѣе има Іднєвалъ: «Кто вѣсть, гдѣ ма положить?» Рѣе же ен Фѣдосни: «Поистинѣ идѣжа азъ лѣгѣ, тѣ и ты положена будѣши». Се же съвѣса (6599 / 1091).

(51) представляет собой развитие диалога, противоположное тому, которое обнаруживается в (50): предсказание говорящего таково, что предполагает его несогласие с суждением собеседника.

11. **Оценочное суждение-похвала** (в реактивной реплике).

(52) И рече Ѡтополкъ: «Братѣ, се азъ готовъ оуже». И вѣста Ѡтополкъ. И рече ему Володимеръ: «То ти, братѣ, велико добро створиши Русьскон земли» (6611 / 1103).

ИПВ (52) представляет собой реакцию говорящего на слова собеседника: он одобряет его решение.

V. Сообщение о событии (положении дел) в будущем, возможном при осуществлении условия

Говорящий информирует собеседника о событии (положении дел) в будущем, возможность осуществления которого зависит от реализации определенного условия; при этом бинарные конструкции, составляющие такие высказывания, представляют собой КРХ1.

1. **Обещание** (в инициальной реплике).

(53) (а) Дѣдъ зѣтворисѣ въ градѣ, чаѣ помочи в лѣховѣ на Ѡтополкъ, вѣша во рекли ему: «Ідо на тѣ приндѣтъ русьскни князи, то мы ти будѣмъ помощници». И солгаша (6605 / 1097), (б) Пѣтѣта же пришедѣ с вои к Лѣтѣцкѣ къ Ѡтоши, снѣ Дѣдѣвѣ, и тѣ вѣхѣ мужи Дѣдѣви оу Ѡтошѣ, заходилъ во вѣ Ѡтоша ротѣ: «Аще пондеѣ на тѣ Ѡтополкъ, повѣмъ ти». И не сътвори сего Ѡтоша, но изонма мужѣ Дѣдѣви, а сам понде на Дѣда (6605 / 1097).

Определение (53а) и (53б) в качестве КРХ1 связано с тем, что в них обнаруживаются включенные пропозиции, описываемые условными частями: если «изъять» из конструкции условную часть, оставшаяся потеряет смысл –

не будет понятно, что именно обещано. Как и в (4862), в (53) обнаруживается совмещение значений однократности и длительности: говорящий обещает совершить поступок в момент реализации условия в будущем.

2. **Предостережение-угроза + призыв к действию** (в инициальной реплике).

Многочисленные примеры ИПВ с функциями «предостережение-угроза + призыв к действию» оцениваются нами как КРХ1, поскольку автономное употребление их частей в рассматриваемых контекстах нерелевантно (см. подробнее в описании примера (8)).

А. **Угроза совершения единичного действия.**

(54) (а) И въстѹжиша люде в городѣ и ркоша: «Нѣ ли коѣ, иже вы на ныѹ странѹ могаѹ донти?»⁸ «Аще не пристѹпите оутро подѹ городѹ, предатиса имамѹ печенѣго»» (6476 / 968), (б) см. пример (8).

Чтобы избежать действия говорящего, собеседник должен совершить то, к чему его призывают в условной части. Интересно, что в большинстве случаев в высказываниях этого типа используются формы будущего сложного I с вспомогательным глаголом *имѣти*.

Б. **Институциональное высказывание в качестве угрозы.**

(55) (а) По сем же Володимирѹ посла послы своа по всемѹ граду, гла: «Аще не веращетьсѹ кто заоутра на рѣцѣ, бѣтъ ли, оубога, или нища, или работенѹ, противникѹ мнѣ да бѹдетъ» (6496 / 988), (б) И на томѹ цѣловаша хрестъ: «Да аще ѿселѣ кто на кого встанеть, то на того бѹдемъ вси и честныи крѣтъ» (6605 / 1097).

Говорящий угрожает собеседнику, обещая установить такое положение дел, которое окажется для него опасным.

3. **Оценочное суждение-осуждение + призыв к действию** (в инициальной реплике).

(56) И рѣе Болеславъ: «Аще вы сего оукора вы не жаль, азъ единъ погнѹ». И въсѣдѹ на конь, въбреде в рѣкѹ, а по немь вон его (6526 / 1018).

Говорящий вызывает у собеседника чувства стыда за тот поступок, который собеседник еще не совершал, но может совершить.

4. **Отказ + насмешка** (в реактивной реплике).

(57) Вни же, вземъше врѹжье, поидоша на нь и разъгаша дворъ около его. Внѹ же стоаще на сѣнехъ съ сномь своимь. Рѣша емѹ: «Данъ сѣна своеѹ, дамы и вѣтъ». Внѹ же рѣе: «Аще сѹтъ вѣи, то единого себе послѹтъ бѣ, да поимѹтъ сѣна моего. А вы чемѹ перетеребѹете имь?» (6491 / 983).

⁸ Лавр.: прибавлено и *рѣе имѣ*. В Соф. вместо *речи* обнаруживается подходящее по смыслу *рещи*.

Отвечая язычникам, св. мученик Феодор Варяг отвергает их требование. В то же время его ответ содержит насмешку: пропозитивное содержание ИПВ не является истинным – он требует от «богов» язычников того, чего они совершить не могут.

Заключение

На основе изложенного можно сделать несколько выводов:

1. Произнося иллокутивно полифункциональные высказывания, древнерусские коммуниканты экономят речевые усилия, используя меньшее количество знаков при сохранении объема передаваемой информации. Происходит это в диалогах с установкой на быструю смену ролей «говорящий – собеседник».

(58) *Удинъ старецъ <...> се же слышавъ, посла ^{но} старѣишины градъскыя и рѣ имъ: «Блышахъ, яко хочете передатиса печенѣгомъ». Уни же рѣша: «Не стѣрпать людѣе голода» (6505 / 997).*

Старец сообщает старейшинам, что ему известно о планах новгородцев. Оценивая уместность этого сообщения, старейшины понимают, что старец хочет убедиться в достоверности информации и/или понять причину этого решения. В качестве ответа старейшины ограничиваются изложением причины: сообщение о ней было бы бессмысленным, если бы информация не была достоверной. Таким образом, оба высказывания являются ИПВ. В «несвернутом» виде этот диалог должен был бы включать следующие реплики: «Я слышал, что вы хотите сдаться печенегам. Так ли это? Почему вы приняли такое решение?» – «Да, действительно. Мы так решили, потому что люди не перенесут голода».

2. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от того, является ли высказывание инициальным или реактивным.

3. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от пропозитивного содержания как самого высказывания, так и других высказываний, произносимых в данном диалогическом фрагменте.

4. Типовые функции ИПВ напрямую зависят от оценки уместности употребления этого высказывания в данном диалогическом фрагменте.

5. ИПВ могут использоваться как автономные высказывания или входить в состав комплексных речевых ходов.

6. Употребление ИПВ в ПВЛ не является исключительным явлением, а скорее представляет собой норму, особенно если речь идет о диалогах, включающих в себя несколько интеракций.

Наши предварительные наблюдения над количественным распределением и качественным составом ИПВ в диалогических фрагментах

ПВЛ показывают, что оно не является равномерным. В связи с этим одной из ближайших задач изучения ИПВ нам видится определение закономерностей их употребления в зависимости от типа речевого жанра, типа диалога (*вопросно-ответный тип, прескриптивный диалог* и т. д.), социальной характеристики коммуникантов, времени написания фрагмента и того, какой временной пласт в нем описывается.

Список литературы

- Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выделение коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.
- Вежбицка А. Речевые жанры (В свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.
- Дементьев В. В. Вторичные речевые жанры (онтология непрямого общения) // Жанры речи. Саратов, 1999.
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М., 2010.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.
- Панков Ф. И. Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы *близко*) // Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей. Вып. 28. М., 2004.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археологическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археологической комиссиею Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Серль. М., 2004.
- Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. М., 1997.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Список сокращений

- ДИФ – дополнительная иллокутивная функция
ИПВ – иллокутивно полифункциональное высказывание
ИФ – иллокутивная функция высказывания

КРА – косвенный речевой акт
КРХ – комплексный речевой ход
КРШ – комплексный речевой шаг
ПВЛ – «Повесть временных лет»
ПЕ – предикативная единица
ПРА – прямой речевой акт
РК – рамочная конструкция
ТРА – теория речевых актов
ЭРХ – элементарный речевой ход

Сведения об авторе: *Савельев Виктор Сергеевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: alfertinbox@mail.ru

О. Н. Киянова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

В статье обозначены актуальные проблемы государственной языковой политики, связанные с необходимостью развития законодательства о государственном (русском) языке, освещаются вопросы использования государственного языка в административной сфере, совершенствования языка законодательных актов.

Ключевые слова: государственная языковая политика, законодательство о государственном языке, язык правовых актов

The article outlines actual problems of the state language policy related to the necessity of developing legislation on state language (Russian), highlights the use of the state language in administration, and improvement of the language of legislative acts.

Keywords: the state language policy, the law on the state language, the language of legal acts.

В последние два десятилетия, в годы становления новой российской государственности, в нашем обществе непрерывно шел поиск национальной идеи. В одном из недавних выступлений ее сформулировал Президент Российской Федерации: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. <...> Это и есть национальная идея» [Путин, 2016]. Действительно, для гражданина любой страны нет чувства более достойного, чем любовь к своей Родине, которая неотделима от бережного и уважительного отношения к государственному языку.

Русский язык всегда играл для многонационального народа России объединяющую роль, формировал общекультурный и гуманитарный контекст страны [Путин, 2013]. Выполняет он эту функцию и сегодня: единый государственный язык является основой современного Российского государства, которое не может существовать без единого культурного, образовательного, информационного пространства. Невозможна без него и единая управленческая вертикаль.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-00151 «Ортологические трудности русского языка и корпоративные нормы в административно-правовой сфере»

Государственная поддержка русского языка осуществляется весьма последовательно, поскольку отвечает стратегическим национальным интересам: русский язык – одна из важных основ российской государственности, выполняющая консолидирующую роль в обществе. Кроме этого, языковая политика государства является важнейшим фактором (помимо экономического, политического и военного потенциала), обеспечивающим и поддерживающим на высоком уровне состояние национальной безопасности, ее духовной компонентой. Кризис языковой политики неотвратимо ведет к кризису нравственности [Костюк, 2001; Илишев, 2000]. Неблагополучное состояние языковой среды, загрязнение языка и культуры вызывает духовную деградацию личности и всего народа, что наносит вред национальным интересам страны².

В силу этого государство формирует законодательство о государственном языке, проводит последовательную языковую политику с целью сохранения и развития русского языка, способствующего укреплению единого Российского государства. «Забота о русском языке и рост влияния российской культуры – это важнейший социальный и политический вопрос» [Путин, 2007].

Понятие «государственный язык» в применении к русскому языку – явление новой России³. Поэтому законы, относящиеся к функции национального русского языка быть государственным языком страны языка, были приняты в конце XX в. [Мирзоян, 2005], а окончательно законодательное оформление этого статуса произошло уже в начале 2000-х годов.

Конституция Российской Федерации 1993 года [Конституция, 1993] закрепила за русским языком статус государственного языка Российской Федерации и одновременно предоставила субъектам-республикам право устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68). А в 2005 году был принят и вступил в силу

² «Падение уровня общей культуры, с сожалением об этом должен сказать, смещение, искажение ценностных ориентиров и скудость современного разговорного языка, пренебрежение правилами родного языка становится нормой – к сожалению, в том числе и в средствах массовой информации, и в киноиндустрии. Мы всё чаще сталкиваемся и с безграмотностью, и с примитивизмом. Многие молодые люди с трудом могут внятно формулировать даже свои мысли. Ситуацию следует исправлять», – отметил Президент РФ, открывая 21 ноября 2013 г. Российское литературное собрание [Путин, 2013].

³ В СССР русский язык был языком межнационального общения [Русский язык, 1974: 4]

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [Закон, 2005], направленный на обеспечение использования государственного языка РФ на всей территории нашей страны, обеспечение права ее граждан на пользование государственным языком, защиту и развитие языковой культуры. Закон, повторяя норму Конституции (ст. 68), закрепил за русским языком статус государственного языка (п. 1 ст. 1), предусматривающий обязательность его использования в закрепленных законодательно, сферах, утвердил другие правовые нормы.

Однако, как указывают специалисты в области права [Ромашкин, 1999; Тренин, 1999; Озаева, 2008; Ляшенко, 2004], Конституция Российской Федерации не уточняет требования к особенностям функционирования и использования русского языка в качестве государственного языка России, не регулирует вопросы его взаимодействия с государственными языками республик в составе Российской Федерации, не разъясняет правовые аспекты выбора графики и алфавитов этих языков. Как отмечают правоведы [Ляшенко, 2004], в условиях многонационального федеративного государства, каким является Россия, главной задачей конституционно-правового регулирования языковых отношений является решение проблемы использования национальных языков в официальной сфере, установления оптимального соотношения использования общегосударственного языка России и государственных языков республик-субъектов РФ.

Русский язык остается языком межнационального общения, знание его способствует формированию толерантности в обществе. Но существующая недостаточная правовая урегулированность вопросов функционирования и использования государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в ее составе явилась причиной того, что в ряде республик сократился объем использования русского языка в различных сферах общественной жизни, особенно в сферах государственного управления и образования⁴.

Современная языковая ситуация отражает формирование новой языковой реальности, в которой прослеживается несколько тенденций: с одной стороны, в условиях активного взаимодействия культур очевидна востребованность единой государственной политики в области защиты и поддержки русского языка, с другой – очевидна общая направленность народов и народностей на сохранение собственной культуры и языка как основного

⁴ См., например, информацию об общественно-политической акции «Марш за русский язык», прошедшей в Казани 17.11.2013. Ее участники направили резолюцию, принятую по итогам акции, президентам Татарстана и России // <http://www.regnum.ru/news/1737289.html>

ее компонента, что вступает в определенное противоречие со статусом русского языка. В силу этого становится возможным интенсифицированное (нередко искусственное) внедрение титульных этнических языков в разные сферы жизни и вместе с тем естественное вытеснение языков малых народов [Конференция, 2013; Конференция, 2014].

Эти актуальные вопросы обсуждались участниками заседания круглого стола «Сохранение и развитие русского языка и поддержка отечественной литературы в регионах России», проводившегося под руководством автора в рамках Культурного форума регионов России в сентябре 2015 года Общественной палатой РФ⁵. Участники форума – ученые, представители регионов, члены Общественной палаты РФ и Совета при Президенте РФ по русскому языку отмечали, что в регионах активно протекает процесс этнолингвистического развития, что выражается, с одной стороны, в проведении культурных мероприятий, издании печатной продукции, работе СМИ и организации систем обучения на национальных языках, а с другой – в настойчивых предложениях по расширению «функциональных полномочий» этнических языков, требованиях по увеличению количества учебных часов, отводимых в школах на изучение родных языков в ущерб урочным часам, предназначенным для изучения русского языка [Дошинский, 2015; Кичева, 2015; Шульженко, 2015].

Эти процессы не могут не вызывать озабоченности. В ближайшей перспективе может возникнуть не только проблема сужения сфер функционирования русского языка, но и проблема владения населением русским языком. Вместе с тем знание русского языка и свободное владение им в настоящее время особенно остро ощущается как неперемное условие социализации молодежи. Если говорить о русском языке как неродном для части населения нашей страны, то государственный статус русского языка с необходимостью подразумевает овладение русским языком для успешного включения молодых людей в широкое социокультурное пространство.

Существуют и другие вопросы, не в полной мере разработанные в российском языковом законодательстве. Так, в законе [Закон, 2005] недостаточно четко отражен статус русского языка как государственного языка Российской Федерации (как и нет толкования самого термина «государственный язык»), как это сделано, например, у наших соседей – в Республике Казахстан, где в соответствующем законе такое определение дано⁶ [Закон Казахстана,

⁵ Видеозапись заседания размещена на сайте культурфорум.рф [<http://xn--j1acdhhkfkfg2f.xn--p1ai/index.php/pryamoe-vklyuchenie/61-sokhranenie-i-razvitie-russkogo-yazyka-i-podderzhka-otechestvennoj-literatury-v-regionakh-rossii>]

⁶ «Государственный язык – язык государственного управления, законодательства,

1997]), не выдерживается по отношению к нему единая терминология. Термин «государственный язык» в законе «О государственном языке Российской Федерации» фактически используется как равный термину «язык национальный» (но ведь национальный язык – это и диалекты, и просторечие)⁷. Совершенно очевидно, что в нашей стране в качестве языка, применяемого в сфере государственного и муниципального управления, на государственной службе, в официальном делопроизводстве и др., в функции языка законодательства и судопроизводства (ст. 3) выступает высшая разновидность государственного (национального) языка – русский *литературный* язык. Однако этого разъяснения нет в законе. Такая правовая невнятность имеет негативные последствия в процессе правоприменения⁸ [Киянова, 2013].

Недостаточно представлены в законодательстве нормы о защите русского языка и культуры русской речи, не разработаны нормативно-правовые критерии определения нормированности/ненормированности русского языка при использовании его в общественных сферах⁹. Эти проблемы нуждаются в решении на законодательном уровне. Вместе с тем следует отметить положительные тенденции в решении названных задач. В последние годы законодатели озаботились неблагоприятными тенденциями в сфере использования русского языка (засилием бранной и ненормативной лексики в печатной продукции, СМИ, кинофильмах, театральных постановках и т. п.) и приняли поправки, предусматривающие ответственность должностных лиц и граждан за нарушение норм русского языка, в соответствующие законодательные акты. Так, в 2013 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Закон,

судопроизводства и делопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей территории государства» [Закон Казахстана, 1997].

⁷ Сочетание «литературный язык» как-то вскользь появляется в п.3.ст.1. этого закона.

⁸ Так, в связи с этим возникают, в частности, проблемы в плане использования русского языка как государственного в сфере судопроизводства, которое в соответствии с законодательством в Российской Федерации ведется на государственном языке. Предпринятое нами изучение большого корпуса текстов судебных приговоров и решений обнаруживает, что очень часто авторы таких документов нарушают стилевое единство текста, допуская включение в текст фрагментов, отражающих речь обвиняемых и содержащих элементы, которые находятся за гранью литературной нормы [Киянова, 2013].

⁹ Существенное развитие теория нормы литературного языка в ее вариантах и историческом развитии получила благодаря исследованиям М. Л. Ремневой, см: [Ремнева, 1989; Ремнева, 1991; Ремнева, 1994; Ремнева, 2004].

2013], предусматривающего введение штрафов за ненормативную лексику в СМИ, в 2014 г. – Федеральный закон от 05.05.2014 N 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» [Закон, 2014].

Однако явным упущением представляется то, что в языковом законодательстве не определены четкие требования к деятельности органов государственной власти и их ответственности в области сохранения, развития и использования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Не закреплена ответственность за обеспечение всеми государственными и общественными структурами высокого престижа, полноценного функционирования и чистоты государственного языка Российской Федерации (как это сделано, например, в законодательстве Республики Казахстан и Республики Беларусь [Закон Казахстана, 1997; Закон Белоруссии, 1990]).

Чрезвычайно важным является вопрос и об использовании русского языка в сфере законотворчества и сфере государственного управления.

В соответствии с законодательством [Закон, 2005: ст. 3] на государственной службе, в сфере административно-правовых отношений русский язык подлежит обязательному использованию. Так же совершенно очевидно, что в качестве языка, применяемого в этих сферах (государственное и муниципальное управление, государственная служба, официальное делопроизводство и др.), в функции языка законодательства и судопроизводства выступает высшая разновидность государственного (национального) языка – русский *литературный* язык.

Для того чтобы создавать безупречные тексты, используемые в административной и правовой сфере, необходимо в совершенстве владеть русским языком как государственным в форме устной и письменной речи.

Однако, как показывает практика, тексты правового характера, создаваемые даже на самом высоком уровне (например, тексты действующих законодательных актов), нередко грешат ошибками¹⁰, громоздкий синтаксис законодательных актов, неоправданное использование иноязычной терминологии (*аффинаж*, *узуфрукт*, *эмфитевзис* и под.) затрудняет восприятие правовой нормы. Внедрение новых иностранных слов в законодательные акты не должно служить лингвистическим прикрытием недостатков нормотворчества [Киянова, 2015; Губаева, 2011: 57].

¹⁰ Так, ошибка допущена в ч. 2 ст. 10 Уголовного кодекса РФ: *Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.*

Лингвисты и специалисты-правоведы в последние годы все чаще говорят о необходимости создания единого свода правил использования терминологии, иных элементов лингвистического поля нормативных правовых актов, что было бы весьма продуктивным для процесса формирования общепринятой системы создания текстов законодательного жанра. Совершенно очевидно, что чем выше лингвистическое качество закона, тем меньше вероятность, что смысл его предписаний будет искажен. Законы создаются прежде всего для граждан, которые должны понимать, *что* они могут совершать, *чего* не должны, за *что* будут нести ответственность. В 2011 году вступили в силу «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», направленные на «формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства» [Основы, 2011]. В документе делается особый акцент на понятности, доступности и эффективности законодательства.

В этой связи задача достижения точности языкового выражения норм права становится особенно актуальной. Создавая текст закона и иного нормативного правового акта, важно помнить, что он должен быть точным, ясным, понятным и исключать всякую возможность его двоякого толкования (и все средства языка, используемые в таком тексте, должны обеспечивать это его важнейшее качество). Проблема совершенствования языка законодательства осознана в настоящее время законодателями, правоведами, лингвистами. В октябре 2015 г. в Государственной Думе ФС РФ проводился организованный Советом законодателей Российской Федерации семинар «Качество законодательства и проблемы юридической техники», в котором принимали участие депутаты и работники Аппарата ГД, члены СФ, представители Правительства, руководители правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, ученые, другие представители экспертного сообщества. Доклад автора данной статьи «Некоторые проблемы языкового выражения норм права» вызвал интерес участников (особенно специалистов-практиков), стал предметом плодотворной дискуссии. В рекомендации семинара был включен тезис о том, что качество законодательства неразрывно связано с качеством законотворческой деятельности. Оно требует юридического качества принимаемых законодательными органами государственной власти законодательных актов, в том числе точности,

ясности и недвусмысленности правовых норм, соблюдения требований юридической техники и правил современного русского литературного языка (с учетом особенностей языка нормативных правовых актов). Было признано необходимым регулярно проводить конференции, семинары, круглые столы по проблемам совершенствования законодательной деятельности с участием ученых и представителей экспертных организаций.

Рамки статьи, к сожалению, не позволяют коснуться всех существующих проблем функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации, которые требуют комплексного обсуждения и решения.

Важно подчеркнуть, что руководство страны в последнее время уделяет большое внимание вопросам совершенствования государственной языковой политики, проблеме сохранения и развития государственного языка, отмечая, что «для России с её этническим, культурным разнообразием и сложным национально-государственным устройством сбалансированная, эффективная языковая политика – один из очевидных приоритетов» [Путин, 2015]. В целях решения ставящихся в этой сфере задач (развитие всестороннего применения, распространения и продвижения русского языка как фундаментальной основы гражданской самоидентичности, культурного и образовательного единства многонациональной России, эффективного международного диалога) совершенствуется законодательство, приняты важнейшие документы: в декабре 2014 года – «Основы государственной культурной политики» (где определены задачи государственной культурной политики в области русского языка, языков народов Российской Федерации, отечественной литературы), в мае 2015 года – Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы, направленная на защиту, поддержку и укрепление позиций русского языка [ФЦП, 2015].

Все это позволит обеспечивать высокий престиж государственного языка, его чистоту и полноценное функционирование.

Источники

Закон, 2005 – Федеральный Закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru> (официальный интернет-портал правовой информации).

Закон, 2013 – Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. N 34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // <http://www.rg.ru/2013/04/09/mat-dok.html>

- Закон, 2014* – Федеральный закон от 05.05.2014 N 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162558/
- Закон Белоруссии, 1990* – Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. N 3094-XI (в редакции Закона от 13 июля 1998 г. N 187-З) «О языках в Республике Беларусь» // <http://laws.newsby.org/documents/laws/law1311.htm>
- Закон Казахстана, 1997* – Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» № 151-І от 11.07.1997 // <http://bestprofi.com/home/section/440956321;jsessionid=1953671F27477E524EC362082029810D?0>
- Конституция, 1993* – Конституция РФ // <http://pravo.gov.ru> (официальный интернет-портал правовой информации).
- Основы, 2011* – Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан // <http://pravo.gov.ru> (официальный интернет-портал правовой информации).
- Основы, 2014* – Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // <http://pravo.gov.ru> (официальный интернет-портал правовой информации).
- Путин, 2007* – Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 26.04.2007 // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=67870>.
- Путин, 2013* – Путин В. В. Речь на открытии Российского литературного собрания 21 ноября 2013 г. // <http://www.kremlin.ru/news/19665>
- Путин, 2015* – Путин В. В. Речь на открытии совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку. 19 мая 2015 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49491>
- Путин, 2016* – Встреча В. В. Путина с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 года, Московская область, Ново-Огарёво // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263>
- ФЦП, 2015* – Постановление Правительства Российской Федерации от 20 мая 2015 года №481 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2016-2020 годы» // <http://pravo.gov.ru> (официальный интернет-портал правовой информации).

Список литературы

- Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М., 2010.
- Доцинский Р. А.* Образование на русском языке как приоритет государственной политики Российской Федерации // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост., общ. ред. О. Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. М., 2015.

- Илшиев И. Г.* Язык и политика в многонациональных обществах : Проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. СПб., 2000.
- Кичева И. В.* Фактор русского языка на Северном Кавказе: реалии и проблемы // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост., общ. ред. О. Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. М., 2015.
- Киянова О. Н.* Глава 5. Языковые и стилистические особенности текстов, используемых в сфере правосудия // О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов, О. Н. Киянова. Настольная книга судьи: Методика написания судебных постановлений. М., 2014.
- Киянова О. Н., Панова М. Н.* Языковые варианты в текстах законов и служебных документов : к вопросу о придании нормативного статуса некоторым корпоративным вариантам нормы // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост., общ. ред. О. Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. М., 2015.
- Киянова О. Н.* Основы построения текстов административно-правового характера: учебник. М.: РПА Минюста России, 2012.
- Киянова О. Н.* Проблемы функционирования русского языка как государственного в современных условиях // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 декабря 2012 года): Сб. ст. / О тв. ред. О. Н. Киянова. М., 2013.
- Киянова О. Н.* Об использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в правовой сфере / Правовая культура. Научный журнал. 2013. № 1 (14).
- Киянова О. Н.* Проблемы совершенствования и развития законодательства о государственном языке // Русский язык и литература в современных культурных контекстах: труды и материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 30-31 октября 2015 г. / Под ред. докт. филол. наук, проф. О. В. Трофимовой. Тюмень, 2015.
- Киянова О. Н.* О некоторых проблемах языкового выражения норм права // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2014 г.) / Отв. ред. Б. В. Яцеленко. М., 2015.
- Конференция, 2012* – Функционирование русского языка как государственного в современных условиях : Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 декабря 2012 года): Сб. ст. / О тв. ред. О. Н. Киянова. М.: РПА Минюста России, 2013.
- Конференция, 2013* – Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Вторая Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 9 декабря 2013 года): Сб. ст. / О тв. ред. О. Н. Киянова. М., РПА Минюста России, 2014.

- Костюк М. Е.* Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011.
- Ляшенко Н. В.* Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юр. н. М., 2004.
- Мирзоян С. В.* Государственный язык в истории России (XVIII–XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.
- Мухарьямова Л. М.* Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: Дис. ... докт. полит. наук. М., 2004.
- Озаева О. В.* Этнонациональное измерение языковой правовой политики: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
- Ромашкин В. В.* Конституционно-правовые основы государственной языковой политики в Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1999.
- Ремнёва М. Л.* Проблема грамматической нормы в истории русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1989.
- Ремнёва М. Л.* Проблемы истории и теории грамматической нормы русского литературного языка // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1991. № 6.
- Ремнёва М. Л.* Литературный язык и его норма // Современные исследования в области языка и литературы: сб. научных трудов. Тюбинген, 1994.
- Ремнёва М. Л.* Язык и культура // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М., 2004.
- Русский язык в современном мире /отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1974.
- Тренин Е. В.* Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации : Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1999.
- Шульженко В. И.* Цивилизационный потенциал русского языка VS стихийный мультикультурализм Северного Кавказа // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 декабря 2012 года): Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Киянова. М., 2013.
- Шульженко В. И.* Русский язык на Северном Кавказе: парадоксы статуса и проблемы функционирования // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост., общ. ред. О. Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. М., 2015.

Сведения об авторе: *Киянова Ольга Николаевна*, докт. филол., доцент, зав. кафедрой русского языка, риторики и профессиональной культуры Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), государственный советник РФ II класса. E-mail: kiyanova@mail.ru

А. Е. Маньков

ДИАЛЕКТ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ НЕИЗУЧЕННОГО ЯЗЫКА. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (ТИП М. 3)¹

Диалект с. Старошведское (шв. Gammalsvenskby) является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. В связи с отсутствием исследований современного состояния диалекта первоочередной задачей является сбор, классификация и введение в научный оборот фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике. В статье впервые предпринята исчерпывающая на данный момент публикация синхронного материала по существительным мужского рода, относящихся к морфологическому типу 3 и восходящим к древнегерманскому слабому склонению м. р. Даются их парадигмы, соответствия из родственных диалектов, а также пояснения сравнительно-исторического характера.

Ключевые слова: исчезающий язык, документирование исчезающих языков, полевая лингвистика, шведские диалекты, восточношведские диалекты, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское, диалектная морфология.

This paper continues the series of publications on the morphology of the dialect of Staroshvedskoye (Sw. Gammalsvenskby), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. The village of Staroshvedskoye is located in the Kherson region, Ukraine. Its Swedish dialect historically belongs to the group of Swedish dialects of Estonia and goes back to the dialect of the island of Dagö (Hiiumaa). Due to the lack of studies of the present-day dialect and because of the severe endangerment in which the dialect is currently situated, the most urgent task is to collect, classify, and publish the factual material. This paper introduces comprehensive material on nouns of type m. 3 which occurred in interviews with fluent speakers of the dialect.

Key words: endangered language, documentary linguistics, field linguistics, Swedish dialectology, East Swedish dialects, Swedish dialects of Estonia, the village of Gammalsvenskby, dialect morphology.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00092 «Диалект села Старошведское: документирование и описание именной и глагольной морфологии». Экспедиция в село в 2013 г. финансировалась Фондом фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-32 «Диалект села Старошведское (Gammalsvenskby): полевое исследование». Выражаю благодарность директору Российско-шведского центра РГГУ Т. А. Тоштендаль-Сальчевой и Шведскому институту (Swedish Institute, Stockholm), без чьего содействия данное исследование было бы невозможно.

Диалект села Старошведское – это единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР. Исторически он относится к шведским диалектам Эстонии². Современное состояние этого диалекта не исследовано, поэтому перед нами стоит задача его лингвистического документирования и изучения. Единственным источником фактического материала являются устные интервью с носителями диалекта, записанные нами в ходе экспедиций в село в 2004–2013 гг. Изучение диалекта и публикация результатов осуществляется нами по определенному плану. Основными задачами на начальных этапах было базовое описание фонетики и разработка системы записи, установление типов словоизменения, сбор лексики, необходимой для установления словоизменительных типов и для составления словаря. Эти задачи в настоящее время выполнены: создана система записи и сделан обзор фонетики; рассмотрены грамматические категории и словоизменение существительных, прилагательных и местоимений, глаголов; словообразование существительных; дан обзор морфологии [Маньков, 2010а; 2010b; 2011а; 2011b; 2012; 2013а; 2013d; 2015e]. Начато детальное описание словоизменительных типов: на данный момент выполнено описание существительных мужского рода, относящиеся в нашей классификации к типам 1 и 2а [2013e; 2016а; Mankov, 2013]. Кроме того, начата публикация словаря диалекта [2014а; 2014b; 2015а; 2015b; 2015c; 2015d; 2016b]. Эти работы посвящены «консервативному» варианту диалекта, т. е. тому варианту, на котором говорят наиболее компетентные носители и который является «точкой отсчета» в описании диалекта. Однако описание того варианта, на котором говорят среднекомпетентные носители или «полуносители», не менее важно. Обзор некоторых существенных лингвистических особенностей среднекомпетентных носителей, а также анализ структурных изменений, происходящих в диалекте, дан в специальных работах [2013b; 2013c].

В предлагаемой статье мы продолжаем детальное рассмотрение словоизменения существительных в консервативном варианте диалекта. Практически весь приведенный материал взят из интервью с тремя наиболее компетентными носительницами диалекта: Лидия Андреевна Утас (род. в 1933), Мелитта Фридриховна Прасолова (род. в 1926), Анна Семеновна Лютко (1931–2013).

Специфика существительных мужского рода, относящихся к типу 3, заключается в окончании *-n/-an* в форме определенного ед. ч. Распределение

² Об истории села, лингвистической ситуации в нем, родственных диалектах и предшествующих исследованиях см.: [Маньков, 2010а].

алломорфов *-n* и *-an* зависит от синхронного исхода корня/основы: *-n* используется после безударного *-a* (например, *hona* ‘петух’: опр. ед. ч. *hona-n*); *-an* используется после согласных и ударных гласных (*bakk* ‘холм’, *hū* ‘крыто’: опр. ед. ч. *bakk-an*, *hū-an*). Этот тип восходит к древнегерманскому слабому склонению мужского рода (*an*-основы м. р. см. примечание на стр. 120). С синхронной точки зрения данные существительные делятся на два подтипа – краткосложные (м. 3а) и долгосложные (м. 3б). Это обусловлено сохранением в диалекте безударного гласного после кратких корней (с исходом $\check{V}\check{C}$): др.-шв. *hana* (форма косвенных падежей ед. ч.) > *hona*, и его апокопой после долгих (с исходами \bar{V} , $\bar{V}\bar{C}$, $\check{V}\bar{C}$, $\check{V}\check{C}$): др.-шв. *bakka* > *bakk* (подробнее об этом см.: [Маньков, 2010b: § 29]). Следовательно, все существительные подтипа м. 3а являются двусложными, м. 3б – односложными. Окончания, характеризующие тип 3, приведены в таблице:

	Опред. ед. ч.	Мн. ч.	Опред. мн. ч.
м. 3а	<i>-n</i>	<i>-r</i>	<i>-na</i>
м. 3б	<i>-an</i>	<i>-ar</i>	<i>-ana// -a</i>

Форма неопределенного ед. ч. типа м. 3 отражает древнешведскую форму косвенных падежей ед. ч. *an*-основ (т. е., например, др.-шв. *hana* – косв. падежи к *hani* ‘петух’). Форма определенного ед. ч. восходит к древнешведской форме винительного падежа ед. ч. с суфигированным артиклем (*hana-n*, с долгим конечным *-n*). Форма неопределенного мн. ч. отражает древний именительный падеж мн. ч. (*hanar*). Форма определенного мн. ч. у существительных типа *hona* (м. 3а) восходит к древнешведскому вин. п. мн. ч. с суфигированным артиклем (др.-шв. *hana-na* > *honana*). Сохранение *-na* вызвано, вероятно, стремлением избежать совпадения форм определенного мн. ч. и неопределенного ед. ч. (т. е. *honana* vs. *hona*). У существительных типа *bakk* (м. 3б) апокопа *-na* в определенном мн. ч. не вела к омонимии с неопределенным ед. ч., откуда форма опр. мн. ч. *bakka* (< др.-шв. *bakka-na*) [Маньков, 2010b: §§ 24; 31.1].

Ниже приводятся все существительные этих подтипов, которые встретились в интервью 2004–2013 гг. Словарные статьи организованы по следующей схеме: 1) диалектное существительное (с возможными фонетическими вариантами); 2) парадигма в виде таблицы (если входящие в нее формы встретились в интервью); 3) все известные композиты; 4) соответствия (если они известны) из основных работ по шведским диалектам Эстонии [Freudenthal, Vendell, 1886; Danell, 1951; Karlgren, 1953; Isberg, 1970]; они отделены знаком ||. Ссылки на эти работы даются сразу после соответствующих слов.

Знак / разделяет фонетические варианты, // – морфологические. Инициалы информантов: АЛ – А. С. Лютко, ЛУ – Л. А. Утас, МП – М. Ф. Прасолова.

Венделль использует в своем словаре следующие сокращенные обозначения диалектов: D – Dagö, G – Gammalsvenskby, N – Nuckö, O – Ormsö, R – Rågö (LillR – Lilla Rågö, StorR – Stora Rågö), W – Wichterpal (Vippal). Например, DGNORW после какой-либо формы означает, что она записана в диалектах Даге, Старошведского, Нюкке, Ормсе, Роге, Виппала. Эти сокращения сохранены нами при ссылках на словарь Венделля. Вместо полных форм мн. ч., приводимых Венделлем, мы даем только окончания (в случае, если корень существительного не меняется во мн. ч.). Переводы, совпадающие с переводом заглавного диалектного слова, не приводятся. Например, лемма *bita* выглядит у Венделля следующим образом:

bita, pl. *bitar*, m. Bit, beta. DGNORW

В данной статье это цитируется так:

bita, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 23).

Система записи, разработанная нами для современного диалекта (подробнее см.: [Маньков, 2010а; 2013е]):

Гласные: а [a], ā [a:], е [e], ē [e:i, e:], и [i], ī [i:i], о [o], ō [o:], u [u], ū [u:], y [y], ä [ɛ, æ], ǟ [ɛ:, æ:], ö [œ], ȫ [œ:, ø:], ü [ɥ], ǖ [ɥ:], äi [ɛ:i, ɛi], öü [œ:ɥ, œɥ]. Согласные: b [b], d [d], ḍ [ḍ], f [f], g [g], h [h], j [j], k [k], l [l], ł [ɫ], m [m], n [n] ([ŋ] перед k), ŋ [ŋ], p [p], r [r], s [s], š [ʃ], t [t], ʧ [tʃ], v [v], x [x], z [z], ž [ʒ]. Сочетания *dj, gj, nj, sj, tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj, stj* обозначают [sk^j, st^j]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. На стыке морфем долгота обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех композитах, которые имеют главное и второстепенное ударение; при отделении энклитических форм личных местоимений; на стыке слов при возникновении постальвеолярных согласных. Словесное ударение обозначается в том случае, когда оно падает не на первый слог. Соответствия из предшествующих работ по шведским диалектам Эстонии даются в оригинальной записи³.

³ О фонетическом значении используемых там символов см.: [Маньков, 2010а; 2013е].

Подтип м. 3а

Его характерными чертами являются аффиксы *-n* в форме определенного ед. ч. и *-r* в форме неопределенного мн. ч. В интервью встретились следующие существительные этого подтипа:

1. *bita* ‘кусок’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>bita</i>	<i>bitan</i>	<i>bitar</i>	<i>bitana</i>

Композиты: *büll-bit*a ‘кусок булки’, *drikks-bit*a ‘пьянчужка’, *fläsk-bit*a ‘кусок сала’, *hāl-bit*a ‘градина’, *īs-bit*a ‘льдина’, *kvittlöks-bit*a ‘кусочек чеснока’, *land-bit*a ‘участок земли’, *söp-bit*a ‘кусок мыла’, *tiköl-bit*a ‘кусок кирпича’, *värke-bit*a ‘деревяшка’.

|| *bita*, *-r* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 23); *bita*, *-n*, *-r*, *-Ø* m. (Danell 22).

2. *-blika*, встретилось только в композите *öügs-blika* ‘веко’ в интервью с МП⁴.

|| Ср. *äublikk*, *-ér* n. RW, *öublikk*, *-ar* m. D // *-ér* n. G, *öugnablikk*, *-ér* n. G ‘миг, мгновение’; ср. также *äublikkshår* n. W ‘ресницы’ (Freudenthal, Vendell 268, 269); *blika*, *-n*, *-r*, *-Ø* m. ‘молния’; ср. глагол *blika* ‘сверкать; мигать’. Ср. также *blík* в выражении *han har skarpan blík* ‘у него твердый взгляд’ (Danell 28, 29).

3. *-bōa* ‘дуга’; встретилось в композитах *arm(s)-bōa* ‘локоть’, *rāvens-bōa* ‘радуга’.

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>arm-bōa</i> / <i>arm[z]-bōa</i> // <i>arm-bō</i>	<i>arm-bōan</i> // <i>arm[z]-bōan</i>	<i>arm-bōar</i>	<i>arm-bōana</i>
АЛ	<i>arm-bōa</i> // <i>arm(s)-bō</i>	<i>arm-bōan</i>	<i>arm-bōar</i>	<i>arm-bōaṅa</i>

Это существительное колеблется между подтипами м. 3а (*-bōa*) и 3б (*-bō*). Поскольку существительные м. 3а практически всегда имеют краткий гласный в корне, удлинение корневого *o > ō* в положении перед *ā* (фонетически закономерное) вызвало возникновение формы м. 3б, т. к.

⁴ У этого существительного, а также у *brika*, *froka*, *hita*, *loka* ‘рассол’, *musa*, *ōa*, *skuta*, *stōka* полная парадигма не была названа в интервью. У существительных типа м. 3б *fīl*, *gall*, *hū* ‘копыто’, *lind*, *mārg*, *nakk*, *skogg*, *spinn*, *stjōlp*, *vrist* также не были названы все формы. Однако для установления принадлежности к типу м. 3 достаточно только форм неопределенного и, главное, определенного ед. ч., которые у этих существительных были названы носителями.

существительные с долгими корнями должны относиться к подтипу *m. 3b*. В интервью с МП встретилась только форма *arms-bōa m. 3a*.

|| *boa, -r m. G, armbua//armsbua, -r m. NO, armbuga, -r m. RW, rævnbuga, -r m. DG* (Freudenthal, Vendell 27, 17, 181); *boa, -n, -r, -Ø m., arm(s)-boa, ræn-boa* (Danell 64, 7, 323).

4. *brika* ‘ручка’ (ведра, лейки); *ämbaṣ-brika* ‘ручка ведра’. В интервью также встретилось прилагательное *brika-bäinatär* ‘кривоногий’.

|| Это существительное отсутствует в словарях Венделля и Данелля. Данелль приводит глагол *brika* ‘идти, раскачиваясь’ (Danell 45).

5. *bura* ‘сверло’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>bura</i>	<i>buran</i>	<i>burar</i>	<i>burana</i>
ЛЮ	<i>bura</i>	<i>buran</i>	<i>burarär</i>	<i>burana</i>

|| *burar, -ër m. GNW* (Freudenthal, Vendell 35); *burar/borar/burar, -an / -aṅ, -er, -e m.* (Danell 39).

6. *drupa* ‘капля’ (также *f. 2a* в интервью с АЛ):

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>drupa</i>	<i>drupa</i> (форма типа <i>f. 2a</i>)	<i>drupar</i>	<i>drupana</i>
ЛЮ	<i>drupa</i>	<i>drupan</i>	<i>drupar</i>	<i>drupana</i>

Композиты: *blū-drupa* ‘капля крови’, *rävens-drupa* ‘капля дождя’.

|| *drupa DG / drüpa NORW, -r m.* (Freudenthal, Vendell 44); *drupa, -n, -r, -Ø m.* (Danell 79).

7. *froka* (только ед. ч.) ‘запах’. Ср. шв. *fradga* ‘пена’.

|| *froka*, мн. ч. отсутствует, *m. NO*; ср. *frädu R / frädu W*, мн. ч. отсутствует, *f.* (Freudenthal, Vendell 59, 58); *froka, n*, только ед. ч., *m.* ‘пена’ (Danell 110).

8. *gripa* ‘рукоять’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>gripa</i>	<i>gripan</i>	<i>gripar</i>	<i>gripana</i>

|| *gripa*, мн. ч. *gripar DGNO* или *gripër RW m.* (Freudenthal, Vendell 71); *gripa, -n, -r, -Ø m.* (Danell 131).

9. *hita/hida* (только ед. ч.) ‘жара’; *sūl-hita* ‘солнцепек’. Форма *hida* встретилась только в интервью с ЛЮ. Другие примеры с чередованием *t/d* в интервокальном положении: *blädär ЛЮ* и *blättär АЛ* ‘мочевой пузырь’, *blötär МП АЛ* и *blödär ЛЮ* ‘кипеть’, *botär МП* и *bodär ЛЮ* ‘бегать с шорохом’ (например, о мышках), *gnatär МП АЛ* и *gnadär ЛЮ* ‘хохотать’, *fladär* и *flätär*

‘шелестеть; трепать; хлопать крыльями; развеваться на ветру’, *flödär* и *flotär* ‘шлепать по воде, грязи’.

|| *hita*, мн. ч. отсутствует, м. GNOW (Freudenthal, Vendell 82); *huta*, -n, только ед. ч., м. (Danell 159).

10. hoka ‘крюк’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hoka</i>	<i>hokan</i>	<i>hokar</i>	<i>hokana</i>
ЛУ	<i>hoka</i>	<i>hokan</i>	<i>hokar//hokanar</i>	<i>hokana</i>

Композиты: *dän-hoka* ‘дверной крючок’, *hēkl-hoka* ‘крючок для вязания’.

|| *hoka*, -r м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 83); *hoka*, -n, -r, -∅ м. (Danell 147).

11. hona ‘петух’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hona</i>	<i>honan</i>	<i>honar</i>	<i>honana/hona[n]a</i> (в интервью 2005 г.) // <i>honare</i> (2006)
ЛУ	<i>hona</i>	<i>honan</i>	<i>honar//honarär</i>	<i>honana</i>

|| *hona*, -r м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 83); *hona*, -n, -r, -∅ м. (Danell 152).

12. hära ‘заяц’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>h[æ]ra</i>	<i>häran</i>	<i>härar</i>	<i>härana</i>
ЛУ	<i>h[ɛ]ra</i>	<i>häran</i>	<i>härar//härarär</i>	<i>härana</i>

В отличие от шв. *hare*, восходит к форме с *R*-умлаутом, др.-шв. *hāri*.

|| *hära*, -r м. DG; ср. *hara* W, *haré* R, мн. ч. *harar*, м. (Freudenthal, Vendell 90, 78); *hara* (Danell 153). Основное обозначение зайца в диалекте Нюкке – *has*, -n, -er, -e м. (Danell 154) < нем. *Hase* [Lagman, 1973: 29].

13. krōa ‘воротник’; *jakk-krōa* ‘воротник куртки’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>krōa</i>	<i>krōan</i>	<i>krōar</i>	<i>krōana</i>

|| *krova* GRW / *krua* DNOW, -r м. (Freudenthal, Vendell 114); *kroa*, -n, -r, -∅ м. (Danell 219).

14. loka ‘сом’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>loka</i>	<i>lokan</i>	<i>lokar</i>	<i>lokana</i>

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>loka</i>	<i>lokan</i>	<i>lokar</i>	<i>loka[n]a</i>

|| *loka*, -*r* м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 130); *loka*, -*n*, -*r*, -∅ м. (Danell 240). Другое обозначение сома в диалекте Нюкке – *lots*, -*a*, -*ar*, -*ana* f. (Danell 257), к эст. *luts* [Lagman, 1971: 52].

15. *loka* ‘рассол’; *fisk-loka* ‘уха’.

|| *loka* GNORW / *loga* D, мн. ч. отсутствует, м. (Freudenthal, Vendell 130); *loka*, -*n*, -*r*, -∅ м. (Danell 240).

16. *mōa* ‘желудок’:

Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
<i>mōa</i> АЛ ЛУ	<i>mōan</i> АЛ ЛУ; <i>mōge</i> ЭУ	<i>mōar</i> АЛ; <i>mōanar</i> / / <i>mōarär</i> ЛУ	<i>mōana</i> АЛ ЛУ

Композит: *mōa-värk* ‘боль в животе’. Форма *mōge*, названная Эммой Утас, является контаминацией диал. *mōa* и шв. *mage*.

|| *moa* G / *mua* DGNO, -*r* м., *moga*, -*r* м. RW (Freudenthal, Vendell 146, 148); *māa*, -*n*, -*r*, -*na* м. (Karlgrén 1953: 19); *mōa*, -*n*, -*r*, -∅ м. (Danell 264).

17. *musa* ‘мох; болото’.

|| *musa* DGNRW / *müsa* O, мн. ч. отсутствует, м. (Freudenthal, Vendell 148, 149); *müsa*, -*n*, -*r*, -∅ м. (Danell 277).

18. *napa* ‘пупок’ < эст. *naba* или фин. *napa* [Lagman, 1971: 47].

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>napa</i>	<i>napan</i>	<i>napar</i>	<i>napana</i>
ЛУ	<i>napa</i>	<i>napan</i>	<i>napanar</i> / <i>napar</i>	<i>napana</i>

|| *napa*, мн. ч. не употребляется, м. DO (Freudenthal, Vendell 153). В диалекте Нюкке ‘пупок’ – *navok/ñavok*, -*on/-on*, -*kar*, -*ka* м. (Danell 288). Лагман (со ссылкой на Тиберга) приводит это слово с интервокальным *b*: *naba*.

19. *näva* ‘кулак’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>näva</i>	<i>nävan</i>	<i>nävar</i>	<i>nävana</i>

|| *näva*, -*r* м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 159); *näva*, -*n*, -*r*, -∅ м. (Danell 298).

20. -*ōa*, встретилось только в композите *rädd-ōa* ‘испуг’.

|| Ср. *ag*, -*a*, только ед. ч., f. ‘телесное наказание’ (Danell 1).

21. *pusa* ‘мешок; торба’; *klē-pusa* ‘мешочек из ткани’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>pusa</i>	<i>pusan</i>	<i>pusar</i>	<i>pusana</i>

↓ *pusa/püsa*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 167); *pusa*, -n, -r, -Ø m. (Danell 319).

22. ruka ‘куча’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>ruka</i>	<i>rukan</i>	<i>rukar</i>	<i>rukana</i>

Композиты: *ask-ruka* ‘куча золы’, *dije-ruka* ‘куча навоза’, *hal̄m-ruka* ‘куча соломы’, *kōl̄-ruka* ‘куча угля’, *möür-ruka* ‘муравейник’, *smōl̄-ruka* ‘куча мусора’, *sōnd-ruka* ‘куча песка’

↓ *roka W / ruka* DGNORW / *ruka D*, -r m. (Freudenthal, Vendell 174, 176); *roka/ruka*, -n, -r, -Ø m. (Danell 336).

23. runa ‘боров’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>runa</i>	<i>runan</i>	<i>runar</i>	<i>runana</i>

↓ *rona* NOW / *runa* DGNRW, -r m. (Freudenthal, Vendell 174, 176); *rona*, -n, -r, -Ø m. (Danell 336).

24. skota, также *trā-skota* ‘вершина дерева’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>skota</i>	<i>skotan</i>	<i>skotar</i>	<i>skotana</i>

↓ *skota*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 194); *skota*, -n, -r, -Ø m. (Danell 352).

25. skuta ‘садовые ножницы, «стругачка»; тяпка’. В интервью с АЛ наряду со *skuta* встретилась форма *skutar*; *skutan*, *skutar*; *skutaṇa* m. 2b. В интервью с ЛУ только *skuta*, -n, -r, -na.

↓ *skuta*, -r m. G ‘маленькая мотыга, тяпка’ (Freudenthal, Vendell 197).

26. slāa ‘санки’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>slāa</i>	<i>slāan</i>	<i>slāar</i>	<i>slāana</i>

↓ *llea*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 138); *lea*, -n, -r, -Ø m. (Danell 373).

27. snipa, ēr-snipa ‘мочка уха’

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>snipa</i>	<i>snipan</i>	<i>snipar</i>	<i>snipana</i>

|| *snipa*, -r m. ‘кончик’ G // f. ‘сосок у животных’ W; ср. *ésnipa*, -ér R, -ar G m. (Freudenthal, Vendell 202, 49); *snipa*, -n, -r, -Ø m. (Danell 378).

28. stoka ‘палка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>stoka</i>	<i>stokan</i>	<i>stokar</i>	<i>stokana</i>
ЛЮ	<i>stoka</i>	<i>stokan</i>	<i>stokar</i>	<i>stokaņa</i>
ЭУ	<i>stoka</i>	<i>stokken</i>	<i>stokkar</i>	<i>stokaņa</i>

|| *stoka*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 214); *stoka*, -n, -r, -na m. (Karlgrén 1952: 19); *stoka*, -n, -r, -Ø m. (Danell 392).

29. stora ‘скворец’.

|| *stora*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 215); *stora*, -n, -r, -Ø m., *storo*, -Ø, -r, -na f. (Danell 393).

30. stäka ‘стакан’; восходит к рус. *стакан*. В интервью с АЛ и ЛЮ также названа форма *stäkan* m. 1d. Форма *stäka* вызвана перерасложением *stäkan* > *stäka-n*.

|| *stäga/stäka*, -r m. G (Freudenthal, Vendell 219).

31. stäa ‘лестница’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. Мн. ч.
АЛ	<i>st[ɛ:/æ:]a</i>	<i>stäan</i>	<i>stäär</i>	<i>stäana</i>
ЛЮ	<i>st[ɛ:/æ:]a</i>	<i>stäan</i>	<i>stäär//stäärär</i>	<i>stäana</i>

|| *stea*, -r m. DGNO; ср. *stigal*, -lér m. W; *stigäl*, -lér R (Freudenthal, Vendell 212, 213); *stea*, -n, -r, -Ø m. (Danell 393).

В интервью с ЛЮ некоторые существительные, относящиеся к подтипу м. 3а, образуют мн. ч. по образцу м. 2b⁵. Так, *hona* ‘петух’ было названо с мн. ч. *honarär*. В интервью с АЛ встретилось опр. мн. ч. *honare* (м. 2b) наряду с *honana*. Аналогично: *burä* ‘сверло’ – *burarär*; *hära* ‘заяц’ – *härarär//härar*; *mōa* ‘желудок’ – *mōarär//mōanar*; *stäa* ‘лестница’ – *stäärär//stäär*. Колебание вызвано внешним совпадением определенного ед. ч. у этих типов, например *stoka-n* м. 3а ‘палка’ и *bokan* м. 2b ‘пекарь’. Кроме этих форм, вследствие контаминации типов м. 2b и м. 3а возникли дублиеты *skuta* м. 3а

⁵ К типу м. 2b относятся двусложные основы на -ar (например, *bokar* ‘пекарь’, *sumar* ‘лето’); во множ. числе они часто имеют окончание -är: *bokar-är*. Парадигмы существительных типа м. 2b:

bokar, опр. ед. ч. *bokan*, мн. ч. *bokar-är*, опр. мн. ч. *bokar-e//bokana*;

biggjar ‘строитель’, опр. ед. ч. *biggjan*, мн. ч. *biggjar//biggjar-är*, опр. мн. ч. *biggjar-e//biggjar-ena*.

Подробнее о типе м. 2b см.: [Маньков, 2013а: 22].

// *skutar* м. 2b ‘садовые ножницы’, *burā//burar* ‘сверло’ (форма ед. ч. *burar* не встретилась в интервью, однако записана в Старошведском Венделлем).

В интервью с ЛУ существительные *hoka* ‘крюк’, *mōa* ‘желудок’, *para* ‘пупок’ встретились с *-nar* в неопределенном мн. ч.: *hokanar*, *paranar*, *mōanar* наряду с *hokar*, *parar*, *mōarär*. Формы с *-nar* объясняются перерасложением *hoka-na* > *hokan-a*, вследствие которого возникла основа мн. ч., оканчивающаяся на *n*. Аналогичное перерасложение встречается у односложных основ на гласный: опр. мн. ч. **bī-na* > **bīn-a*, откуда неопр. мн. ч. *bīnar* наряду с *bīar* (от *bī* ‘село’). Подробнее об этих формах см.: [Маньков, 2010b: § 18].

Колебание между подтипом м. 3a и соответствующим подтипом женского рода, f. 2a, нехарактерно для имеющих интервью⁶. Единственный пример – *drupa* ‘капля’ (м. 3a у ЛУ, f. 2a у АЛ; у Венделля только м.). Существительное *brāa* ‘доска’ относится во всех интервью к ж. р., однако Венделль записал в Старошведском *brāa* м. Ср. также *ruka* м. ‘куча’, записанное Венделлем в форме *ruku* f. ‘копна сена’ в диалекте Ормсе.

Подтип м. 3b

Характерным признаком этого подтипа является аффикс *-an* в форме определенного ед. ч. В интервью встретились следующие существительные:

1. *ānd* ‘черт; привидение’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>and</i>	<i>anden</i>	<i>andar</i>	<i>andana</i>
ЛУ	<i>ānd/and</i>	<i>āndan//ānden/āndn</i>	<i>āndar</i>	<i>andana</i>

Это существительное колеблется между типами м. 3b (опр. ед. ч. *āndan* в интервью с ЛУ), м. 1a (*ānden*) и м. 1b (*āndn*). Форма с *ā* возникла вместо **ōnd* под влиянием шв. *ande*; ср. исконный глагол *ōndas* ‘дышать’. Такое же изменение произошло с *land* н. ‘степь’ (вместо **lōnd*) под влиянием нем. *Land* или шв. *land*. В исконных словах *a* > *ō* перед *nd*, как, например, в *hōnd* ‘рука’, *sōnd* ‘песок’.

|| *ānd* только ед. ч., м. DGNO ‘дыхание, выдох’ (Freudenthal, Vendell 263); *ōnd*, *-an*, *-ar*, *-a* м. ‘выдох’ (Danell 4).

2. *bakk* ‘холм’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>bakk</i>	<i>bakkan</i>	<i>bakkar</i>	<i>bakka//bakka[n]a</i>
ЛУ	<i>bakk</i>	<i>bakkan</i>	<i>bakkar</i>	<i>bakka//bakkana</i>

⁶ Тип f. 2a в диалекте образуют краткосложные существительные ж. р., восходящие к *ōn*-основам: *vikū* ‘неделя’, опр. ед. ч. *vikū*, мн. ч. *vikū-r*; опр. мн. ч. *vikū-na*; *nāsa* ‘нос’, *nāsa*, *nāsa-r*, *nāsa-na*.

Композиты: *ask-bakk* ‘куча золы’, *Stā[d:ʂ]-bakkan* «Городской холм» (остатки старинной крепости на берегу Днепра, которые сейчас выглядят как небольшой холм); *Stūr-bakkan* «Большая горка», название улицы в революционном Старошведском.

|| *bakk*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 20); *baḵ*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 11).

3. *brant* ‘обрыв’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>brant</i>	<i>brantan</i>	<i>brantar</i>	<i>branta//brantana</i>
ЛУ	<i>brant</i>	<i>brantan</i>	<i>brantar</i>	<i>brantana</i>

|| *brant*, *-ar* m. G (Freudenthal, Vendell 30); в диалекте Нюкке – *baḵ-bræme* n. (Danell 11).

4. *ēnd* ‘конец’. Композиты: *bāk-ēnd* ‘задняя часть’, *frama-ēndan* ‘передняя часть дома’ (выходящая на улицу).

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>ēnd</i>	<i>ēndan</i>	<i>ēndar</i>	<i>ēnda//ēndana</i>
ЛУ	<i>ēnd</i>	<i>ēndan</i>	<i>ēndar</i>	<i>ēnda //ēndena</i> ⁷

|| *ēnd*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 48); *ēnd*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 483).

5. *fīl* ‘напильник’⁸. Также *fīl*, *-a*, *-ar*; *-ana* f. 2b.

|| *fīl*, *-ar* f. DGNO // *-ēr* n. RW (Freudenthal, Vendell 54); *fīl*, *-n*, *-ar*, *-a* m., *-a*, *-ar*, *-ana* f. (Danell 100). Судя по формам из диалекта Нюкке, приведенным у Данелля, колебание между мужским и женским родом также происходило у этого существительного в диалекте Нюкке.

6. *gall* (только ед. ч.) ‘желчь’.

|| *gall*, только ед. ч., m. GOW (Freudenthal, Vendell 64); *gaḷ*, *-n* m.//*-a* f., только ед. ч. (Danell 122).

7. *gäigöl* ‘жабры’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	формы не названы			<i>gäigḷana</i>
ЛУ	<i>gäigöl</i>	<i>gäigḷan</i>	<i>gäigḷar</i>	<i>gäigḷana</i>

|| *gäigäl*, *-lar* m. G; ср. *gail*, *-ar* m. NO; *gäil*, *-ar* m. DRW (Freudenthal, Vendell 75, 64); *gaḷ*, *-n*, *-ar*, *-a* m. (Danell 143).

⁷ О форме *ēndena* с окончанием опр. мн. ч. *-ena*, характерным для типа м. 2а, и другие примеры существительных с колебанием *-a//ena* в опр. мн. ч. см. [Маньков 2016а: 76].

⁸ См. примечание 4.

8. *hjǫl* ‘пятка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hj[œ:]l</i>	<i>hjǫlan</i>	<i>hjǫlar</i>	<i>hjǫlana</i>
ЛЮ	<i>hj[ø:]l</i>	<i>hjǫlan</i>	<i>hjǫlar</i>	<i>hjǫlana</i>

|| *hiula*, *-r* m. G; cp. *hél* N / *hiäl* D / *hæI* O / *høI* RW, *-ar* m. (Freudenthal, Vendell 82, 80, 92); *hęł*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 173).

9. *hū* ‘корыто’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hū</i>	<i>hūan</i>	<i>hūar</i>	<i>hūana</i>
ЛЮ	<i>hū</i>	<i>hūan</i>	<i>hūar</i> / <i>hūarār</i>	<i>hūana</i>

В интервью с ЛЮ в неопр. мн. ч. форма *hūar* встретилась наряду с *hūarār* (m. 2b).

|| *hó*, мн. ч. *hóar* DGNO / *hóer* LillRW / *hugwēr* StorR m. (Freudenthal, Vendell 84); *hø*, *-an*, *-ar*, *-a* m., *høar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m. (Danell 161). Формы из диалекта Нюкке, записанные Данеллем, свидетельствуют, что колебание между типами m. 2b и m. 3b происходило у этого слова не только в Старошведском, но и в диалекте Нюкке.

10. *hū* ‘копыто у лошади’. Это существительное встретилось только в интервью с А. М. Портъе (1923–2008). В интервью с МП и АЛ – *häst-skū*, *äike-skū*.

|| *hón*, *-ar* m. DGNOLillRW; cp. *hó*, мн. ч. *hugwēr* m. StorR (Freudenthal, Vendell 85, 84); *æke-hø*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 487).

11. *kikk* ‘женская грудь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kikk</i>	<i>kikka</i>	<i>kikkar</i>	<i>kikkana</i>
ЛЮ	<i>kikk</i>	<i>kikkan</i> m. 3b // <i>kikka</i> f. 2b	<i>kikkar</i>	<i>kikkana</i>

В интервью с ЛЮ это существительное колеблется между типами m. 3b и f. 2b.

|| *kikk*, *-ar* f. GNO (Freudenthal, Vendell 102).

12. *klügg* ‘отверстие или окошко в стене; оконный проем’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>klügg</i>	<i>klüggan</i>	<i>klüggar</i>	<i>klüggana</i>

|| *klügg*, *-ar* f. G; cp. *klugg*, *-ar* NO, *-er* RW m. (Freudenthal, Vendell 106); *klug*, *-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 127).

13. *kütt* ‘палисадник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kätt</i>	<i>kättan</i>	<i>kättar</i>	<i>kätta//kättana</i>

Композиты: *lill-kätt* (обычно *lill-kättan*, опр. форма) ‘палисадник’, *stür-kätt* ‘огород за домом, где сажали овощи’.

|| *kätt*, *-ar* m. GO, f. DGNRW (Freudenthal, Vendell 122); *kætar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m., также *kæt* (Danell 235).

14. *lē* ‘сустав’; *fiŋ(η)äs-lē* m. 3b ‘сустав пальца’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>lē</i>	<i>fiŋäs-lēan// lēe</i>	<i>lēar</i>	<i>lēena//lēana</i>
МП	<i>lē</i>	<i>lēen</i>	<i>lēar</i>	<i>lēa</i>

Это существительное колеблется между типами m. 3b (опр. ед. ч. *-lēan*) и m. 1a (*lēen*); в диалекте Нюкке Данелль также записал форму *lēen*. Также в интервью встретилась форма *lēa* m. 3a. Кроме того, в интервью с ЛУ названы формы среднего рода *lēe* и *lēena*. Колебание между мужским и средним родом у этого существительного является древним: ср. др.-шв. *liper* m. и *lidh* n. ‘член тела’⁹. В современном стандартном шведском произошла лексическая дифференциация форм общего и среднего рода: *led*, *-en*, *-er* ‘сустав’ и *led*, *-et*, = ‘составная часть’ [SAOL, 1986: 315]. Похожая дифференция имеется и в фарерском языке: *liður* m. ‘сустав’ и *lið* n. ‘поколение’ [Young, Clewer, 1985: 350].

|| *lé*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 125); *le*, *-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 243).

15. *lī* ‘коса’ (инструмент):

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>līar</i> [ˈliːˀar]	<i>līan</i>	<i>līarär//līar</i>	<i>līana//līare</i>
ЛУ	<i>lī//līa</i>	<i>līan</i>	<i>līarär</i>	<i>līana</i>
МП	<i>lī</i>	<i>līan</i>	<i>līar</i>	<i>līana</i>

Это существительное образует опр. ед. ч. по типу m. 3b (*līan*); в неопр. ед. ч. колеблется между типами m. 3b (*lī*), m. 3a (*līa*) и m. 2b (*līar*). Аналогичное колебание зафиксировано в диалекте Нюкке.

|| *lī*, мн. ч. *līar* DGNOLillRW, *ligiar/ligiër* StorR m. (Freudenthal, Vendell 128); *lī*, *-an*, *-ar*, *-a* m., *līar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m. (Danell 246).

16. *lind* ‘пояс’.

|| *lind*, *-ar* m. NOW (Freudenthal, Vendell 127); *lind*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 249).

⁹ Fornsvensk lexikalisk databas: <http://spraakbanken.gu.se/fsvldb/> (04.02.2016).

17. *mält* ‘селезенка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>mält</i>	<i>mältan</i>	<i>mältar</i>	<i>mälta// mältana</i>
ЛЮ	<i>mält</i>	<i>mältan</i>	<i>mältar</i>	<i>mältana</i>

|| *mält*, мн. ч. не употребляется, м. DGNOW, f. R. На Даге Венделлем записана нетривиальная с фонетической точки зрения форма *mänt* m. (Freudenthal, Vendell 150); *mælt*, -an, -ar, -a m., *mæltar*, -an/-an, -ar, -a m. (Danell 273).

18. *märg* ‘мозг’.

|| *märg* DGNORW / *miärg* R, только ед. ч., м. (Freudenthal, Vendell 151, 146); *mærg*, -en, только ед. ч., м. (Danell 283).

19. *nakk* ‘затылок’.

|| *nakk*, -ar m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 152); *nak*, -an, -ar, -a m. (Danell 286).

20. *skogg* ‘тень’.

|| *skogg* DGO / *skugg* NRW, -ar m. (Freudenthal, Vendell 193, 197); *skugl* / *skog*, -an, -ar, -a m. (Danell 362).

21. -*spinn* в *gan-spinn* ‘увула’.

|| Ср. у Венделя *spina*, -r m. ‘сосок’ DGNORW. В значении ‘увула’ Вендель записал в Старошведском *tuggbast* n. (Freudenthal, Vendell 207, 242); *togg-spina*, -n, -r, -Ø m. (Danell 445).

22. -*stjölþ* в *dän-stjölþ* ‘дверная коробка’.

|| *stiölþ* G / *stiölþ* DGW / *stialþ* D / *stulp* N / *stölþ* OR, -ar m.; *stolþ*, -ér m. RW (Freudenthal, Vendell 213, 214, 215, 218, 220); *stælp/stolþ*, -an, -ar, -a m. (Danell 397).

23. *strūþ*, также *hās-strūþ* ‘горло; кадык’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hāštrūþ</i> [ˈha:ʃtrʉ:p]	<i>hāštrūþan</i> m. 3b // <i>hāštrūþen</i> m. 1a	<i>hāštrūþar</i>	<i>hāštrūþana</i>

|| *strūþ*, -ar m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 217); *strūþ*, -an, -ar, -a m. (Danell 400).

24. *viŋŋ* ‘крыло’; *kvēn-viŋ* ‘крыло мельницы’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛЮ	<i>viŋŋ</i>	<i>viŋŋan</i> m. 3b // <i>viŋŋen</i> m. 1a	<i>viŋŋar</i>	<i>viŋŋa</i> // <i>viŋŋana</i>
АЛ	<i>kvēn-viŋ</i> [ˈkve:ˈn, viŋ]	<i>kvēn-viŋen</i> m. 1a	<i>kvēn-viŋar</i>	<i>kvēn-viŋa</i>

|| *vigg* DGNRW / *wigg* O, *-ar* m. (Freudenthal, Vendell 256, 262); *vigg*, *-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 469).

25. *vríst* ‘лодыжка’.

|| *vríst*, *-ar* m. DGN, f. W; ср. *vríðstán*, *-ér* m. RW, *vrístán*, мн. ч. *vrístár* m. NO (Freudenthal, Vendell 258); *vríst*, *-an//**-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 472).

Согласно А. Карлгрену, окончанием определенного мн. ч. у существительных этого подтипа является *-a* [Karlgrén, 1953: 19]. В современном диалекте, насколько можно судить по интервью, оно вытесняется окончанием *-ana*. Так, в интервью с АЛ имеет место следующее распределение: из 16 существительных этого подтипа, у которых была названа форма определенного мн. ч., 7 встретились с *-ana* в этой форме (*and*, *gäigöl*, *hū*, *klügg*, *lī*, *märg*, *vríst*), 9 – как с *-a*, так и с *-ana* (*bakk*, *brant*, *ēnd*, *hjöl*, *kätt*, *mält*, *nakk*, *strūp*, *viŋŋa*). В интервью с ЛУ с окончанием *-a* в опр. мн. ч. встретились 2 (*ēnd*, *lē*), с *-ana* – 8 (*and*, *brant*, *fīl*, *hū*, *lī*, *mält*, *spinn*, *strūp*), с *-a* и *-ana* – 5 (*bakk*, *hjöl*, *nakk*, *vríst*, *viŋŋ*).

Синхронное колебание между типами м. 3 и м. 1 (т. е. между окончаниями *-en* и *-an* в форме определенного ед. ч.) нехарактерно для имеющих интервью; примерами являются *lē* ‘сустав’, *strūp* ‘кадык’, *viŋŋ* ‘крыло’. Это говорит о том, что тип м. 3b, несмотря на относительную немногочисленность относящихся к нему существительных, сохраняет в Старошведском устойчивость (в отличие, например, от типа м. 2a: практически все существительные м. 2a имеют параллельные формы по типу м. 1). В других шведских диалектах Эстонии, а также между диалектами, это колебание распространено довольно широко. Так, в диалекте острова Рюне существительные *bus* ‘хрящ’, *busk* ‘куст’, *holm* ‘остров’, *mærg* ‘мозг’, *pig* ‘шип’, *pulk* ‘колышек’, *vīg* ‘крыло’ записаны Венделлем с *-an* в форме определенного ед. ч. [Vendell, 1882–1887], тогда как в диалекте Нюкке соответствующие существительные имеют *-en*¹⁰. Это колебание восходит к древнему колебанию между *a*- и *an*-основами мужского рода и имеет соответствия в стандартном шведском и в других германских языках: ср. шв. *buske* ‘куст’//*busk* ‘кусты’ (в собирательном значении), *holme*//(уст.) *holm* ‘небольшой остров’, *knagg*//*knagge* ‘сучок’, *knapp*//(уст.) *knappe* ‘пуговица’ и т. п.¹¹

Вследствие внешнего сходства форм определенного ед. ч. и неопределенного мн. ч. возможно колебание между типами м. 3b и м. 2b. Примерами являются *hū* ‘корыто’, *lī* ‘коса’. Аналогичное колебание имеет место

¹⁰ Примеры этого колебания см. также в [Tiberg, 1972: 113].

¹¹ Формы приведены по [SAOL, 1986].

в диалекте Нюкке: см. *ho, kätte, lie, mjälte* в словаре Данелля [Danell, 1951: 161, 235, 246, 273].

Колебание между подтипами м. 3а и м. 3б мало распространено в имеющих интервью. Существительное ‘локоть’ колеблется в интервью с АЛ и ЛУ: *arm(s)-bōa* наряду с *arm(s)-bō*, тогда как в интервью с МП встретилось только *arms-bōa* м. 3а. В этом случае переход из м. 3а в 3б вызван удлинением корневого гласного *o* в положении перед *a*, которое произошло в диалекте в XX в. Другой пример – *gan-spinn* м. 3б ‘увула’, которому у Венделля соответствует *spina* м. 3а.

Колебание между типом м. 3б и соответствующим типом женского рода, f. 2b, также ограничено единичными примерами: *fīl* ‘напильник’ и *kikk* ‘женская грудь’¹².

В заключение необходимо отметить, что материал современного диалекта подтверждает гипотезу о семантической мотивированности тех типов склонения, которые восходят к древнегерманским *n*-основам мужского и женского рода¹³. Эта гипотеза заключается в том, что между типом словоизменения существительного и его лексическим значением в определенном случае имеется взаимосвязь: а именно, в том случае, когда словоизменительные аффиксы, характерные для того или иного типа склонения, имеют словообразовательное происхождение, т. е. восходят к суффиксу. В синхронии семантическая мотивированность словоизменительного типа заключается в том, что существительные с определенным лексическим значением тяготеют к определенному типу словоизменения. Процесс возникновения семантически мотивированных типов словоизменения включает в себя следующие этапы: 1) существование в предшествующий период истории языка достаточно многочисленной группы слов (например, имена лица/деятели), образованных с помощью продуктивного суффикса; 2) исчезновение этого суффикса как морфологического элемента в составе слова, вызванное фонетическими процессами (например, законами конца слова), в результате чего данные слова с синхронной точки зрения становятся непроевными; 3) формирование парадигмы, аффиксы которой восходят к словообразовательной модели. При этом значение словообразовательной модели передается «по наследству» словоизменительному типу. Определяющей чертой семантически мотивированного словоизменительного типа

¹² Тип f. 2b образуют долгосложные существительные ж. р., восходящие к *ōn*-основам. Их парадигма в современном диалекте: *hēn* ‘курица’, опр. ед. ч. *hēn-a*, мн. ч. *hēn-ar*; опр. мн. ч. *hēn-ana*.

¹³ См. [Маньков, 2013а] и указанную там литературу.

является преобладание (или, по крайней мере, частотность) в нем слов, объединяемых этим общим значением. В случае, если этого преобладания нет и между типом склонения и лексическим значением относящихся к этому типу слов не наблюдается взаимосвязи, то невозможно говорить о семантической мотивированности. Кроме этого, важно, чтобы суффикс не выделялся с синхронной точки зрения, т. к. в противном случае перед нами будет стандартная словообразовательная модель, а не семантически мотивированный тип словоизменения.

Суффикс **-n-* в древнегерманских языках образовывал существительные со следующими значениями: люди (имена деятеля и лица), животные, части тела людей и животных и похожие на них предметы, орудия, средства передвижения, предметы одежды, строения и вместилища (в том числе утварь), растения, жидкости [Kluge, 1926: §§ 15, 34–36, 78 b, c, 79, 81–83; Wessén, 1992: 42–47].

Из 56 существительных типа *m. 3*, известных на данный момент из интервью, 40 относятся к перечисленным группам, а именно:

Животные – *hona* ‘петух’, *hāra* ‘заяц’, *loka* ‘сом’, *runa* ‘боров’, *stora* ‘скворец’;

Части тела – *blīka* ‘веко’, *gan-spinn* ‘увула’, *gāigöl* ‘жабра’, *hjōl* ‘пятка’, *hū* ‘копыто лошади’, *kikk* ‘женская грудь’, *lē* ‘сустав’, *mōa* ‘желудок’, *mālt* ‘селезенка’, *mārg* ‘мозг’, *nakk* ‘загылок’, *nara* ‘пуп’, *nāva* ‘кулак’, *snipa* ‘мочка уха’, *strīp* ‘горло; кадык’, *viñj* ‘крыло’, *vrist* ‘лодыжка’;

Орудия, средства передвижения, предметы утвари, вместилища – *brika* ‘ручка ведра’, *bura* ‘сверло’, *fīl* ‘напильник’, *gripa* ‘рукоять’, *hoka* ‘крюк’, *hū* ‘корыто’, *lī* ‘коса (инструмент)’, *pusa* ‘мешок’, *skuta* ‘садовые ножницы’, *slāa* ‘санки’, *stoka* ‘палка’, *stāa* ‘лестница’;

Одежда – *krōa* ‘воротник’, *lind* ‘пояс’;

Растения – *musa* ‘мох’, *skota* ‘вершина дерева’;

Жидкости – *gall* ‘желчь’, *loka* ‘рассол’.

Итак, мы видим значительное преобладание в типе *m. 3* существительных, относящихся к определенным семантическим группам, что позволяет говорить о семантической мотивированности данного типа словоизменения.

Список литературы

Маньков А. Е. Диалект села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (= Вестник ПСТГУ). Серия III: Филология. № 1 (19). М., 2010а. С. 7–26.

- Маньков А. Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (20). М., 2010b. С. 92–111.
- Маньков А. Е. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (24). М., 2011a. С. 32–43.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (25). М., 2011b. С. 37–54.
- Маньков А. Е. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (28). М., 2012. С. 7–25.
- Маньков А. Е. Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (31). М.: 2013a. С. 21–31.
- Маньков А. Е. Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (32). М., 2013b. С. 30–44.
- Маньков А. Е. Структурные изменения в исчезающем языке и вопрос о разрушении языка // XXIII ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М.: Издательство ПСТГУ, 2013c. С. 274–275.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры: Сборник статей. Москва: РГГУ, 2013d. С. 55–105.
- Маньков А. Е. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // Slovene. International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013e. С. 60–110.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*a – brist-bäin*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (38). М., 2014a. С. 91–130.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*brist-nōl – dije-vāvār*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 4 (39). М., 2014b. С. 126–148.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*disk - drāas*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (41). М., 2015a. С. 122–131.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря неизученного языка (*drāj – finn*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (42). М., 2015b. С. 114–126.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*finstär – fräi*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (43). М., 2015c. С. 108–120.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*fräid-gräv*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 4 (44). М., 2015d. С. 105–133.
- Маньков А. Е. Перфект и плюсквамперфект в диалекте села Старошведское // XXV ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2015e. С. 258–260.

- Маньков А. Е.* Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка. Имя существительное (тип 2а) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (46). М., 2016а. С. 67–78.
- Маньков А. Е.* Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*grävniij – gī*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (46). М., 2016б. С. 125–139.
- Danell G.* Ordbok över Nucköområdet (= Estlandssvenskarnas folkliga kultur II. Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien 27). Uppsala, København, 1951.
- Fornsvensk lexikalisk databas: <http://spraakbanken.gu.se/fsvldb/> (04.02.2016).
- Freudenthal A. O., Vendell H. A.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- Isberg F.* Supplement till G. Danells Ordbok över Nucköområdet (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, XLVII). Uppsala, 1970.
- Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbyområdet. Med kommentarer utgivet av Nils Tiberg. (Svenska landsmål och svenskt folkliv. B. 56). Stockholm, 1953.
- Kluge, Fr.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl., bearb. von L. Sütterlin und E. Ochs. Halle: Niemeyer, 1926.
- Lagman H.* Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New series, 9). Stockholm, 1971.
- Lagman H.* Tyska lånord i estlandssvenska mål // Svenska landsmål och svenskt folkliv, 1973. S. 11–57.
- Mankov A.* A Scandinavian island in a Slavonic linguistic environment. The dialect of Gammalsvenskby: nouns (paper 2) // International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 60–110.
- SAOL = Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 11 uppl. Stockholm: Norstedts förlag, 1986.
- Tiberg N.* Estlandssvenska husdjurnamn jämte en dialektuppsats: Husdjuren på Runö av F. Lönnlund och T. Dreijer med teckningar av A. Hollman (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, LI. Estlandssvenskarnas folkliga kultur, 7). Uppsala: AB Lundequistska bokhandeln, 1972.
- Vendell H.* Runöområdet. Ljud- ock formlära samt ordbok (= Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliv, II.3.). Stockholm, 1882–1887.
- Wessén, E.* Svensk språkhistoria. II. Ordbildningslära. 5 uppl. Stockholm: Akademitryck, 1992.
- Young, G. V. C., Clewer, C. R.* Føroysk-ensk orðabók. Peel, Isle of Man: Mansk-Svenska Publishing Co., 1985.

Сведения об авторе: *Маньков А. Е.*, доцент кафедры германской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: mankov-pstgu@hotmail.com

Ли Вэньгэ, Сюй Хун (Китай)

ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРЕВОД¹

Суждение или отношение оригинального автора выражается посредством оценки. Но в процессе перевода его критериев оценки не всегда придерживается переводчик, поскольку у того, может быть, есть своя оценочная ориентация. Иначе говоря, собственный взгляд на мир и отношение переводчика не могут не оказывать влияния на результат перевода.

Ключевые слова: оценка, критерий оценки, оценочная ориентация переводчика

The judgement or attitude of the author of source works can be expressed by evaluation. How a translator follows the evaluation criteria can reflect the value orientation of the translator, because the translation is inseparable from the worldview and attitudes of the translator.

Keywords: evaluation, evaluation criteria, attitude of the translator.

Оценочное значение заключается в использовании *языка* как средства выражения личных мыслей и оценки происходящих в мире вещей. Оценочное и модальное значения равным образом связаны с личным суждением и отношением говорящего к предмету речи [Zhang Meifang, 2002: 15-16]. Оценочная система делится на три подсистемы (см. таблицу): 1) выражение человеком своих чувств – эмоции (affect); 2) оценка характера и поведения человека – суждение (judgement); 3) определение ценности вещей – аппрециация (appreciation) [Martin, 2000]. Все три указанных подсистемы тесно взаимосвязаны: «эмоции заключают в себе скрытое суждение о поведении, оценка поведения непременно вызывает соответствующие эмоции, а определение ценности вещей в свою очередь также вызывает эмоции» [Yu Jianping, Bai Tana, 2006: 217].

Оценочная система

личностное отношение	эмоции: <i>огорчаться, радоваться</i>
	суждение: <i>добрый, умный, бодрый</i>
	определение ценности: <i>идеальный, важный, вредный</i>

¹ Работа выполнена при поддержке гранта программы философии и социальных наук пров. Хэйлунцзян «Функциональная интерпретация текстового перевода» (13B014), гранта программы реформы образования аспирантов пров. Хэйлунцзян «Разработка моделей подготовки магистров-переводчиков технического профиля» (JGXM_HLJ_2014053) и гранта программы реформы образования ХПУ «Разработка и заимствование моделей подготовки профессиональных переводчиков в России» (JGYJ-201425).

Оценивание имеет свои отрицательные и положительные проявления: похвала и критика, восхищение и презрение, симпатия и ненависть; но все люди используют различные критерии оценки одного и того же явления, таким образом, «ценностная ориентация переводчика» [Zhang Meifang, 2002: 15] и оригинала могут сильно различаться.

При обсуждении вопроса «Почему переводчик отклоняется от ценностной ориентации оригинала» филолог Чжан Мэйфан указывала на 3 особенности данного явления: 1) различные культурные группы имеют различные категории ценностей; 2) разные этнические группы обладают разным эстетическим воззрением; 3) в различных языках существуют различные способы выражения мыслей и эмоций [Zhang Meifang, 2002: 18]. Во всех этих особенностях неизбежно находят отражение и различия, такие как отличные системы культурных ценностей, способы мышления, языки и культуры и многие другие явления. В принципе, такие отклонения могут быть вполне понятны и приняты читателями. Приведем примеры из разных текстов.

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот,
и красный,
на площади Красной,
народ.
(Н. Н. Асеев, «Кумач»)

Пер.: *Zhaoxia ying xuri*,
Heci ying zhumen;
Jiji hongchang shang,
Jin shi rongyuren.

В данном стихотворении слово *красный* повторяется 6 раз, так или иначе являясь оценкой человеческих свойств или явлений. Сначала слово *красный* в словосочетаниях «красные зори» и «красный восход» не переводится как *hong* «красный», но его семантический смысл заключается в явлениях *zhaoxia* «утренняя заря» и *xuri* «утреннее восходящее солнце». В китайском языке словосочетание *heci* означает приветствие или пожелание, произносимое по случаю радостного события, но смысл данного слова все же не совсем соответствует значению словосочетания *красные речи*. Изначально смысл словосочетания *красные ворота* близок по значению к словосочетанию *триумфальная арка*, но при переводе на китайский язык было использовано словосочетание *zhumen*, т. е. «ворота, покрытые красным

лаком», которое больше подходит в данном случае, но все-таки не передает исходного смысла. Словосочетание *Красная площадь* изначально означало «красивая площадь», но со временем оно потеряло свое оценочное значение и стало именем собственным; на китайский язык оно переводится *hongchang*. Словосочетание *rongyu ren* означает «почитаемый человек» (см. *красный народ* оригинала). Несмотря на то, что в китайском языке также присутствует подобное выражение *hongren* (буквальный перевод – «красный человек»), но оно скорее означает «фаворит, человек, пользующийся чьей-нибудь любовью, симпатией, покровительством в ущерб другим, одинаково достойным», и несет отрицательный оттенок. Таким образом, переводчик, руководствуясь оттенками значений словосочетаний, существующих в китайском языке, блестяще справился со своей задачей, самым глубоким и ярким образом передал смысл оригинального стихотворения, переведя на китайский язык все прилагательные «красный» по-разному.

Очевидно, что у Асеева весь смысл в повторе: и природа служит нагнетанию этого революционного (красного!) настроения и возбуждения. Но созданный им экзальтированный поэтический образ не исчезает в переводе, а воспроизводится выражениями в китайском языке, в которых присутствует оценочный смысл «красный».

При исследовании значения оценивания некоторые исследователи предложили использовать критерии, по которым будет производиться оценивание [G. Thompson, 1996: 65; Zhang Meifang, 2002: 16], поскольку выбор определенных критериев оценки может по-разному отразиться на понимании ценности вещей для разных культурных групп.

- (2) *Это польстило ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки!* (А. П. Чехов, «Человек в футляре»)

Пер. 1: *Zehua shi ta gandaode deyi, ta jiu daizhe ganqing dui ta kenqiedi jiangqi zai jiajiaqixiang tamen you yige tianzhuang, mama zhuzai tianzhuang shang, naer you shanghaode li, shanghaode tiangua, shanghaode kabake!* (Пер. Жу Луна)

Пер. 2: *Zhejuhua taodele tade huanxin, yushi ta kaishi dongqing er lingrenxinfudi gaoshu ta, shuo ta zai jiajiyaqixian you yige zhuangyuan, zhuangyuanli zhuzhe mama, nali you name haochide lizi, name haochide tiangua, name haochide kabake!* (Пер. Шэнь Няньцзюй)

С точки зрения оценочного значения, упоминавшееся в тексте три раза слово «такой», используемое для определения оценки качеств груш,

дынь и кабаков указанного места, не относится к конкретным оценочным прилагательным. Принимая во внимание контекстуальный смысл местоимения *такой*, в первом варианте перевода очень точно передана эмоциональная окраска текста: похвала, одобрение и восхищение, но во втором варианте для того, чтобы максимально сохранить колорит оригинала, местоимение было переведено как *name* «так» и еще было добавлено *haochide* «вкусный» для передачи более точного смысла. Таким образом, оба переводчика с достаточной степенью точности передали смысл и стиль оригинального текста, руководствуясь при этом едиными критериями оценки, используемыми автором исходного текста. Однако, если бы мы, опираясь только на показатели качества перечисленной сельскохозяйственной продукции и собственную категорию ценностей, вынесли суждение и оценку, то нельзя ли изменить перевод на: «*naer you tiancuikoude li, piaoxiangyourende tiangua, yingyangfengfude kabake!*» (буквальный перевод – «там вкусные сладкие и сочные груши, ароматные и соблазнительные на вкус дыни, богатые питательными веществами кабаки»)? Ведь, несмотря на использование отличных с автором критериев оценивания, такой перевод помогает китайскому читателю яснее представить себе описываемые образы и лучше понять смысл текста. При этом такая доместикация совпадает со стилистикой китайского языка и не наносит урона художественному переводу. Известный китайский филолог Ван Цзунянь говорил: «В каждом языке есть свои особенности, свои способы произношения звуков, литературные и стилистические приемы, социальный контекст, все эти тонкости невозможно передать» [Wang Zongyan, 1984: 7].

- (3) *Baoyu xinbu zouru, zhijian xianglian chuidi, qiaowu rensheng. Zoudao chuangqian, juede yili youxiang, cong bishachuangzhong touchu.* (Цао Сюэцинь и Гао Э, «Сон в красном тереме»)

Пер.: *Баоюй робко приблизился и увидел свисавшую до самой земли дверную занавеску из пятнистого бамбука. Ничто не нарушало стоявшей вокруг тишины. Баоюй подошел к окну, затянутому тонким шелком, и почувствовал **тонкий, необычайно приятный аромат.*** (Пер. В. А. Панасюка)

В «Словаре современного китайского языка» дается толкование слова *xinbu*: «бесцельно бродить, прогуливаться», но при переводе было добавлено оценочное наречие «робко», использование которого в данном случае совершенно очевидно не соответствует начальному значению слова *xinbu* и не передает художественный замысел. Казалось бы, использованное в исходном тексте слово *xinbu* и описанный ранее образ тишины элегантно

сочетаются друг с другом, а введение наречия *робко* наоборот искажает оценочное значение автора и лишает перевод первоначального очарования. Но в соответствии с теорией порождающей грамматики А. Н. Хомского, несмотря на различия всех поверхностных структур языка, смысловая основа выражаемого содержания глубинных структур является общей. Таким образом, при переводе можно использовать прием, когда один язык воспроизводит глубинную структуру другого языка, воссоздавая при этом его очарование. Например, переводчик очень точно и изящно подобрал слову *youxiang* соответствие в русском языке. Согласно «Большому русско-китайскому толковому словарю» *youxiang* переводится как «тонкий аромат», но переводчик посчитал необходимым также добавить эпитет «необычайно приятный» и усилить таким образом оценочное значение. Переводчик, всецело опираясь на собственные чувства и впечатления, передает образность и живость текста, не сковывая себя при этом узами буквального пословного перевода, не передающего стиль, красоту и поэтичность оригинала. Такой способ воссоздания художественных образов в литературном переводе захватывает читателя, вызывает его восхищение, так как при этом сохраняется уникальная атмосфера и эмоциональный настрой оригинального произведения.

- (4) *Jiamu bian chile banzhan, bian xiaozhe diyu liulaolao, shuo: «ni changchang zhege cha». Liulaolao jielai yikouchijin, xiaodao: «hao shi hao, jiu zhi danxie, zai ao nongxie genghaole». Jiamu zhongren dou xiaoqilai.* (Цао Сюэцинь и Гао Э, «Сон в красном тереме»)

Пер.: *Матушка Цзя отпила немного и передала чашку старухе Лю.
– Ну-ка отведай!*

Старуха единым духом выпила чай и с улыбкой сказала:

– Чай хороший, но слабоват – покрепче надо заваривать!

Остальные тоже пили чай из таких же чашек. (Пер. В. А. Панасюка)

Автор очень живо и с исчерпывающей полнотой описывает поведение старухи Лю в сцене с чаепитием, используя меткий фразеологический оборот *yikouchijin* в качестве оценочного значения действия, переведенного на русский язык выражением «единым духом выпила чай». По смыслу и экспрессии перевод полностью соответствует оригиналу, указывая на вульгарность манер старухи Лю. Далее с помощью лексических средств речи старухи Лю автор передал ее отношение и определение ценности первосортного чая *laojunmei* (буквальный перевод – «Брови старца»), переводчик, в свою очередь, в соответствии со значением слов на китайском языке очень точно

передал семантический смысл высказывания старухи, сохранив при этом равнозначность перевода и оригинала.

Как понять эту сцену с точки зрения прагматики? Почему матушка Цзя и остальные рассмеялись? Смогут ли читатели переведенного текста постигнуть смысл данного оценочного значения? В соответствии с исследованиями специалистов по изучению романа «Сон в красном тереме» чай *laojunmei* является разновидностью китайского белого чая, который после заваривания приобретает бледно-желтую окраску и имеет слабый вкус. Использованные старухой прилагательные «хороший» и «слабый» являются точной оценкой чая *laojunme*, но в последней части реплики старухи кроется вся суть ошибочного определения оценки чая, именно из которой можно заключить, что старуха Лю совершенно не разбирается в чае и что ей важны только собственные предпочтения, что и явилось причиной всеобщего смеха. Однако последнее предложение *Jiamu zhongren dou xiaoqilai* «Матушка Цзя и остальные тут же рассмеялись» переводчиком было опущено. Так как же тогда читатели переведенного текста смогут разглядеть оценочное значение, и возникнут ли у них одинаковые с читателями оригинала чувства и впечатления?

Таким образом, межличностная функция и ее значимая составная часть, т. е. система оценивания, очень важны не только для дискурса-анализа, но и для исследования переводов. Можно определить основные проблемы, возникающие при чтении русско-китайских и китайско-русских текстов: 1) точное следование переводчика критериям оценки, используемых автором оригинала, тщательно передает образ действий и эмоциональный настрой исходного текста; 2) невозможность использования переводчиком критериев оценивания, абсолютно идентичных критериям, использованным автором исходного текста, из-за влияния культурных аспектов языка, разных ценностных категорий и множества других факторов; 3) появление сокращения или увеличения оценочных значений оригинального текста, возникающие из-за ограничений, связанных с типом текста; 4) упущение из виду или неправильная передача первоначального оценочного значения. Первые из трех вышеуказанных проблем возникают вследствие того, что переводчик не может в полной мере избавиться от собственного, субъективного видения мира. Последней же ситуации следует старательно избегать, поскольку она оказывает непосредственное влияние на качество перевода.

Список литературы

Zhang Meifang. Appraisal and the Translator's Attitude // *Foreign Languages and Their Teaching*. 2002. № 7.

Martin, J. R. Beyond exchange: APPRAISAL Systems in English. S. Hunston and G. Thompson (eds) // Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford: OUP, 2000.

Yu Jianping, Bai Tana. Appraisal system and Translation. Wang Dongfeng (eds) // Functional Linguistics and Translation Studies. Guangzhou: SYSU, 2006.

Thompson, G. Introducing Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1996.

Wang Zongyan. Определение значений слов – основа перевода // Перевод в Китае. 1984. № 4.

Сведения об авторах:

Ли Вэньгэ, доктор филол. наук, профессор Института иностранных языков Харбинского политехнического университета. E-mail: yuqilihit@126.com

Сюй Хун, доцент Института иностранных языков Харбинского политехнического университета. E-mail: rainqili@126.com

О. А. Мальцева

ПЕРИПЕТИИ ПЛОТСКОГО И ДУХОВНОГО В ЦИКЛЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ВЕСНА»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье предлагается идейно-художественный анализ цикла Б. Пастернака «Весна» из его книги стихов «Темы и вариации» (1916–1922). Раскрываются особенности духовно-нравственного конфликта, который переживают герои произведения. Обращается внимание на роль межтекстовых связей в смысловой структуре пастернаковских стихотворений.

Ключевые слова: Б. Пастернак, цикл, духовно-нравственная проблематика, интертекстуальные связи, символ.

In the present article analysis of the cycle “Spring” by B. Pasternak from his poetic book “Themes and Variations” (1916–1922) is offered. Characteristics of spiritual and moral conflict that heroes experience are revealed. Special attention is paid to the role of intertextual connections in the semantic structure of Pasternak’s poems.

Key words: B. Pasternak, cycle, spiritual and moral problems, intertextual connections, symbol.

Для Пастернака, как известно, было очень важным отразить в своих произведениях некую «большую творческую идею»¹. В письме к Ю. М. Кайдену от 22 августа 1958 г. поэт писал, что «помимо и сверх отдельных тропов и метафор в стихотворении существует еще и переносный смысл, – это стремление всякой поэзии и искусства в целом <...> связать общее значение вещи с более широкими и основными идеями, чтобы раскрыть величие жизни и бездонную ценность человеческого существования»². В современном пастернаковедении нередко встречается мысль о духовном характере утверждаемых в творчестве Пастернака идей, что его поэтика служит «отпечатком духовного поиска»³. У литературоведов, однако, сложилось неоднозначное мнение о значении историко-культурных аллюзий, которые имеют место в лирике Пастернака. Так, особое внимание к их изучению уделяется в работах А. Жолковского, В. Баевского, Е. Фарыно, И. Смирнова, Е. Тюленевой, Л. Горелик и др. А, например, Б. Гаспаров считает, что «собственно

¹ *Озеров Л.* О Борисе Пастернаке. М., 1990. С. 37.

² *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. X. Письма 1954–1960. М., 2005. С. 379.

³ *Гаспаров Б. М.* Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). М., 2013. С. 49.

поэзия Пастернака <...> относительно бедна прямыми литературными, культурными, историческими аллюзиями (в сравнении с такими поэтами, как Маяковский или Хлебников, не говоря уже об акмеистах); ее интеллектуальное и художественное содержание вырастает преимущественно из культурно неотмеченного материала бытовой повседневности. Можно даже утверждать, что и тот «высокий» культурный и исторический материал, который фигурирует в лирических стихах Пастернака, попадает туда преломленным сквозь призму домашнего быта»⁴. Настоящая статья находится в русле исследований духовно-нравственной проблематики в творческом наследии поэта, в ней предлагается идейно-художественный анализ цикла Б. Пастернака «Весна», в ходе которого затрагивается вопрос о том, какую роль играют в произведении его интертекстуальные связи.

В стихотворении «Весна, я с улицы, где тополь удивлен...» (цикл «Весна») автор рисует развернутый образ «улицы» как совокупность ее составляющих – «тополя», «дали», «дома», «воздуха», «вечера». Их специфическая маркировка («удивлен», «пугается», «упасть боится», «синь», «пуст») служит отождествлению «улицы» с «выписавшимся из больницы»⁵, т. е. обессиленным после болезни человеком, в котором в полной мере не ощущается биения жизни. Улица – это метонимический образ человеческой жизни, и она названа в стихотворении «пустой», «как прерванный рассказ, // Оставленный звездой без продолженья». Другими словами, человек определяется здесь как творение («рассказ»), покинутое своим небесным Создателем («звездой»). О том, что в стихотворении имеет место отсылка к Библии, свидетельствуют такие межтекстовые элементы, как именование Бога «звездой» (ср.: «Я есмь <...> звезда светлая и утренняя» – Откр. 22:16) и упоминание Его животворящей силы (ср.: «из мертвых оживит наши смертные тела» – Рим. 8:11). В пастернаковской концепции важно, что «рассказ»-жизнь прерван, т. е. «звезда» пропала. При этом Вселенная, ей внимающая, но внезапно утратившая этот духовный образ, обретает черты того же больного, что и обыкновенная людская «улица» («недоуменье тысяч шумных глаз, // Бездонных и лишенных выраженья»). Другими словами, и люди, и весь мир без автора-«звезды» (Духа) в одинаковой степени духовно мертвы, так как не имеют в себе источника Жизни. Симптоматично, что лирический герой-поэт видит себя частью этого безжизненного пространства («я с улицы»).

⁴Там же. С. 198.

⁵ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М., 2003. С. 198. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Стихотворение «Пара форточных петелек...» раскрывает характер взаимоотношений героя и «улицы». Граница между ними отсутствует, поскольку в доме героя распахнута форточка, через которую в него проникают «февраля отголоски», т. е. воздух городской весны, в образе которого на мифологическом уровне явлены черты демона (фраза «гул⁶ ворвался» (с. 199) отсылает к заглавному образу стихотворения «Памяти Демона», где он «парой крыл намечал, // Где *зудеть*, где кончатся кошмару» (с. 114): смерти («Гул ворвался, как шомпол»), тьмы («этой ночью»), тоски («жалобы»), прельщения («эти прелести»), безумия («Раскатясь <...> // По свихнувшейся улице»). Герой причастен к этой стихии («этому плеску»), так как охвачен соответствующими мотивами нетрезвления и потери здравомыслия («Пить, пока не заметили, // Пить вискам и прическе!»), называет взрывающийся в окно «март» своим «бурным другом». Примечательно, что, опьяненный этим «воздухом воли», он «пьет» – «пойло». Данное слово, означающее питье для скота, определяет героя и других людей, потребляющих на улице «этот плеск, эти прелести», как овец, что соответствует библейскому образу народа-паствы. Эта деталь подчеркивает духовную сторону в восприятии образа народа-«улицы» и героя вместе с ним. И в самом деле, с внешней, материальной стороны они выглядят вполне благополучно, даже, можно сказать, блестяще: «экипажи», «дрожки», «щеголи». Это та сторона, блеском которой, по-видимому, и прельстил («растрогал») их окружающий мартовский «дух» тьмы («Начи, как ворочать // Языком, чтоб растрогались // Как тобой, этой ночью // Эти дрожки и щеголи»). Согласно библейской традиции, к которой апеллирует автор, «плотские помышления суть вражда против Бога <...>. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим.8:7–8). Таким образом, «март», прельщающий людей «плотскими помышлениями», у Пастернака воплощает в себе не что иное, как дьявольское начало. В этой идентификации образа, по-видимому, и кроется сокровенный ответ на вопрос героя «Кто ты, март?» Не менее важно, что в произведении этот последний «языком ворочает», и это контрастирует с образом «звезды»-рассказчицы из предыдущего стихотворения. Теперь именно «март»-демон оказывается тем «лукавым» учителем, у которого герой-поэт из-за отсутствия вдохновения свыше пытается научиться плотскому, а значит, безбожному по своей сути творчеству – заменить голос Духа формальным мастерством поэта-ремесленника:

⁶ Курсив везде мой.

Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой, этой ночью
Эти дрожки и щеголи (с. 199).

Образ воздуха-гула переходит из рассмотренного стихотворения в следующее «Воздух дождиком частым сечется...». В нем также присутствуют демонические черты: снова возникает мотив марта («Поседев, шелудивеет лед»), причем ассоциирующегося с фигурой бродячего пса (кстати, в произведении «ветер» действительно делает то, что свойственно этому хищнику, – «гоняет птиц»), у него «кашне», что традиционно являлось признаком мятежной природы, его речь «темна» и лжива («Ошарашит <...> сказкой»). Важной деталью является то, что, используя прием олицетворения, Пастернак наделяет данный образ сходством с образом лирического героя предыдущего стихотворения (ср. соответственно: «шалльной, шевелюру ероша» (с. 200) и «Пить вискам и прическе» (с. 199)), причем наличие «щегольского» мотива («расстегнув нараспашку // Пальтецо и кашне на груди») акцентирует в нем уже обозначенную выше тему неугодных Богу «плотских помышлений». Другими словами, образы нечистого духа и лирического героя настолько сближаются, что становятся неразличимыми, выступают как единство я=демон.

Обращает на себя внимание то, что здесь впервые появляется непосредственный образ героини («ты»). Знаменательно то, что в ее доме не горит свеча («Он <...> // Станет свечный натек колупать») – символ угасшего Духа («Я Свет миру» – Ин. 8:12), что там царит атмосфера небодрствования («зевнет»). Героя и героиню теперь связывает образ «глупой сказки», вписывающейся в мотив «рассказа», который призван указать читателю на то, что явленное здесь творение героя вдохновлено («научено») не Богом (недаром оно признается «нехорошей // Глупой сказкой»). Влияние такого творчества на подругу автор сравнивает с нанесенным ей ударом («ошарашит»), что в соседстве с образами гиацинта и ветра-демона актуализирует в подтексте древнегреческий миф о Гиакинфе. Любовь Аполлона (Феба), бога света и покровителя муз, к этому красивому юноше из-за действий ревнивого Борея обернулась гибелью для Гиакинфа (брошенный во время игры диск убивает молодого человека). Аналогично этому творчество влюбленного поэта, призванное излучать свет и радость жизни, но подхваченное ветром «помышлений плотских», превращается в свою противоположность – несет в себе трагедию, тьму и смерть. Автор, таким образом, контаминирует миф и евангельское учение, согласно которому «помышления плотские суть

смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» (Рим. 8:6). Примечательно, что обозначенный в начале произведения мотив Феба («вот-вот горизонт») оборачивается на деле лишь ожиданием света, которого все-таки нет.

Следующее стихотворение, «Закрой глаза. В наглушайшем органе...», раскрывает особенности генезиса внутреннего мира героев. В его основу автор кладет иносказание, почерпнутое из евангельской притчи о сеятеле (Лук. 8:4–5), поскольку обращается к традиционному образу поля как метафоре человеческой души. Душа героини нездорова, являет в себе признаки психического расстройства:

Закрой глаза. В наглушайшем органе
На тридцать верст забывшихся пространств
Стоят в парах и каплют храп и хорканье,
Смех, лепет, плач, беспамятство и транс.

Пастернак использует данный образ, ибо душевнобольной человек издавна считался одержимым духом нечистым. Действительно, душе-«полю» героини «подносит чашу дыма паровик», т. е. причащающую к inferну «чашу» питья, которое отчуждает героиню от «весны», этого символа жизни и света. Недаром «поле» стоит «в парах» – безжизненное, не дающее всходов.

В отличие от «нее», у лирического героя душа представлена в виде «чащи», то есть земли с уже давно проросшим семенем, но и он причащается к той же «чаше дыма», и ему также «невмочь с весною свыкнуться». Ретроспективная проекция рисует, однако, этот образ души-леса оцерковленным («под сенью орденских капитулов, // Служивших в полном облачении хвой <...>» – с. 200). Причем принципиальной представляется здесь идея аскетизма, заложенная в образе монашествующего леса, – идея отказа от мирских, плотских удовольствий, посвященности духовному служению. Эта мысль подчеркнута путем введения в контекст стихотворения антонимического образа «мирянина», того, кто не чужд «плотских помышлений». Определяющим является то, что этим «мирянином» оказывается «март» – лейтмотивный у Пастернака образ, который воплощает демоническое начало. Соответственно он занимается тем, что извращает путь святых: «Мирянин-март украдкою пропитывал // Тропинки парка терпкой синевой». Другими словами, талый снег, пропитывающий в марте землю, автор уподобляет прокисшей, забродившей влаге, чем и обуславливается возникновение мотива нетрезвления «леса», впавшего в искушение («Бродивших верб откупоривши штоф», «с угаром тонущих кустов»). При этом характерно, что образ затхлой, стоячей воды, несущей деревьям гибель, имеет весьма

привлекательный вид: «В вечерний час переставала двигаться // Жемчужных луж и речек акварель».

Обращает на себя внимание образ молодых деревьев-«саженцев», подрастающих на уже обработанной «паром» почве, – иносказательный образ, в котором угадываются черты той школьницы-«дитяти», каковой героиня была еще недавно: «И у дверей показывались выходцы // Из первых игр и первых букварей» (с. 201).

В последнем стихотворении, «Чирикали птицы и были искренни...», действительно, уже непосредственно развивается тема «ее детства». Примечательно, что в возникающем здесь образе школьниц делается акцент на их рукоделии и используемых нитях. Последнее явно перекликается с мотивом «рыболовной сети» (с. 195) и сакрального ученичества в образе юной героини из предыдущего цикла «Зимнее утро». Здесь это «ученичество» пока еще усердное и, как «доброе семя», оно благословенно свыше, о чем говорит соответствующая «благодатная» символика – метонимическое слияние с образом весны, птиц и небес в целом («Сияло солнце <...>. // Чирикали птицы. // <...> Немолчное пенье и щелканье шпулек, // Мелькали косички и щелкал челнок», «В раскрытые окна на их рукоделье // Сиделись, как голуби, облака»). При этом, заметим, автор разместил в своем произведении и образ другого семени, попадающего в поле зрения учениц («Сияло солнце на лаке карет»), – семени «плотских помышлений». В ярких лучах солнца присутствие дьявола почти незаметно: «С точильного камня не сыпались искры, // А сыпались – гасли, в лучах сгорев» (с. 201) (ср. с образом Демона в одноименном стихотворении Пастернака: «Но сверканье рвалось // В волосах и, как фосфор, трещали» – с. 114). Но благодаря повторному упоминанию данного образа подчеркивается важность мысли о том, что «враг рода человеческого» никуда не исчез, а просто дожидается, когда посеянные им «плевелы» взойдут и заглушат «доброе семя». Неслучайно в первоначальном варианте стихотворения этот образ был вынесен автором в заголовок «Точильщик, или Вздох, оказавшийся большевиком». Более того, желая, по-видимому, усилить «демоническое» звучание образа, Пастернак вводил в него лермонтовский, кавказский мотив («лезгин», «горец» – с. 399), который позже как, вероятно, избыточный убрал из окончательного текста. Обратим внимание на то, что радость демона-«точильщика», находящегося рядом со школой, связана с образом уже взрослых женщин, которые со временем массово становятся его клиентками – потребительницами плотских, материальных благ: «<...> точильщик был счастлив, // Что столько на свете у женщин ножей» (с. 201) (характерно, что образ ножа выступает здесь как символ и потребления, и душегубства одновременно).

Поначалу стихотворение имело заголовок «Весна в Москве» и было посвящено Н. Асееву, благодаря чему автор расширял историко-биографические смыслы произведения. Название стихотворения и цикла в целом связаны с биографией Н. Асеева, стихи которого впервые были напечатаны в 1911 г. в журнале «Весна». Цикл Пастернака призван был, по-видимому, напомнить о вдохновенной символистской юности и детстве его друга, воспитателем которого был дед – охотник и *рыболов*, знаток народных сказок и замечательный их *рассказчик*. Автор, следовательно, проводит своеобразную параллель между образом «подруги» и личностью своего товарища по цеху. Можно предположить, что Пастернак ощущал некоторую опасность в духовном генезисе обоих в результате их «помышлений плотских»⁷. Так, поэт оказался свидетелем отказа Асеева от себя прошлого, большевизации его творчества и стремительной карьеры. Показательно, что позднее Ариадна Эфрон в письме к Пастернаку от 1 октября 1956 г. обвинила Асеева, по сути, в деградации личности, назвав его «убийцей»⁸ своей матери – М. Цветаевой (после его отказа помочь ей поэтесса покончила с собой). Думается, Пастернак-художник сознавал, что, увлекшись вслед за подругой (=другом) плотским отношением к жизни, он имеет перед собой ту же перспективу утратить свою живую душу. Оттого поэт сближает в цикле и своего лирического героя, и ее=Асеева, отождествленных с одними и теми же московскими «улицами» («я с улицы»).

Итак, в цикле Б. Пастернака «Весна» ведущей, на наш взгляд, является проблема «осцилляции между демоном и ребенком»⁹, проблема опасностей, подстерегающих личность в процессе ее духовного развития. Эта тема была особенно актуальной для Пастернака-художника, который всегда стремился воплотить в своем творчестве важнейшие для человека жизнеутверждающие истины. По нашему мнению, конфликт между плотским и духовным, переживаемый героями цикла, в значительной степени передан посредством той семантической нагрузки, которую несут в себе имеющиеся здесь библейские, мифологические, историко-биографические и литературные аллюзии, в том числе пастернаковские автореминисценции.

Список литературы

Гаспаров Б. М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). М., 2013.

⁷ В произведении отразилось впечатление поэта от замужества Е. А. Виноград, вышедшей за наследника Ярославской мануфактуры А. Н. Дороднова.

⁸ Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., 1989. С. 455.

⁹ Кружков Г. «Как бы резвяся и играя...» // Новый мир. 1992. № 4. С. 169.

О.А.Мальцева

Кружков Г. «Как бы резвяся и играя...» // Новый мир. 1992. № 4. С. 167–180.

Озеров Л. О Борисе Пастернаке. М., 1990.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003–2005.

Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., 1989.

Сведения об авторе: *Мальцева Оксана Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального ун-та имени И.Канта, докторант МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: oa_malts@mail.ru

М. С. Центнер

РУСИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: СОСТАВ, ИСТОРИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ

В статье проанализирован лексический состав русизмов в немецком языке и описаны исторические предпосылки их появления. Торговым и политическим отношениям России и Германии более 1100 лет, немецкая и русская культуры тесно переплетаются и имеют много общего, в том числе и двусторонние языковые заимствования. Чтобы систематизировать состав русизмов, проникнувших в немецкий язык за такое долгое время, волны их появления были разбиты на четыре периода: средневековье, период Российской империи, советский период и наши дни. Для каждого периода характерна своя особая лексика.

Ключевые слова: русизм, заимствования, заимствованные слова из русского языка, история языка, германистика, русистика, освоение, лексические аналогии, немецкий язык, русский язык

In this article the lexical body of Russisms in the German language was analyzed and the historical preconditions for their appearance were described. German and Russian cultures have a lot of common points. The political and economical Russian-German relations are more than 1100 years old, that is why there are a lot of borrowed words from one language into the other and vice versa. To systematize the body of the Russisms which were borrowed during such a long time, the waves of their appearance were divided into four periods: the Middle Ages, the period of the Russian Empire, the Soviet period and modern times. Every period is characterized by its specific lexis.

Keywords: Russism, loan words, borrowings from Russian, language history, German philology, Russian philology, assimilation, lexical analogies, German language, Russian language.

В научной литературе давно отмечено большое количество заимствований из немецкого языка в русском языке, но при этом в российской лингвистике мало изучалось влияние русского языка на немецкий. Наблюдения показывают, что такое явление существует и представляет научную проблему. В данной статье разрабатывается классификация русизмов по историко-хронологическому принципу, т. е. периодизация появления русизмов в немецком языке. Эта тема может быть полезна преподавателям иностранных языков, в первую очередь немецкого, а также преподавателям русского языка как иностранного.

Для проведения исследования нами был составлен список русизмов в немецком языке в соответствии с большим словарём иностранных слов Дуден 2007 года. Было выбрано это издание, т. к. именно языковой институт Дудена уже более ста лет занимается лингвистическими проблемами немецкого языка и считается признанным и заслуживающим доверия [Glück, 1990: 183]. Под понятием «русизм» в широком смысле подразумеваются слова как русского, так и нерусского происхождения, заимствованные через русский язык, т. е. русский язык выступает либо в роли языка-первоисточника, передающего исконно русскую лексику, либо в роли языка-посредника, через который заимствуется иностранная лексика. Таким образом для определения русизма релевантен только непосредственный источник заимствования – русский язык. Согласно словарю Дуден на сегодняшний день в немецком языке наблюдаются более 350 русизмов, слов с пометкой «russ.». Сравнив этимологию указанных в словаре Дуден 2007 г. слов с российскими словарями, можно убедиться, что многие русизмы в немецком языке исконно русскими не являются. Среди русизмов в немецком языке встречаются слова с тюркской, латинской, французской и др. этимологией, а также слова, происхождение которых точно неизвестно. Приведём примеры таких русизмов: *das Burunduk* (бурундук) [Дуден, 2007: 230] – тюркское слово, *der Kefir* (кефир) [Дуден, 2007: 709] – слово кавказского происхождения, *das Mammut* (мамонт) [Дуден, 2007: 843] – по поводу этимологии ведутся споры, а слово *der Prokuror* (прокурор) [Дуден, 2007: 1105] имеет латинское происхождение.

У России и Германии исторически очень много общего - это экономические, политические, культурные, а ранее династические связи, инвестиции, торговля, туризм. Политические отношения между Германией и Русью восходят к 839 году. Как сообщают германские хроники, в этом году при кайзере Людовике I Благочестивом в городе Ингельгейме-на-Рейне появились посланники из Роса [Рігојков, 2002: 61], то есть политическим русско-германским отношениям более 1100 лет. Уже начиная с VIII века славяне вели торговлю с германцами через Балтийское море. Дальнейшему экономическому развитию отношений между Древней Русью и Европой способствовало развитие в IX новых торговых путей через русские земли в Азию [там же: 61]. После принятия Русью христианства стали заключаться браки между династиями русских и германских князей. Период с XIII по XVI век был временем расцвета германской Ганзы, торгового союза городов. Экономические отношения между Россией и Германией укрепились, что повлияло на межъязыковые отношения.

В этот период, начиная с раннего средневековья и до XVII века, в немецкий язык проникают некоторые заимствования из русского языка, например: *der Altyn* – алтын, *die Beluga* – белуга, *der Bojar* – боярин, *Kabacke* – кабак, *die Kopeke* – копейка, *der Kwass* – квас, *der Mammut* – мамонт (русские купцы торговали костью), *das Pud* – пуд, *der Rubel* – рубль, *das Selo* – село, *der Sterlet/Sterlett* – стерлядь, *der Zobel* – соболь, *der Zar* – царь, а также другие слова, обозначающие, в основном, ходовой товар и быт того времени.

С приходом к власти Петра I политические, экономические и культурные связи между Российской империей и Германией укрепились. В период становления российского флота и промышленности большое количество русских обучалось в Германии, а немецкие специалисты переезжали в Россию. При последующих правителях Российской империи, которые традиционно заключали династические браки с германской знатью, межкультурные взаимоотношения двух стран сохранялись. Этот период, начиная с XVIII века и до 1917 г., характеризуется обогащением русского языка большим количеством германизмов. *Абзац, бутерброд, бухгалтер, галстук, маляр, фарш, шлагбаум, шланг, шпигон, шприц, циферблат* – эти и многие другие слова пришли в русский язык из немецкого именно в данный период.

В свою очередь и в немецком языке появляются некоторые русские слова, правда, в гораздо меньшем количестве. Например, слово «грипп» было заимствовано немцами во время эпидемии 1782 г. и происходит из русского «хрип» [Бах, 1956: 222]. Проникнув в немецкий язык, слово «хрип» превратилось в *die Grippe* и вернулось в русский язык уже в новом обличье и со значением более конкретного диагноза, чем просто «хрип». В этот период в немецком языке появляются такие заимствования из русского языка, как: *die Balalajka* – балалайка, *der Buran* – буран, *der Gospodin* – господин, *der Gossudar* – государь, *der Dekabrist* – декабрист, *der Kosak* – казак, *der Kreml* – кремль, *der Pomestschik* – помещик, *die Purga* – пурга, *der Samowar* – самовар, *die Sloboda* – слобода, *der Starost* – староста, *die Steppe* – степь, *die Taiga* – тайга, *die Troika* – тройка, *die Tundra* – тундра, *der Ustaw* – устав, *der Wodka* – водка и др., т. е. слова, описывающие российскую действительность и обозначающие, например, сословия или природные явления, которые не встречаются в Германии.

В советскую эпоху в немецкий язык также проникает большое количество русскоязычных заимствований. Отметим при этом примечательный момент. Несмотря на то, что в Германию после Октябрьской революции эмигрируют многие представители дворянства и интеллигенции, заметного появления русизмов в этот период не отмечается. Влияния эмигрантов на немецкий язык практически не было, т. к. многие из них владели не-

мецким языком, а также имели хорошее образование. Согласно наблюдениям Е. А. Земской, занимавшейся русским языком эмигрантов в разных странах и посвятившей общению с ними много времени, - как правило, чем выше интеллектуальный уровень человека, тем меньше он смешивает разные языковые системы [Земская, 2001: 66]. Однако далее ситуация поменялась. После Второй мировой войны, произошло событие, повлиявшее на проникновение русизмов в немецкий язык. В Германии сложилась уникальная для западноевропейского мира историческая ситуация – в 1949 году возникло новое государство – Германская Демократическая Республика. ГДР фактически находилась под влиянием СССР. Русский язык в качестве обязательного предмета ввели во все школы ГДР, начиная с пятого класса. Появились также школы с углублённым изучением русского языка. Русский язык изучался в университетах [Gabka, 1987: 7]. СССР и ГДР интенсивно сотрудничали, на территории ГДР создавались советские военные объекты.

Во время существования ГДР в немецкий язык проникли, например, такие русизмы: *die Agitprop* – агитпроп (обиходное название агитации и пропаганды), *die Agrochemie* – агрохимия, *der Bolschewik* – большевик, *die Datsche/die Datscha* – дача, *dawai* – давай, *der Graschdanin* – гражданин, *der Gulag* – Гулаг (Главное управление исправительно-трудовых лагерей), *der Intourist* – интурист, *jarowisieren* – яровизировать, *die Kalaschnikow* – автомат Калашникова, *die Kolchose* – колхоз, *kollektivieren* – коллективизировать, *das Kombinat* – комбинат, *der Komsomol* – комсомол, *der Kulak* – кулак (зажиточный крестьянин), *der Leninismus* – ленинизм, *das Masut* – мазут, *der Mechanisator* – механизатор, *die Miliz* – милиция, *der Milizionär* – милиционер, *die Nomenklatura* – номенклатура, *die Oblast* – область, *das Politbüro* – *политбюро*, *das Sambo* – самбо, *der Samisdat* – самиздат, *die Sowchose* – совхоз, *der Sowjet* – совет, *sowjetisch* – советский, *der Sputnik* – спутник, *die Stiljagi* – стилиаги, *stoi* – стой, *die Stollowaja* – столовая, *der Subbotnik* – субботник, *der Towarischtsch* – товарищ, *das Universum* – универмаг и др.

Как отмечалось выше, некоторые русизмы данного периода изначально исконно русскими словами не являлись. Это слова, которые в свою очередь были заимствованы русским языком из других языков, например, из латинского, греческого, английского или французского. Так, корни таких слов как *директива* (*die Direktive*) или *коллектив* (*das Kollektiv*) – латинские. Однако для немецкого языка эти слова являются заимствованиями именно из русского языка, поскольку они возникли в России в связи с определенными явлениями и реалиями советской действительности. Приведём примеры

подобных заимствований: *die Havarie* – авария, *das Ambulatorium* – амбулатория, *die Brigade* – бригада, *die Direktive* – директива, *die Diversion* – диверсия, *der Fakt* – факт, *der Faktor* – фактор, *das Festival* – фестиваль, *der Kader* – кадр, *das Kabinett* – кабинет, *die Kombine* (с английским произношением) – комбайн, *die Magistrale* – магистраль, *die Norm* – норма, *das Objekt* – объект, *operativ* – оперативный, *das Territorium* – территория, *die Valuta* – валюта и др. [Schlosser, 1999: 24].

Благодаря достижениям советской космонавтики в немецкий язык проникают следующие русизмы: *der Kosmonaut* – космонавт, *der Kosmos* – космос, *der Sputnik* – спутник, а также имена собственные – *Mir*, *Sojus*, *Wostok* (Мир, Союз, Восток), обозначающие названия космических кораблей и станций [Best, 2003: 465].

Русский язык повлиял не только на лексический состав немецкого языка ГДР, но и на его синтаксис. В этот период в немецком языке появляется конструкция с несколькими существительными в родительном падеже, так называемая генитивная цепочка (*die Genitivkette*). Эта конструкция возникла в результате многочисленных переводов с русского языка на немецкий. Приведем пример: *председатель Исполнительного Комитета Государственного Совета депутатов трудящихся* > *der Vorsitzende des Vollzugkomitees des Staatsowjets der Deputierten der Werktätigen* [Schlosser, 1999: 25].

Русизмы, появившиеся в немецком языке в этот период, как уже отмечалось, отражают в основном советские реалии и политический дух своего времени.

После распада СССР и присоединения ГДР к ФРГ (Федеративной Республике Германии) в 1990 г. историческая ситуация сильно изменилась, что естественным образом отразилось и на немецком языке. Русский язык в школах бывшей ГДР перестал быть обязательным предметом, советская действительность ушла в прошлое. Изменилась реальность, и советские слова постепенно вышли из активного лексического состава как современного русского, так и немецкого языков. Однако и в этот период в немецком языке появляются новые русизмы, и связано это в первую очередь с новой волной эмигрантов. В 1990-е годы в Германию из бывшего СССР переехало более 1,6 миллиона этнических немцев и членов их семей. В некоторых семьях и общинах таких эмигрантов появляется разговорная смесь немецкого и русского языков. Возможно, как утверждает Е. А. Земской, это также связано с образовательным уровнем многих переезжавших, т. к. многие эмигранты плохо владели немецким языком и часто не имели высшего образования. Не секрет, что в период сталинских репрессий, а также после войны этнические немцы подвергались в СССР национальной дискриминации, им ограничивался до-

ступ к высшему образованию и фактически запрещалось занимать значимые государственные должности. Особенно очевидными были случаи, когда, например, в университет на германское отделение, этническая немка, прекрасно владеющая немецким языком, не проходила, зато это место получала девушка другой национальности, говорившая на немецком языке на уровне школьной программы. «Русские немцы» были одной из репрессированных в советское время национальных групп.

В этот период массовой эмиграции, то есть начиная с середины 1980-х и в 1990-е годы, в немецкий язык проникают такие русизмы, как: *die Glasnost* – гласность, *die Perestroika* – перестройка, *die Babuschka* – бабушка в платке, *die Kooperative/das Kooperativ* – кооператив, *die Reketiry (Pl.)* – рэкетирсы и другие слова, некоторые из которых ещё не вошли в современные словари немецкого языка.

В данной статье мы попытались представить периодизацию русскоязычных заимствований в немецком языке по их появлению. В ходе исследования были сделаны следующие наблюдения:

Русизмы отображают по большей части реалии российской действительности. Часто это одежда, предметы обихода (*die Balalaika* – балалайка, *die Burka* – бурка, *die Ikone* – икона, *der Kowsch* – ковш), слова, обозначающие животных (*der Irbis* – ирбис, *die Laika* – лайка, *der Wychuchol* – выхухоль), погодные явления (*der Buran* – буран, *die Purga* – пурга, *der Suchowej* – суховей), род деятельности человека (*der Ataman* – атаман, *der Bojar* – боярин, *der Bolschewik* – большевик, *der Kolchosnik* – колхозник, *der Kosmonaut* – космонавт, *der Milizionär* – милиционер), а также названия блюд русской национальной кухни (*die Blini* – блины, *der Borschtsch* – борщ, *die Pelmeni* – пельмени, *der Wodka* – водка) и т. д. Многие русизмы употребляются в основном только в контексте, связанном с СССР и Россией, и их можно отнести к экзотизмам.

Некоторые русизмы появились в немецком языке благодаря российской и советской науке (*das Bogomolezserum* – сыворотка Богомольца, *das Dubnium* – дубний, *das Korsakowsynrom* – синдром Корсакова, *das Masut* – мазут, *das Mendelewium* – менделевий).

Многие указанные в словаре Дуден, 2007 г. русизмы перешли в состав историзмов и архаизмов, и знакомы даже не каждому носителю русского языка. Например, *die Haidamaken (Pl.)* – гайдамак, т. е. «украинский казак, участник восстания против польских помещиков» [Ожегов, 2004: 124], а также «грабитель» [Фасмер, 1, 1987: 383]; слово заимствовано в русский язык из турецкого языка, а затем из русского языка в немецкий. *Der Jefimok* – монета, ефимок любской «любекский талер», слово заимствовано в русский язык из польского *joachimik* от латинского *Joachimicus* из *Joachimsthal* – мест-

ность в Чехии, где начиная с 1518 г. чеканился талер [Фасмер, 2, 1987: 29], а затем было заимствовано из русского языка немецким языком. Эти слова являются историзмами, т. к. данные явления уже ушли из жизни общества и потеряли для него всякую актуальность.

Классификация русизмов по историко-хронологическому принципу (т. е. их периодизация) - это несомненно лишь начальный шаг в их изучении. Разумеется, многие русизмы в немецком языке различных эпох вполне предсказуемы, но само представление их в диахроническом ракурсе убедительно выявляет лингвистический аспект многовекового взаимодействия культур.

Список литературы

- Земская Е. А.* Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская // Языки славянской культуры: Венский славистический альманах. М.; Вена, 2001.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2004.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1987.
- Бах А.* История немецкого языка. Пер. с немецкого Н. Н. Семенюк, под ред. М. М. Гухман. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
- Best K.-H.* Slawische Entlehnungen im Deutschen // Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 19. «Verlag Otto Sagner». München, 2003.
- Duden: Das große Fremdwörterbuch. Mannheim, 2007.
- Gabka K., Wiede E.* u. a. Russische Sprache der Gegenwart. Phonetik und Phonologie. Leipzig, 1987.
- Glück H., Sauer W.W.* Gegenwartsdeutsch. Stuttgart, 1990.
- Pirojkov A.* Russizismen im Deutschen der Gegenwart. Bestand, Zustand und Entwicklungstendenzen. Berlin, 2002.
- Schlosser H. D.* Die deutsche Sprache in der DDR. Zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen. Köln, 1999.

Сведения об авторе: *Центнер Мария Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка Калужского государственного ун-та имени К.Э. Циолковского. E-mail: maria.zentner@hotmail.com

**БЕРЕГОВСКАЯ Э. М.
СТИЛИСТИКА ОДНОФРАЗОВОГО ТЕКСТА:
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ.
М.: ЛЕНАНД, 2015. 334 С.**

Эда Моисеевна Береговская (1929–2011) известна работами в области риторики и стилистики, экспрессивного синтаксиса, лингвистики текста и арготологии. Сфера ее интересов находится на пересечении лингвистики и поэтики, причем особое внимание в ее исследованиях уделяется текстам необычным, иногда игровым, «текстам в экстремальной ситуации» (термин В. Г. Гака). Э. М. Береговская – прежде всего филолог-романист, знаток французского языка, исследователь поэтики французской литературы, автор учебников французского. Но, как видно из заглавия книги, в поле ее исследований попадают и русский материал, и тексты на других европейских языках.

Однофразовый текст, являющийся объектом рецензируемой книги, как показывает автор, окружает нас повсюду – это вывески, реклама, транспаранты, лозунги, надписи на разных предметах, краткие анекдоты и юморески, афоризмы и др. Береговская рассматривает такие тексты как особую лингвостилистическую единицу. Во-первых, они минимальны, в них стирается грань между предложением и целым текстом. А во-вторых, «существует целый ряд текстовых разновидностей (около тридцати), которые всегда выступают в монофрастической форме» (с. 11). Классифицируя монофрастические тексты, Береговская отмечает, что они «представляют собой совокупность с нерезко очерченными контурами», в центре которой жанры, требующие однофразовости, а на периферии – тексты, «которые лишь изредка выступают в этой форме» (с. 22). Автор предлагает классификацию однофразовых текстов – всего 70 видов. В перечень входят аннотации, автографы на книгах, названия живописных произведений, граффити, телеграммы, тосты, загадки, футбольные речевки и многое другое. Корпус, собранный исследовательницей, чрезвычайно обширен. Огромная коллекция текстов особой структуры на нескольких языках – русском, немецком, французском, в отдельных случаях латинском – плод многолетней работы: сбор материала и его научная обработка продолжались около двадцати лет.

Приступая к описанию семантики рассматриваемых текстов, автор ставит вопрос об их зависимости или независимости от ситуации и от других текстов – синсемантия или автосемантия. Хотя, казалось бы, преобладающей здесь должна быть автосемантия, часто встречаются и синсемантические однофразовые тексты. Например, фраза *On est mieux qu'en face* «Здесь лучше, чем напротив» понятна, только если знать, что это вывеска бистро, расположенного напротив тюрьмы Сантэ в Париже. Очень интересны синсемантические тексты, представляющие собой последние слова известных людей; будь они сказаны или записаны в другой ситуации, их значение было бы совсем иным. Ср., например, слова Рабле: “Tirez le rideau, la farce est terminée!” («Закройте занавес, фарс окончен!»). Часто жанр текста диктует его склонность к метафоричности или, напротив, необходимость буквального понимания. Так, техническая инструкция или доверенность требуют однозначности, а пословица понимается метафорически и может быть многозначна. Интересны наблюдения Береговской, касающиеся директивных, регулятивных текстов. Например, надпись “Entrée des artistes” («Вход для артистов») содержит не только констатацию, но и указание на то, что только артисты могут пользоваться этим входом. В последнее время, как отмечает исследовательница, наблюдается смягчение директивности регулятивных текстов, что особенно заметно в Европе и в США, но постепенно проникает и в русскую речевую культуру. Например, в Германии открыто директивное вроде «Вход с собаками воспрещен» заменяется корректной, вежливой надписью “Leider muss ich drauЯen bleiben” («К сожалению, я должен остаться на улице») с изображением пса.

Только «непосвященный» может подумать, что цель известной фразы «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» – рассказать об охоте на фазана; ср. английское “Richard of York gave battle in vain”. Такие тексты, так же, как и фразы-пароли, дразнилки и некоторые прибаутки, в книге называются «фантомными». «Фантомные тексты» маскируются под осмысленные, чтобы выполнить свою прагматическую установку: облегчить запоминание, дать тренировку речевым органам, реализовать языковую игру. Изучение фантомного текста имеет, очевидно, богатые перспективы, и безусловная заслуга Береговской – внимание к этому явлению.

Рассматриваются в книге и случаи, когда вербальный текст сочетается с невербальным, фраза – с изображением. Это реклама, подписи под фотографиями, девизы на эмблемах и др. Отдельно рассмотрен текст-стимул к порождению изображения типа «Точка, точка, запятая...».

Грамматическое описание рассматриваемого материала дается с точки зрения стилистики, что отражено в названии третьей главы – «Грамматика

однофразового текста в стилистическом аспекте». Здесь суммируются некоторые характерные синтаксические формы монофрастических текстов, использование в них риторических фигур, таких, как эллипсис, зевгма, полиптон, антанаклаза и др. Большой раздел книги посвящен монофрастическому тексту в различных функциональных стилях. Внутри каждого стиля есть жанры (или микрожанры), для которых типичен однофразовый текст. Например, внутри разговорного стиля это бытовая записка, стандартный текст поздравительной открытки, инскрипт на фотографии и книге, ходячая шутка, татуировка и др. Разным стилям и жанрам свойственна разная степень клишированности: в аксиоме она полная, а в технической инструкции или доверенности частичная. Но бывают случаи, когда текст не вписывается в единый стиль. Береговская приводит целый ряд таких текстов. Она отмечает, что городской интерстилевой текст иногда носит провокационный характер, привлекая внимание ярким высказыванием, шуткой, например, надписи на футболках.

Что касается однофразовых художественных произведений, то они могут быть и прозаическими, и поэтическими. Однофразовая поэтическая форма распространена во французской альбомной поэзии XVII–XVIII вв. В фольклоре однофразовыми бывают забавки и потешки, часто рифмованные, а в прозаической форме прежде всего анекдоты. Однофразовые стихотворения могут быть и краткими, и довольно длинными. Рассматривает автор и прозаические произведения, состоящие из одной длинной фразы, как например, рассказ В. Пелевина «Водонапорная башня», где в одной длинной фразе писатель «умудряется... нарисовать целую человеческую жизнь на фоне жизни всей страны» (с. 151).

Понятие игры разрабатывалось в современных гуманитарных науках в трудах целого ряда философов, литературоведов и лингвистов (Й. Хейзинга, Л. Витгенштейн, Ц. Тодоров, Ю. Лотман, Н. Арутюнова, Е. Земская). В рецензируемой книге ему посвящена глава «Людические аспекты однофразового текста». Игровые тексты в фольклорной традиции восходят к разным ситуациям: они могут быть организующими (считалка), интеллектуальными (загадка), могут носить юмористический характер и представлять собой жонглирование звуками и смыслами. В числе прочих Береговская описывает один из приемов перестановки звуков (фонем), морфем и слов, называемый иногда контрапетрией. По типу контрапетрии могут чередоваться и фонемы, и морфемы. Ср. у О. Григорьева: «Скворцы ручьят, / Ручьи скворчат» (с. 169). В разделе, посвященном соотношению игры и литературной традиции, рассматривается целый ряд микрожанров. Это анаграмма, акростих, абесадарий. Сюда же относится и языковая игра,

называемая по-французски *cadavre exquis*, придуманная в начале XX века французскими сюрреалистами, – нечто вроде известной в русской традиции игры в чепуху, в результате которой получаются грамматически правильные фразы, смысл которых проблематичен. Здесь вспоминаются лингвистические эксперименты – вроде известной фразы Хомского «Бесцветные зеленые идеи яростно спят». Однофразовая структура органична для каламбуров. Их классификация в рамках однофразового текста с многочисленными примерами дается на с. 182–206. Одной из форм каламбуров являются слова, образованные по принципу сращения морфем – «слова-чемоданы». Ср. у Н. Кончаловской: «Помидыни росли, / Редисвекла, чеслук и репуста» (с. 187). Особым микрожанром являются псевдодефиниции с использованием «народной» этимологии: «эпохондрия – эпохальная тоска по лучшей жизни» (Ф. Кривин), «изверг – вулкан, сопло – нос». Полностью новаторской является последняя, седьмая, глава книги, где рассмотрены мало изученные виды однофразового текста: ходячая шутка, *bon mot*, палиндром, автограф, запись в книге отзывов, надпись на значке, инскрипт на предметах. Что касается последнего микрожанра, то в него включены надписи на кружках, на футболках, на пакетах, на сумках, на полотенцах, на копилках, а в качестве поэтической иллюстрации приводятся стихотворения Расула Гамзатова в переводе Н. Гребнева. Например, «Надпись на винном роге»: «Порою делает вино / То, что и сабле мудрено».

Резюмируя свой анализ, Береговская перечисляет важнейшие особенности однофразового текста. Это, например, гибкость и способность к разнообразным стилистическим трансформациям, связь с видеорядом, тенденция к клишированию, возможность сведения смысла к фантомному, склонность к циклизации. Исследовательница приходит к выводу, что «однофразовый текст представляет собой феномен весьма репрезентативный, потому что в нем ярко проявляются характерные черты разного рода текстов, и крупномасштабный – он охватывает огромный массив текстов, более 70 разновидностей» (с. 308). Оценивая результаты исследования, подчеркнем объем проанализированного материала. Исследуются писатели-классики: А. Пушкин, Н. Карамзин, М. Лермонтов, А. Фет, А. Чехов, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Г. Аполлинер, П. Элюар, С. Малларме, Ж. Превьер, Ж. Сюпервьель, У. Шекспир, Э. Дикинсон, Э. Лир, Ф. фон Логау; а также и наши современники Г.-М. Энценсбергер, Р. Гамзатов, А. Вознесенский, В. Пелевин, М. Жванецкий, М. Яснов, В. Левин, Ф. Кривин, О. Григорьев. Исследовательница привлекает и тексты сугубо разговорного, даже «сниженного» стиля. Так, она собрала коллекцию надписей на партах в студенческих аудиториях и разбирает их в одном из разделов книги. Такой

подход следует признать не просто демократичным, но поистине филологическим – разнообразный материал как раз и позволяет сделать интересные научные выводы, а в нестандартизованных текстах проявляются новейшие тенденции развития языка и стилистики.

На наш взгляд, книга Береговской выходит за рамки заявленной темы. Ее исследование заставляет задуматься о соотношении сосюровских означаемого и означающего, о порождении смысла, о связи мысли и слова. Сталкивание прагматики и семантики в мнемонических фантомных текстах, внутренняя форма слова как путь к пониманию его значения, интертекстуальность в пародии как компонент ее смысла – все эти темы выводят на высокий уровень лингвистических размышлений. Поэтому рецензируемая книга – это и компендиум материала по стилистике, риторике, и истории литературы, и глубокое лингвистическое исследование.

Л. Э. Найдич

Сведения об авторе: *Найдич Лариса Эриковна*, старший научный сотрудник кафедры общего языкознания Еврейского Ун-та в Иерусалиме. E-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы, предлагаемые авторами для публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», направляются на электронный адрес edit@philol.msu.ru либо представляются на CD (и, при желании, в распечатке); рукопись может быть также направлена по почте на адрес редколлегии: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902.

Требования к оформлению публикаций:

- Во всех публикуемых текстах (статьях, материалах, сообщениях, обзорах, рецензиях) должны содержаться сведения об авторе по-русски и по-английски: имя, фамилия и отчество полностью, ученая степень и ученое звание (если применимо), место работы, должность, контактная информация (телефон и / или e-mail).
- Все статьи и материалы должны содержать аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов) на русском и английском языках.
- Все примечания, включая библиографические ссылки, должны быть оформлены в виде постраничных сносок.
- Список литературы располагается в конце статьи. Порядок представления библиографических единиц алфавитный (по фамилиям авторов либо по названию сборников или периодических изданий), без нумерации. В список литературы включаются только те работы, на которые автор ссылается в тексте.

Требования к файлам:

- Формат .doc, .docx или .rtf file.
- Максимальный объем – 20000 символов, включая пробелы.
- Шрифт Times New Roman, кегль 12, полуторный интервал.
- Все дополнительные шрифты, схемы и рисунки должны быть присланы также в виде отдельных файлов.

Рецензирование:

- Все присланные материалы рецензируются членами редколлегии и – при необходимости – приглашенными специалистами в соответствующей области.
- По решению редколлегии рукопись может быть принята к публикации, отклонена или возвращена автору для переработки. Решение сообщается автору в письменной форме в течение двух месяцев после сдачи рукописи.
- Если отзыв о рукописи положительный, автору высылаются замечания и рекомендации рецензентов, и после того, как будут сделаны все необходимые исправления, текст утверждается к печати в текущем номере журнала.

Плата за публикацию с авторов не взимается.